

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

Б. Б. Булатов, А. С. Дежнев
НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

Монография

Омск
ОМА МВД России
2023

УДК 343.1
ББК 67.629
Б 90

Рецензенты:

доктор юридических наук, доцент *Н. В. Азарёнок*
(Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург);

доктор юридических наук, доцент *К. В. Муравьев*
(Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова)

Булатов, Борис Борисович.

Б 90 Наложение ареста на имущество : монография / Б. Б. Булатов, А. С. Дежнев. — Омск : Омская академия МВД России, 2023. — 140 с.

ISBN 978-5-88651-842-9

Монография посвящена системному анализу избрания и применения достаточно распространенной в правоохранительной деятельности меры уголовно-процессуального принуждения — наложение ареста на имущество. В работе дано теоретическое обоснование включения соответствующих положений законодательства в систему мер уголовно-процессуального принуждения. Предложено авторское видение оснований наложения ареста на имущество, а также его отмены. Проведен анализ сроков применения рассматриваемой меры принуждения. Определены лица, на имущество которых может налагаться арест. Разработаны подходы к совершенствованию законодательства в рамках рассматриваемой сферы правового регулирования.

Издание адресовано научным и практическим работникам органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, а также аспирантам, студентам и преподавателям, всем интересующимся проблемами уголовного судопроизводства.

УДК 343.1
ББК 67.629

ISBN 978-5-88651-842-9

© Омская академия МВД России, 2023

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость обеспечения имущественных интересов личности путем наложения ареста на имущество возникает по многим уголовным делам. Востребованность этой меры уголовно-процессуального принуждения достаточно высока. Так, в 2020 г. судами общей юрисдикции было удовлетворено 37 979 ходатайств об аресте имущества¹, а в 2021 г. — 38 684². Данное обстоятельство не позволяет относить проблемы, связанные с арестом имущества, к числу второстепенных. При этом существует неопределенность в уяснении сущности рассматриваемой меры принуждения, ее места в системе уголовно-процессуального законодательства, оснований применения и установления соответствующих сроков. Острота проблемы усиливается тем, что исследуемая область отношений затрагивает интересы не только обвиняемых (подозреваемых), но и потерпевших, чьи права должны обеспечиваться в приоритетном порядке (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), а также иных лиц. Несвершенство механизма ареста имущества приводит к необходимости неоднократного вмешательства в данную сферу Конституционного Суда РФ. Даже после принятия органом конституционного контроля ряда корректирующих решений говорить об устранении многих проблем в рамках заявленной темы исследования преждевременно.

Значительная часть вопросов порядка наложения ареста на имущество обусловлена межотраслевым, комплексным характером правового регулирования имущественных отношений. Специфика законодательной регламентации обращения имущества, характерная для гражданско-

---

¹ *Отчет* о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020 года (Форма № 1) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 23.04.2023).

² *Отчет* о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 года (Форма № 1) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 23.04.2023).

правовых отношений, приводит к «уходу» из уголовно-процессуального поля многих особенностей процедурного характера. Применение совмещенных правил данной разновидности принуждения, разрешение вопросов конкуренции общих аспектов и частных особенностей оборота имущества, закрепленных в других законодательных актах, усиливает роль усмотрения следователя, дознавателя и суда. В связи с этим неудивительно, что практические работники, осуществляющие производство по уголовным делам, испытывают сложности в применении отдельных положений законодательства, имеющих разную отраслевую принадлежность.

Эти и другие особенности наложения ареста на имущество говорят о высокой значимости рассматриваемых проблем, обуславливая необходимость выработки в рамках монографического исследования оптимальной модели правового регулирования соответствующих отношений, представляющей большое теоретическое и практическое значение. Думаем, что представленный в работе подход найдет живой отклик среди специалистов, интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

§ 1. Теоретико-правовые предпосылки совершенствования законодательного регулирования наложения ареста на имущество

Вопросы, связанные с наложением ареста на имущество при производстве по уголовным делам, в последнее время приобретают все большую актуальность. Неоднократные обращения Конституционного Суда РФ к этим проблемам¹, введение с 15 сентября 2015 г. обновленного порядка применения рассматриваемой меры принуждения² отражают тенденцию к адаптации действующей модели нормативного регулирования ареста имущества к сложившимся социально-экономическим условиям. Данный фактор не был учтен при принятии УПК РФ 2001 г. Мно-

---

¹ *По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр. ; По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П // Там же. 2014. 31 окт. ; По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой ЗАО «Глория» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2014 г. № 31-П // Там же. 2014. 24 дек. ; и др.*

² *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон РФ от 17 июня 2015 г. № 190-ФЗ // Рос. газета. 2015. 6 июля.*

гие положения, затрагивающие имущественную сферу, были фактически продублированы из УПК РСФСР 1960 г., рассчитанного на иной формат общественных отношений, и не смогли в полной мере обеспечить реализацию прав, предусмотренных Основным законом страны. В значительной мере они до сих пор рассчитаны на арест имущества, являющегося частью повседневного быта человека.

В соответствии со ст. 52 Конституции РФ государство обязано обеспечить потерпевшим компенсацию причиненного преступлением ущерба. Согласно уголовно-процессуальному законодательству потерпевшему обеспечивается возмещение не только имущественного вреда, причиненного преступлением, но и расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя (ч. 3 ст. 42 УПК РФ). Реализация данных установлений предполагает заявление физическим или юридическим лицом соответствующего требования путем подачи гражданского иска (ст. 44 УПК РФ). Так, в 2021 г. судами было рассмотрено в рамках уголовного судопроизводства 97 349 гражданских исков. Из них удовлетворено полностью 58 525, частично — 17 963 иска. Общая сумма удовлетворенных исковых требований составила 60 111 971 648 руб.³ Поскольку уголовное судопроизводство призвано защитить права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), органы, осуществляющие производство по уголовному делу, обязаны позаботиться о судьбе заявленного гражданского иска. Он обеспечивается обнаружением имущества, подлежащего описи, и наложением на него ареста⁴.

Необходимость обеспечения имущественных притязаний путем наложения ареста на имущество, ценные бумаги, если принять во внимание качественные характеристики преступности, возникает по многим уголовным делам. Причем в последнее время эта потребность лишь растет. По данным МВД России, за весь 2021 г. ущерб от преступлений составил 834,5 млрд рублей, что на 62,7% больше аналогичного показателя прошлого года⁵.

Указанные цифры не позволяют относить проблемы, связанные с арестом имущества, к числу второстепенных. Некоторые из них уже

---

³ *Отчет* о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 года (Форма № 1) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 23.04.2023).

⁴ *Шадрин В. С.* Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000. С. 191.

⁵ *Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года.* URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 10.06.2022).

были предметом внимания авторов настоящей работы⁶. Между тем имеющаяся нормативная регламентация рассматриваемой меры принуждения ставит дополнительные вопросы теоретического и законодательного порядка. Существует неопределенность в уяснении сущности рассматриваемой меры принуждения, ее места в системе уголовно-процессуальных отношений. Несмотря на формальное отнесение наложения ареста на имущество к IV разделу УПК РФ, его применение допускает использование процедур, характерных для следственных действий. Это прямо вытекает из содержания ч. 5 ст. 165, ч. 1¹ ст. 170 УПК РФ и др. Буквальное толкование указанных норм дает повод к размышлениям об отнесении ареста имущества к числу следственных действий⁷. Этому способствуют и некоторые законодательные инициативы⁸.

Решение поставленной проблемы имеет практическое значение. Принадлежность наложения ареста на имущество к мерам принуждения, следственным действиям или другим институтам уголовно-процессуального права в значительной мере предопределяет не только характер законодательного регулирования, но и целевую направленность действий следователя и дознавателя. От этого зависят конечный результат правоприменительной деятельности указанных должностных лиц и в определенной степени эффективность работы правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

---

⁶ См., напр.: Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Определение срока наложения ареста на имущество при производстве по уголовным делам (по материалам решений Конституционного Суда РФ) // *Российский следователь*. 2015. № 13. С. 8–13; Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Новеллы законодательного регулирования срока наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве // *Российский следователь*. 2016. № 1. С. 12–16; Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Наложение ареста на имущество других лиц в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска // *Российский следователь*. 2019. № 8. С. 24–28; и др.

⁷ См., напр.: Бычков В. В. Система следственных действий в российском уголовно-процессуальном законодательстве // *Российский следователь*. 2013. № 10. С. 12–13; Ионов В. А. Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях. М., 2012. С. 59; Искандиров В. Б. Наложение ареста на имущество в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 8; Яновский Р. С. Актуальные проблемы производства следственных действий в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9, 15; Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 102, 118; и др.

⁸ *О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации*: федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // *Рос. газета*. 2013. 6 марта.

История этого вопроса уходит корнями к УПК РСФСР 1960 г., который предусматривал основания, порядок наложения ареста на имущество в рамках одной главы наряду с обыском и выемкой (гл. 14)⁹. Правила составления протокола наложения ареста на имущество формулировались совместно с указанными способами собирания доказательств (ст. 176). Такая форма нормативной регламентации позволила многим процессуалистам того времени считать наложение ареста на имущество следственным действием¹⁰. Данный подход получил широкое распространение, что привело к его неверному восприятию отдельными современными исследователями как единственного в указанный исторический период¹¹.

Сторонники отнесения наложения ареста на имущество к числу следственных действий отмечали, что предусмотренная в ст. 175 УПК РСФСР 1960 г. процедура напоминает осмотр, обыск и выемку, а его производство имеет познавательное, доказательственное значение¹². По этому поводу один из авторитетных специалистов по проблемам следственных действий С. А. Шейфер еще 35 лет назад применительно к наложению ареста на имущество писал: «По своей природе и целям это не познавательное, а организационно-распорядительное действие, проводимое для того, чтобы обеспечить неотчуждение имущества»¹³. Познавательную направленность наложения ареста на имущество в тот период ставили под сомнение и другие ученые¹⁴.

---

⁹ В УПК РСФСР 1923 г. норма о наложении ареста на имущество подозреваемого и обвиняемого была расположена в гл. 9 «Общие условия производства предварительного следствия».

¹⁰ См., напр.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970. С. 117–121; *Быховский И. Е.* Развитие процессуальной регламентации предварительного следствия // Сов. гос-во и право. 1972. № 4. С. 107–110; *Власенко В. Г.* Вопросы теории и практики возмещения материального ущерба при расследовании хищений государственного и общественного имущества. Саратов, 1972. С. 115; *Герасимов И. Ф.* Система процессуальных действий следователя. Следственные действия: (Криминалистические и процессуальные аспекты). Свердловск, 1983. С. 5; *Никулин Е. С.* Возмещение ущерба, причиненного правонарушением. М., 1983. С. 31; *Газетдинов Н. И.* Деятельность следователя по возмещению материального ущерба. Казань, 1990. С. 50; и др.

¹¹ *Яновский Р. С.* Актуальные проблемы производства следственных действий в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 14.

¹² *Советский уголовный процесс: Особенная часть.* М., 1976. С. 104–106.

¹³ *Шейфер С. А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981. С. 24.

¹⁴ См., напр.: *Абдумаджидов Г.* Проблемы совершенствования предварительного расследования. Ташкент, 1975. С. 10; *Гаврилов А. К., Ефимичев С. П., Михайлов В. А.,*

Своеобразие, специфика наложения ареста на имущество в сравнении со следственными действиями отмечалась профессором З. З. Зинатуллиным. Он определял указанную меру как процессуальное действие, заключающееся в описании имущества и запрещении пользоваться им лицу, в чьем владении оно находится¹⁵. На спорность отнесения наложения ареста на имущество к следственным действиям в рамках УПК РСФСР 1960 г. обратил внимание в своем исследовании В. В. Кальницкий¹⁶.

С учетом высказанных аргументов следует признать, что один лишь факт помещения статьи в главу 14 УПК РСФСР 1960 г. еще не определял целевую принадлежность того или иного действия или решения. В связи с этим один из авторов настоящей работы отмечал, что наложение ареста на имущество ни прямо ни косвенно следственным действием формально не называется¹⁷. В подтверждение данного вывода были приведены следующие аргументы.

Во-первых, ст. 87 УПК РСФСР 1960 г. не относилась к доказательствам протокол наложения ареста на имущество. Анализ ее содержания позволяет отнести к следственным действиям осмотр, освидетельствование, выемку, обыск, задержание, предъявление для опознания, следственный эксперимент. В статьях 131, 386 УПК РСФСР законодатель дополнительно называл производство экспертизы, а в ряде статей — допрос (ст. ст. 119, 131, 386 УПК РСФСР).

Б. Т. Безлепкин по этому поводу отмечал, что при наложении ареста на имущество фактические данные, имеющие значение для дела, как правило, не добываются, и протокол наложения ареста на имущество в числе источников доказательств не значится. «Указанное действие, — пишет он, — представляет собой меру уголовно-процессуального принуждения, применяемую не только в стадии предварительного расследования, но в стадиях и предания суду (ст. 233 УПК РСФСР), и судебного разбирательства (ст. 311 УПК РСФСР). Следовательно, речь идет об институте, имеющем «сквозной» характер по отношению к ряду стадий уголовного судопроизводства. Нормы об аресте имущества являются логическим

Туленков П. М. Следственные действия по советскому уголовно-процессуальному праву : учеб. пособие. Волгоград, 1975. С. 8–10.

¹⁵ Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань, 1981. С. 63.

¹⁶ Кальницкий В. В. Следственные действия. Омск, 2001. С. 59.

¹⁷ Булатов Б. Б. Решения и действия в правоприменительной деятельности органов расследования в уголовном судопроизводстве // Проблемы повышения эффективности деятельности органов внутренних дел : межвуз. сб. науч. тр. Омск, 1990. С. 105.

продолжением и конкретизацией положений ст. 30 УПК РСФСР, озаглавленной „Обеспечение возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, и исполнение приговора в части конфискации имущества, а эта статья в свою очередь развивает установления ст. 29 УПК РСФСР „Гражданский иск в уголовном деле“. Обе указанные статьи в УПК РСФСР помещены в разделе „Общие положения“. Было бы правильнее и наложение ареста на имущество рассматривать в неразрывной связи с положениями этих статей»¹⁸.

Точку зрения Б. Т. Безлепкина на сущность наложения ареста на имущество поддержал В. А. Азаров. Он развил сформулированные им в этой части теоретические положения и пришел к принципиальному выводу о необходимости изъятия нормы, регламентирующей основания и порядок наложения ареста на имущество, из раздела УПК РСФСР, посвященного собиранию доказательств, и включения ее в качестве самостоятельной статьи в главах раздела I «Основные положения»¹⁹.

Во-вторых, вывод о том, что наложение ареста на имущество не является следственным действием, находит подтверждение в правовой позиции Верховного Суда СССР, сформулированной в постановлении Пленума от 29 сентября 1953 г. № 7 (ред. от 29 августа 1980 г.). В пункте 7 данного документа высшая судебная инстанция обращает внимание на то, что «в тех случаях, когда после исполнения приговора о конфискации всего имущества будет обнаружено неконфискованное имущество подсудимого, приобретенное им до вынесения приговора или хотя бы и после этого, но на средства, подлежащие конфискации по приговору, суд, вынесший приговор, или суд по месту исполнения последнего выносит по представлению прокурора определение об обращении конфискации на обнаруженное имущество, если последнее может быть конфисковано по закону. При этом необходимо иметь в виду, что по смыслу ст. 42 Основ уголовного законодательства приговор в части конфискации имущества может исполняться в пределах срока давности исполнения обвинительного приговора»²⁰. С учетом этой позиции Верховного Суда СССР авторы одного из комментариев к УПК РСФСР отмечали, что органы дознания и следствия, обнаружив подлежащее конфискации имущество после вы-

---

¹⁸ *Безлепкин Б. Т.* Имущественные отношения в стадии предварительного расследования. Горький, 1976. С. 10.

¹⁹ *Азаров В. А.* Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Омск, 1995. С. 125–126.

²⁰ *О судебной практике по применению конфискации имущества* : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 сентября 1953 г. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

несения приговора суда, обязаны наложить на него арест, немедленно уведомив об этом прокурора и суд. Приговор в этой части мог быть исполнен в пределах давности исполнения обвинительного приговора²¹. Поскольку следственные и судебные действия проводятся в рамках уголовного дела и не выполняются в стадии исполнения приговора, наложение ареста на имущество «выпадает» из системы доказательственного права.

В-третьих, если наложение ареста на имущество — это следственное действие, то его выполнение в порядке ст. 119 УПК РСФСР должно было быть недопустимым. Между тем осуществление соответствующих мероприятий зачастую представлялось оправданным. Использование характерных для следственных действий ограничений в этой части воспринималось не столь строго. Еще более рельефно отражает анализируемую ситуацию институт приостановления уголовного дела. Анализ ст. ст. 195, 198 УПК РСФСР 1960 г. приводит к выводу о том, что следственные действия по приостановленному уголовному делу не выполнялись. Тем не менее принятие соответствующего решения не ограничивало применения ареста имущества²².

С учетом возникшей неопределенности, в 1990 г. авторы теоретической модели уголовно-процессуального законодательства, «разглядев» специфику, целевое назначение в уголовном судопроизводстве анализируемой процессуальной меры, предложили поместить нормы, относящиеся к наложению ареста на имущество, в разделе УПК РФ, посвященном возмещению вреда от преступления. Они рассматривали это процессуальное действие как меру обеспечения исполнения приговора в части имущественных взысканий²³. Данный подход находит своих сторонников и среди современных исследователей²⁴.

Достаточно специфично выглядел вариант законодательной регламентации наложения ареста на имущество в Модельном УПК²⁵. Суть его

---

²¹ *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А. М. Рекункова, А. К. Орлова. М., 1985. С. 296.*

²² См. подробнее: *Булатов Б. Б., Цыганов В. Г. Процессуальная деятельность оперативного уполномоченного БХСС на первоначальном этапе расследования // Проблемы первоначального этапа расследования : сб. науч. тр. Ташкент, 1986. С. 41.*

²³ *Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / под ред. и с предисл. В. М. Савицкого. М., 1990. С. 180-182 (автор гл. 40 «Обеспечение исполнения приговора в части имущественных взысканий» А. Г. Мазалов).*

²⁴ См., напр.: *Искандиров В. Б. Наложение ареста на имущество в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 15.*

²⁵ *Модельный уголовно-процессуальный кодекс (рекомендательный законодательный акт государств-участников Содружества Независимых Государств) // Меж-*

сводилась к следующему. В данном, рекомендательном для государств — участников СНГ документе наложение ареста на имущество рассматривалось как следственное действие. Ключевой особенностью являлось то, что аресту была посвящена отдельная глава (гл. 36), которая состояла из 7 статей. Она в свою очередь была помещена в Особенную часть Кодекса, в раздел 8 «Досудебное производство», и расположена между главами, регламентирующими производство обыска, выемки (гл. 35) и наложения ареста на корреспонденцию и перехват сообщений (гл. 37).

Несомненным достоинством такого подхода к регулированию наложения ареста на имущество является установление детального порядка его производства. Вместе с тем включение его в систему следственных действий представлялось искусственным, поскольку в ч. 1 ст. 272 рассматриваемого документа наложение ареста на имущество определялось как «мера процессуального принуждения, которая состоит в описи имущества и запрете собственнику или владельцу распоряжаться, а в необходимых случаях — также пользоваться этим имуществом».

Разработчиками УПК РФ норма о наложении ареста на имущество была включена в самостоятельный раздел «Меры процессуального принуждения». Тем самым на законодательном уровне было определено его место в системе кодекса, исходя из его сущности и функциональной направленности. Очевидно, что данный шаг не был случайным. К этому имелись необходимые теоретико-правовые предпосылки. Избранный законодателем подход в определенной степени подвел черту в научных изысканиях по данному вопросу. После принятия УПК РФ он получил дальнейшее развитие²⁶.

Вместе с тем сторонники старой теории, используя недостатки законодательной техники, по-прежнему обосновывают необходимость отнесения наложения ареста на имущество к системе следственных действий. В части 8 ст. 115 УПК РФ закреплено, пишет В. А. Ионов, что при наложении ареста на имущество составляется протокол в соответствии с требованиями

дународные правовые акты государств-участников СНГ в области борьбы с преступностью : сб. документов / под общ. ред. проф. В. В. Черникова. М., 1999. С. 221.

²⁶ См., напр.: *Ариба Г. В., Гирько С. И., Николук В. В.* Наложение ареста на имущество. М., 2004. С. 5–12 ; *Бычков В. В.* Система следственных действий в российском уголовно-процессуальном законодательстве // Рос. следователь. 2013. № 10. С. 13 ; *Иванов А. Н., Лапин Е. С.* Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве. М., 2007. С. 43 ; *Токарева М. Е.* Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам / М. Е. Токарева, Н. В. Буланова, Е. В. Быкова, [и др.]. М., 2005. С. 153 ; *Демуричев Л. Г.* Собираание доказательств в ходе досудебного производства путем проведения иных процессуальных действий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 17; и др.

ми ст. 166 УПК РФ («Протокол следственного действия») и ст. 167 УПК РФ («Удостоверение факта отказа от подписания или невозможности подписания протокола следственного действия»). Наложение ареста на имущество, по его мнению, допустимо считать следственным действием, так как протокол наложения ареста (опись) может быть источником доказательств. Ионов приводит и другие аргументы подобного свойства²⁷.

Полемизируя с данным ученым, хотелось бы отметить, что формальное упоминание законодателем меры принуждения в виде наложения ареста на имущество в системе норм, относящихся к следственным действиям, говорит лишь о правовой возможности использования отдельных процедур доказательственного права для достижения целей, вытекающих из ст. 115 УПК РФ. Цель ареста имущества состоит не в собирании доказательств по уголовному делу, а в обеспечении исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104¹ УК РФ. В отличие от мер процессуального принуждения, производство следственных действий направлено на обнаружение, проверку и закрепление доказательств²⁸. Важнейший для следственных действий признак, связанный с их познавательной направленностью, в случае с наложением ареста на имущество не выражен в нужном объеме.

По этому поводу А. Н. Иванов и Е. С. Лапин справедливо отмечают, что в ходе ареста имущества следователь (дознатель) не получает каких-либо фактических данных, сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по делу. У наложения ареста на имущество отсутствует главный критерий, по которому те или иные процессуальные действия относятся к числу следственных — направленность на собирание и исследование фактических данных (познавательный аспект) с целью получения доказательств по уголовному делу. Суть наложения ареста на имущество заключается в том, чтобы установить препятствие к его возможному отчуждению и сокрытию от взыскания и конфискации. Поэтому уголовно-процессуальный закон не включил наложение ареста на имущество в разряд следственных действий²⁹.

Исследуя данный вопрос, С. Б. Россинский приходит к аналогичному выводу. Признавая ошибочность отнесения отдельными авторами на-

---

²⁷ Ионов В. А. Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях. М., 2012. С. 59.

²⁸ Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Следственные действия. Омск, 2015. С. 17.

²⁹ Иванов А. Н., Лапин Е. С. Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве. М., 2007. С. 39.

ложения ареста на имущество к числу следственных действий, он отмечает, что соответствующая форма уголовно-процессуальной деятельности не направлена на установление новых сведений, имеющих значение по уголовному делу, не связана с получением доказательственной информации. Она носит обеспечительный характер³⁰.

Рассуждая в этом ключе, Т. А. Ханов указывает, что рассматриваемая мера процессуального принуждения связана с введением ограничений имущественного характера. Лицо лишается права распоряжаться, а в определенных случаях и пользоваться своим имуществом³¹. Развивая мысль ученого, можно сделать вывод, что обозначенная специфика не определяется необходимостью собирания доказательств по уголовному делу.

Причисляя наложение ареста на имущество к следственным действиям, ученые вынуждены говорить о протоколе наложения ареста на имущество как источнике доказательств³². Вместе с тем отсутствие в этом документе сведений, входящих в предмет доказывания, не позволяет указанный протокол учитывать в содержании ст. 74 УПК РФ. Предназначение данного протокола состоит в фиксации имущества, последующая реализация которого позволит компенсировать потерпевшему материальные потери в связи с совершенным преступлением или обеспечить реализацию наказания. Эти данные не отражают особенности преступной деятельности обвиняемого (подозреваемого).

Достаточно противоречивый подход к данной проблеме исповедует В. Б. Искандиров. С одной стороны, он приходит к выводу, что наложение ареста на имущество относится к иным мерам процессуального принуждения и не является самостоятельным следственным действием, поскольку непосредственно не направлено на собирание и проверку доказательств (не имеет познавательной цели). С другой стороны, он, отмечая двойственный характер данной меры принуждения, говорит о ней как о следственном действии. Вместе с тем, нормы регулирующие наложение ареста на имущество, предлагается разместить совместно с положениями, определяющими порядок возмещения имущественного вреда³³.

---

³⁰ *Россинский С. Б.* Следственные действия как средства познания обстоятельств уголовного дела // *Рос. следователь.* 2014. № 23. С. 16.

³¹ *Ханов Т. А.* Обеспечение имущественных прав личности при применении мер принуждения в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан. Караганда, 2006. С. 79.

³² *Ионов В. А.* Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях. М., 2012. С. 59, 65.

³³ *Искандиров В. Б.* Наложение ареста на имущество в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 8, 14, 15.

В этом контексте хотелось бы отметить, что, признавая отсутствие познавательной направленности у наложения ареста на имущество, указывая на то, что данная мера не является самостоятельным следственным действием, нельзя одновременно утверждать, фактически, обратное. При этом размещение соответствующей нормативной основы с положениями, определяющими порядок возмещения имущественного вреда, выглядит весьма неопределенно, поскольку не указано, в какой главе их можно отразить. Известно, что соответствующие установления рассредоточены по разным разделам УПК РФ (ч. 3 ст. 42, ст. 44, ч. 1 ст. 299 и др.), а также другим отраслям права (ст. ст. 1064–1083 ГК РФ).

Сторонники причисления наложения ареста на имущество к системе следственных действий, как правило, обходят вопрос о том, что законодатель не исключает применения указанной меры принуждения в период приостановления уголовного дела. Между тем известно, что ч. 3 ст. 209 УПК РФ содержит категорический запрет на производство следственных действий во время перерыва в расследовании. Конституционный Суд РФ, исследуя конституционность содержания ст. ст. 115, 208 УПК РФ, в своих решениях неоднократно приходил к выводу, что, во-первых, наложение ареста на имущество является мерой принудительного характера и, во-вторых, приостановление производства по уголовному делу не исключает применения соответствующих ограничительных мер³⁴. Таким образом, вывод об учете наложения ареста на имущество в системе мер уголовно-процессуального принуждения дополнительно подтвержден судебным органом конституционного контроля.

Сходную позицию в этом вопросе занимает и Верховный Суд РФ. Он недвусмысленно ориентирует правоприменителя на то, что в уголовном судопроизводстве наложение ареста на имущество является одной из мер процессуального принуждения, применяемой в целях обеспечения надлежащего исполнения приговора в отношении подозреваемого, обвиняемого³⁵.

---

³⁴ См., напр.: *По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой* : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр. ; *По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой ЗАО «Глория»* : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2014 г. № 31-П // Там же. 2014. 24 дек.

³⁵ *Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-*

Немаловажным является тот факт, что период действия рассматриваемой меры принуждения распространяется далеко за рамки стадии предварительного расследования³⁶. Временные границы наложения ареста на имущество очерчены весьма неопределенно. Так, при постановлении приговора судья решает вопрос о том, как поступить с имуществом, на которое наложен арест для обеспечения исполнения наказания в виде штрафа, для обеспечения гражданского иска или возможной конфискации (п. 11 ст. 299 УПК РФ). Следует обратить внимание на то, что он не отменяет данную меру принуждения. Она продолжает действовать и в стадии исполнения приговора. В соответствии с ч. 2 ст. 393 УПК РФ для исполнения приговора в части имущественных взысканий вместе с копией приговора судебному приставу-исполнителю направляется исполнительный лист. Таким образом, проявленное в стадии уголовного процесса, не ориентированной на собирание доказательств по уголовному делу, наложение ареста на имущество обнаруживает отличные от следственных действий черты и целевое назначение, присущее мерам принуждения.

Определив место наложения ареста на имущество в системе уголовно-процессуального законодательства, важно обратить внимание на то, что применение и исполнение данной меры принуждения имеет межотраслевой, комплексный характер. Данный фактор требует от органов предварительного расследования и суда учета в своей деятельности ряда законодательных актов, регулирующих имущественные отношения. Игнорирование этого обстоятельства приводит к правовым спорам, часть которых становится предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Обеспечительная деятельность соответствующих должностных лиц связана с исполнением обязанностей государства по защите прав собственности (ст. ст. 35, 36 Конституции РФ). В этом контексте используемое в ст. 115 УПК РФ понятие «имущество» представляет определенный научный интерес. Его правовая характеристика имеет большое значение при избрании указанной меры принуждения, поскольку она формирует представление о круге объектов, оборот которых подвергается ограничениям.

В УПК РФ указанная категория представлена достаточно широко (п. 131 ст. 5; ст. ст. 82, 115, 160 и др.). В то же время, сформулированное

процессуального кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 марта 2019 года) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

³⁶ См., напр.: *Дайджест* практики по уголовным делам областных и равных им судов // Уголовный процесс. 2015. № 12. С. 15.

в п. 131 ст. 5 УПК РФ понятие охватывает лишь небольшой круг видов имущества, учитываемых в сфере уголовного судопроизводства. Законодатель не стремится к закреплению в УПК РФ всего их разнообразия. Для этого он использует достаточно широкие понятия «любые вещи», «имущественные права» безотносительно к каким-либо объектам материального мира. Данное обстоятельство приводит к необходимости обращения правоприменителя к другим законодательным установлениям. Их выбор, как правило, определен конкретной ситуацией, вытекающей из обстоятельств уголовного дела. Так, арест недвижимого имущества предполагает учет положений Гражданского кодекса РФ, Земельного кодекса РФ, иных правовых актов³⁷. При наложении ареста на ценные бумаги нельзя обойтись без уяснения правил, закрепляющих специфику их оборота³⁸.

В этом контексте нетрудно заметить, что УПК РФ не предусматривает каких-либо особенностей порядка применения рассматриваемой меры принуждения в зависимости от вида имущества, подвергаемого аресту. Соответствующее исключение он делает лишь для ареста ценных бумаг (ст. 116 УПК РФ). В остальном порядок реализации данной меры уголовно-процессуального принуждения имеет общий характер. При этом даже виды имущества, которые не могут подвергаться соответствующим ограничениям, закреплены в другой отрасли права (ст. 446 ГПК РФ). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что законодатель старается минимизировать регламентацию в УПК РФ вопросов имущественного характера. Полагаем, что это связано не только с их многообразием³⁹, но и с разной отраслевой принадлежностью. Указанный фак-

---

³⁷ См., напр.: *О государственной регистрации недвижимости* : федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ // Рос. газета. 2015. 17 июля ; *Об ипотеке* (залоге недвижимости) : федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ // Рос. газета. 1998. 22 июля ; *Об участии* в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ // Рос. газета. 2004. 31 дек. ; и др.

³⁸ См., напр.: *О рынке ценных бумаг* : федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ // Рос. газета. 1996. 25 апр. ; *Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг* : федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 136-ФЗ // Рос. газета. 1998. 6 авг. ; *Об инвестиционных фондах* : федеральный закон от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ // Рос. газета. 2001. 4 дек. ; *Об ипотечных ценных бумагах* : федеральный закон от 11 ноября 2003 г. № 152-ФЗ // Рос. газета. 2003. 18 нояб. ; *О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте* : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ // Рос. газета. 2011. 11 февр. ; и др.

³⁹ Так, например, даже перечень объектов недвижимости законодатель закрепил в открытом виде (земельный участок, здание, сооружение, помещение, машино-место, объект незавершенного строительства, единый недвижимый комплекс, пред-

тор приводит к исключению из уголовно-процессуального поля многих особенностей процедурного характера, связанных с арестом имущества. Применение совмещенных правил данной разновидности принуждения, разрешение вопросов конкуренции общих аспектов (ст. 115 УПК РФ) и частных особенностей оборота соответствующего вида имущества, закрепленных в других законодательных актах, усиливает роль усмотрения следователя, дознавателя и суда.

В связи с этим неудивительно, что практические работники, осуществляющие производство по уголовным делам, испытывают определенные сложности в применении отдельных положений законодательства. Имеются вопросы к используемой в ст. ст. 115, 116 УПК РФ терминологии. Так, название ст. 116 УПК РФ говорит об аресте ценных бумаг, в то время как ее содержание предполагает введение соответствующих ограничений и в отношении их сертификатов. При этом в рассматриваемой статье закона и в ст. 5 УПК РФ существо перечисленных понятий не раскрывается.

Нередко встречается коллизия норм различных законодательных актов.

Поэтому исполнение рассматриваемой меры принуждения, хотя и осуществляется в рамках уголовного судопроизводства, но в значительной степени предполагает учет правил, сформулированных в других отраслях права, которые не всегда учитывают специфику, связанную с расследованием и судебным разбирательством преступной деятельности. В целях обеспечения интересов правосудия по уголовному делу устанавливается приоритет публичных начал над частными интересами.

В этих условиях уголовное судопроизводство предусматривает некоторые возможности, связанные с рассмотрением правового спора в другом правовом режиме. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 309 УПК РФ, если необходимо произвести дополнительные расчеты, связанные с гражданским иском, требующие отложения судебного разбирательства, суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. В другом случае отмена ареста безналичных денежных средств, возмещение имущественного вреда, причиненного нарушением разумного срока применения данной меры процессуального принуждения также могут быть связаны с их разрешением в порядке гражданского судопроизводства (ч. 9 ст. 115, ч. 6 ст. 115¹ УПК РФ). Аналогично могут решаться споры о принадлежности вещественных доказательств (п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ).

приятие как имущественный комплекс, иной вид) — п. 1 ч. 4 ст. 8 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Рос. газета. 2015. 17 июля.

С учетом разнообразного характера экономических отношений считаем, что этот подход требует развития. Следовательно, дознаватель, ориентированный на установление обстоятельств преступного события, с учетом предмета доказывания, не должен одновременно решать еще и другую задачу, связанную с проблемами собственности. К тому же регулирование такого рода вопросов осуществляется гражданским законодательством, в рамках которого приоритет отдается частноправовым механизмам рассмотрения вопросов. Их нельзя подменять уголовно-процессуальными схемами правового регулирования. Эту линию развития уголовно-процессуальных отношений поддерживает и Конституционный Суд РФ, который допускает возможность возмещения причиненного преступлением вреда путем установления федеральным законодателем процедурных механизмов перевода ареста имущества из уголовного в гражданское (арбитражное) судопроизводство в случае признания в приговоре права на удовлетворение гражданского иска⁴⁰. Соответствующий порядок еще не выработан законодателем. Полагаем, что сам переход из одного вида производства в другой и последующее рассмотрение дела в гражданском процессе не должны сопровождаться потерей ряда гарантий защиты интересов личности. Это касается вопросов представительства интересов сторон, режима сохранности имущества, исчисления судебных издержек и др.

При отсутствии должного регулирования рассматриваемой сферы предпринимаются попытки устранения имеющихся пробелов на ведомственном уровне. Так, в письме Федеральной службы судебных приставов России⁴¹ делается вывод о том, что залогодержатель вправе обратиться в суд с требованием об освобождении имущества от ареста, если спорное имущество является предметом залога. В этих условиях иск об освобождении имущества от ареста, наложенного по уголовному делу, подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 442 ГПК РФ). Отмечается, что указанная норма гражданского процессуального законодательства не содержит ограничений для рассмотрения требований в зависимости от того, в рамках какого процесса наложен арест (гражданского или уголовного). При этом в целях соблюдения публичных интересов суды принимают во внимание обстоятельства, касаю-

---

⁴⁰ По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 УПК РФ в связи с жалобой гражданки И. В. Янмаевой : постановление Конституционного Суда от 17 апреля 2019 г. № 18-П // Рос. газета. 2019. 29 апр.

⁴¹ Об освобождении заложенного имущества от ареста, наложенного в порядке уголовного судопроизводства : письмо Федеральной службы судебных приставов России от 12 февраля 2019 г. № 00072/19/49415-ОП // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

щиеся характеристики спорного имущества, особенностей его получения и использования в ходе преступной деятельности лица.

Следует признать спорность указанного подхода. Так, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определениях от 15 мая 2012 г. № 813-О⁴² и от 25 октября 2016 г. № 2356-О⁴³, отмена указанных мер возможна только лицом или органом, в производстве которого находится уголовное дело и в чьи полномочия входят установление и оценка фактических обстоятельств, исходя из которых снимаются ранее наложенные аресты. Допускаем, что сформулированная в письме Федеральной службы судебных приставов России процедура может быть применима после вступления приговора в законную силу. Однако в этом случае, с учетом сформулированной Конституционным Судом РФ правовой позиции⁴⁴, речь должна идти об исковых требованиях лица, не являющегося обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за действия последнего.

Анализ правоприменительной практики показывает, что заинтересованные участники уголовного процесса нередко используют сформулированные в разных законодательных актах процедуры для защиты своих имущественных интересов, ставя под сомнение легитимность отдельных норм

---

⁴² *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Садыкова Ильгизара Яхиевича на нарушение его конституционных прав положениями абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца шестого пункта 1 статьи 16, пункта 3 статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», частей третьей и девятой статьи 115 и пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2012 г. № 813-О // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴³ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» на нарушение конституционных прав и свобод частью третьей статьи 6¹, частями первой, третьей и девятой статьи 115 и статьей 115¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также абзацем девятым пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» : определение Конституционного Суда РФ от 25 октября 2016 г. № 2356-О // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴⁴ *По делу* о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 УПК РФ в связи с жалобой гражданки И. В. Янмаевой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 апреля 2019 г. № 18-П // Рос. газета. 2019. 29 апр.

УПК РФ⁴⁵. В этих условиях важно учитывать, что в случае возникновения спора о сохранении ареста на имущество может быть реализовано не только право, предусмотренное ч. 9 ст. 115 УПК РФ, но и возможности, связанные с обжалованием действий лица или органа, уполномоченного отменить соответствующую меру принуждения (ст. ст. 123–125 УПК РФ). На данное обстоятельство обратил внимание в одном из своих решений Верховный Суд РФ⁴⁶. Рассмотрение такого рода споров должно осуществляться по правилам, установленным УПК РФ. Поскольку соответствующая судебная процедура обжалования предусмотрена уголовно-процессуальным законом, было бы неправильным разрешать этот вопрос в ином порядке.

Несмотря на это, использование альтернативных способов освобождения имущества от ареста, предусмотренного ГПК РФ, не редкость⁴⁷. Отсутствие в этой части формальных ограничений приводит к конкуренции процессуальных правил определения судьбы арестованного имущества, способствует созданию ситуации неопределенности в обеспечительной деятельности следователя, дознавателя и суда. В связи с этим в юридической литературе встречается мнение о недопустимости смешения правовых процедур⁴⁸. Соответственно, и вопросы, связанные с обеспечительной деятельностью следователя, дознавателя и суда, должны разрешаться в порядке уголовного судопроизводства.

Таким образом, важно признать, что перечень нормативных правовых актов, подлежащих учету при наложении ареста на имущество, может быть достаточно широким. При этом разные виды имущества часто предполагают отличающиеся друг от друга режимы хранения. Это необходимо не только для исключения случаев утраты материальных активов, но и для

---

⁴⁵ См., напр.: *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 8 декабря 2015 г. № 5-КГ15-172* // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴⁶ *Определение Верховного Суда РФ от 6 апреля 2018 г. № 307-КГ18-2102 по делу № А56-22316/2017* // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴⁷ См., напр.: *Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 мая 2021 г. № 88-8725/2021* // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 8 сентября 2021 г. № 88-14104/2021 по делу № 2-1160/2020* // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14 февраля 2022 г. по делу № 88-2926/2022, 2-1098/2021* // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴⁸ *Чобитыко М. Б. Освобождение имущества от ареста в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2017. № 11. С. 82–85.*

сохранения их товарной ценности, гарантирующей удовлетворение гражданского иска, взыскание штрафа или других предусмотренных законом имущественных претензий. В связи с этим особенности имущества, подвергаемого аресту, способны оказать существенное влияние на решение следователя, дознавателя или суда. Речь может идти о высоких издержках хранения либо невозможности осуществлять его длительное время, о месте нахождения имущества, его особой культурной или иной ценности, наличии спора о его принадлежности и т. п. Необходимо учитывать и такие обстоятельства, как принадлежность имущества к живой или неживой природе, особенности его назначения и другие факторы⁴⁹.

Данный комплекс проблем не имеет полного нормативного регулирования в УПК РФ. Предусмотренные в чч. 6, 7 ст. 115 УПК РФ правила закрепляют лишь общие направления деятельности следователя, дознавателя при возникновении вопросов, связанных с хранением имущества. В данном случае, вновь опираясь на характеристики соответствующих объектов материального мира, правоприменителю необходимо устанавливать режим сохранности материальных ценностей, подвергнутых аресту, определять для этого соответствующую нормативную основу. Важную роль в данном аспекте деятельности играют вопросы взаимодействия указанных должностных лиц с государственными, коммерческими и другими структурами. Анализ законодательства в этой сфере показывает, что необходимые для эффективной работы лиц, осуществляющих производство по уголовным делам, межотраслевые связи не выстроены, используемые формы содействия часто не подкреплены нормативно.

Перечисленные обстоятельства заставляют обращать внимание на то, что хранение имущества, подвергнутого аресту, должно обеспечивать его целостность в полном объеме. Для этого следователю, дознавателю в отдельных случаях приходится решать вопросы транспортировки соответствующих материальных ценностей, их обслуживания и содержания. В противном случае ненадлежащий уход может привести к их утрате, сокращению стоимости и, как следствие, невыполнению обязанностей государства по возмещению вреда, причиненного преступлением. При прекращении производства по уголовному делу такого рода последствия могут привести к заявлению гражданских исков о возмещении вреда, причиненного государством при применении рассматриваемой меры уголовно-процессуального принуждения (ч. 3 ст. 133 УПК РФ, ст. ст. 1069, 1070 ГК РФ).

Самостоятельным аспектом правоприменительной деятельности являются вопросы хранения имущества в рамках приостановленного про-

---

⁴⁹ Апостолова Н. Н. Наложение ареста на имущество по уголовным делам // Мировой судья. 2018. № 7. С. 8–13.

изводства. Они обусловлены тем, что в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует ясный механизм выполнения следователем или дознавателем соответствующих функций. В связи с многообразием сложившихся правовых и экономических отношений имеется необходимость создания специального правового режима в этой области, учитывающего не только публичные интересы, но и интересы физических и юридических лиц. Под влиянием решений Конституционного Суда РФ⁵⁰ определенные шаги применительно к лицам, не являющимся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, законодатель уже сделал. Тем не менее в части установления сроков ареста имущества используются оценочные категории, а интересов подозреваемого и обвиняемого соответствующие изменения, практически, не коснулись. Отдельные проблемы, отмеченные органом конституционного контроля, не нашли отражения на законодательном уровне, а межотраслевые связи данной области отношений по-прежнему нуждаются в оптимизации.

Перечисленные обстоятельства позволяют говорить о наложении ареста на имущество как самостоятельном правовом явлении, требующем комплексного учета нормативных установлений разной отраслевой принадлежности. Их широкий спектр «закрывает» работу следователя, дознавателя на решение вопросов, прямо не связанных с доказательственной деятельностью, определением причастности лица к совершенному преступлению. Выполнение такого рода функций, как правило, обусловлено необходимостью удовлетворения имущественных претензий со стороны потерпевшего, гражданского истца или государства и является важным условием реализации конституционных прав личности. Тем не менее с учетом специфики современного характера товарно-денежных

---

⁵⁰ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр. ; По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П // Рос. газета. 2014. 31 окт. ; По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой ЗАО «Глория» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2014 г. № 31-П // Рос. газета. 2014. 24 дек.

отношений, их многоплановости, создается опасность того, что обвинительная роль следователя, дознавателя по некоторым делам экономической направленности может уйти на второй план.

Производство в сфере обеспечения имущественных интересов участников уголовного процесса предполагает учет интересов разных сторон правового конфликта. В данном случае он формируется не только на основе обстоятельств, связанных с преступным событием, но и исходя из характера экономических отношений. Нередки споры по поводу решений, связанных с хранением имущества, его использованием, регистрацией различных видов деятельности и др. Такого рода проявления активности участников уголовного процесса и других заинтересованных лиц дополнительно обуславливают вывод об обособленности указанных вопросов от главного факта, подлежащего доказыванию (пп. 1, 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Положение, содержащееся в п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, имеет ограничение и говорит лишь о доказывании характера и размера вреда, причиненного преступлением. В системе доказательственного права отражены лишь обстоятельства, касающиеся имущества, подлежащего конфискации (п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Остальные аспекты, связанные с арестом имущества, формально в предмет доказывания не входят. К тому же многие вопросы данной сферы правового регулирования находятся вне системы уголовно-процессуального законодательства. Более того, интервьюирование практических работников показывает, что по отдельным категориям дел при применении рассматриваемой меры принуждения самостоятельного доказывания требуют обстоятельства, связанные с правами собственности на подвергаемое аресту имущество, что, несомненно, уводит следователя, дознавателя от основной линии производства по уголовному делу. Этот вид доказательственной деятельности фактически представляет собой параллельное расследование вопросов имущественного характера, замыкаясь в большей степени на гражданско-правовые отношения.

В криминалистике для обобщения такого рода вопросов, а также оптимизации деятельности указанных должностных лиц разработаны классификации, учитывающие зависимость рассматриваемой меры принуждения от ряда факторов. Они касаются специфики имущества, подвергаемого аресту; субъектов воздействия, длительности его применения и других обстоятельств⁵¹. Можно заметить, что вид имущества, подвергаемый аресту, оказывает влияние не только на содержание соответствующего процессуального решения, но и на особенности уголовно-процессуальной деятельности следователя, дознавателя.

---

⁵¹ *Иванов А. Н., Лапин Е. С.* Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве. М., 2007. С. 45–49.

С учетом современного построения экономических отношений в обществе создаются предпосылки для формирования отдельного направления деятельности по уголовным делам, связанного с установлением имущества, подлежащего аресту, его оценкой и последующим арестом, хранением и урегулированием имеющихся споров. Причем каждый из перечисленных видов (аспектов) деятельности соответствующих должностных лиц предполагает самостоятельный режим правового обеспечения. К уголовно-процессуальной деятельности со всей очевидностью можно отнести лишь саму процедуру ареста имущества. Остальные виды деятельности, хотя формально и относятся к обеспечительной деятельности указанных должностных лиц, по сути, должны оставаться за рамками расследования уголовного дела. Они не входят в предмет доказывания и в значительной степени подчинены правилам, закрепленным в других отраслях права. Так, М. В. Соколова в своем исследовании справедливо ставит вопрос о том, с помощью каких средств будет осуществляться розыск имущества. Она отмечает, что без выполнения соответствующих действий отдельные вопросы, связанные с применением данной меры принуждения, решить будет невозможно⁵². Реагируя на данную проблему, законодатель внес изменения в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»⁵³. В настоящее время к задачам оперативно-розыскной деятельности отнесено не только установление имущества, подлежащего конфискации, как это было в прежней редакции закона, но и материальных ценностей, используемых для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий (ст. ст. 2, 11 данного Федерального закона)⁵⁴. Такая линия развития законодательства позволяет расширить сферу взаимодействия следователя, дознавателя при применении рассматриваемой меры принуждения.

На фоне имеющихся проблем существует потребность во введении самостоятельного обеспечительного производства по наиболее сложным экономическим отношениям, возникающим при аресте имущества. Оно может касаться вопросов установления подлежащего аресту имущества, его оценки и изъятия, последующего хранения и урегулирования воз-

---

⁵² Соколова М. В. Деятельность следователя по наложению ареста на имущество : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 40, 52.

⁵³ О внесении изменений в статьи 2 и 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 202-ФЗ // Рос. газета. 2022. 30 июня.

⁵⁴ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 28 июня 2022 г.) // Рос. газета. 1995. 18 авг.

можных споров сторон. В силу специфичности данного вида деятельности вряд ли целесообразно оставлять все ее элементы за следователем или дознавателем. В связи с ведущей ролью суда в разрешении судьбы арестованного имущества не исключена возможность вовлечения в этот процесс органов принудительного исполнения. Для реализации данного предложения уже созданы необходимые правовые предпосылки. Так, в соответствии с требованиями ст. 6.5 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ (ред. от 30 декабря 2020 г.) «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации»⁵⁵ к задачам соответствующей службы относится организация исполнения и непосредственное исполнение законодательства об уголовном судопроизводстве по делам, отнесенным УПК РФ к подсудности федерального органа принудительного исполнения.

Рассматривая данную проблему под другим углом, с позиции частных и публичных начал уголовного судопроизводства, к такому же выводу пришел И. С. Дикарев. В одной из своих работ он отмечает что суд, принимая решение о наложении ареста на имущество по ходатайству потерпевшего, гражданского истца или их представителей, не должен поручать реализацию данной меры процессуального принуждения органам публичного уголовного преследования. В таких случаях следует применять механизм, предусмотренный для судебных стадий уголовного процесса, когда исполнение решений суда возлагается на органы принудительного исполнения Российской Федерации⁵⁶.

Помимо этого имеется потребность в разработке отдельного законодательного акта, регламентирующего данный вид деятельности. По аналогии с Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»⁵⁷ в нем необходимо отразить ключевые направления взаимодействия государственных органов, связанных с особенностями ареста имущества по уголовным делам. До принятия соответствующего решения по вопросам сбережения материальных ценностей при применении рассматриваемой меры принуждения целесообразно использовать аналогию закона. Представляется допустимым учет механизма, определяющего порядок хранения веще-

---

⁵⁵ *Об органах принудительного исполнения Российской Федерации* : федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ // Рос. газета. 1997. 5 авг.

⁵⁶ *Дикарев И. С.* Проблемы наложения ареста на имущество в уголовном процессе // *Уголовное право*. 2009. № 4. С. 81–85.

⁵⁷ *О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений* : федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Рос. газета. 1995. 20 июля.

ственных доказательств по уголовному делу (ст. 82 УПК РФ). Стабилизирующую роль в исследуемом направлении деятельности следователя, дознавателя и суда могли бы сыграть и руководящие разъяснения пленума Верховного Суда РФ. Такого рода шаг позволит снять многие вопросы, связанные с наложением ареста на имущество в целях более эффективного решения задач уголовного судопроизводства.

§ 2. Круг лиц, на имущество которых может быть наложен арест при производстве по уголовным делам

Субъекты, на имущество которых законом разрешено налагать арест, перечислены в чч. 1 и 3 ст. 115 УПК РФ. К ним отнесены: 1) подозреваемый; 2) обвиняемый; 3) лица, несущие по закону материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого; 4) другие лица, у которых находится имущество, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). Давая оценку данному нормативному установлению, нельзя не обратить внимания на то, что применительно к подозреваемому, обвиняемому законодатель формулирует свой подход достаточно определенно. Относительно других субъектов отношений этого сказать нельзя. Законодатель их не персонифицирует, а ст. 5 УПК РФ существо таких понятий, как «лица, несущие по закону материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого» и «другие лица», не раскрывает.

Для установления круга лиц, несущих по закону материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого, необходимо руководствоваться не только положениями УПК РФ. В главе 59 ГК РФ содержатся нормы, предусматривающие обязательства вследствие причинения вреда. Они касаются и случаев, связанных с рассматриваемым правовым явлением. Порядок возмещения материальных потерь в результате совершенного преступления зависит от правового статуса самого причинителя вреда, его возраста и психического состояния. Среди них выделяются две основные группы субъектов, к которым имущественные претензии часто не могут быть предъявлены лично. Это несовершеннолетние и лица, признанные в установленном порядке недееспособными (ст. ст. 1074, 1076 ГК РФ). Материальную ответственность за их действия

закон позволяет возлагать как на родителей, так и на других лиц, выступающих, как правило, в роли законных представителей (опекунов или попечителей).

Если речь идет о преступной деятельности несовершеннолетних, арест может налагаться на имущество как обвиняемого (подозреваемого), так и его родителей (усыновителей) или попечителей. Давая оценку правомерности наложения ареста на имущество указанных лиц, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «положение части первой статьи 115 УПК Российской Федерации, предусматривающее в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска наложение ареста на имущество лиц, несущих по закону материальную ответственность за действия подозреваемого или обвиняемого, не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования означает, что арест может быть наложен на имущество лишь того лица, которое по закону несет за действия подозреваемого или обвиняемого материальную ответственность, вытекающую из причинения вреда»⁵⁸.

Материальную ответственность за вред, причиненный несовершеннолетним, допустимо также возлагать на организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, если указанное лицо было туда помещено в соответствии со ст. 155.1 Семейного кодекса РФ. Обязанность родителей (усыновителей), попечителей и соответствующей организации по возмещению вреда, причиненного несовершеннолетним в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, прекращается в случаях, предусмотренных ст. 1074 ГК РФ. Верховный Суд РФ по этому поводу дополнительно разъяснил, что «если несовершеннолетний, на которого возложена обязанность по возмещению вреда, не имеет заработка или имущества, достаточного для возмещения вреда, обязанность по возмещению вреда полностью или частично возлагается субсидиарно на его родителей (усыновителей) или попечителей, а также на организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в которой на-

---

⁵⁸ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр.

ходился причинитель вреда под надзором (ст. 155.1 СК РФ), если они не докажут отсутствие своей вины. Причем эти лица должны быть привлечены к участию в деле в качестве соответчиков. Их обязанность по возмещению вреда, согласно п. 3 ст. 1074 ГК РФ, прекращается по достижении несовершеннолетним причинителем вреда восемнадцати лет либо по приобретении им до этого полной дееспособности. В случае появления у несовершеннолетнего достаточных для возмещения вреда средств ранее достижения им восемнадцати лет исполнение обязанности субсидиарными ответчиками приостанавливается и может быть возобновлено, если соответствующие доходы прекратятся»⁵⁹. На необходимость учета этого подхода было дополнительно обращено внимание в обзоре Верховного Суда РФ № 2 за 2021 г.⁶⁰

Так, по одному из уголовных дел М. В. Глухов был осужден за разбойное нападение на потерпевшего Д. и за его убийство. В кассационных жалобах потерпевшая Д. просила отменить приговор и направить дело на новое судебное разбирательство. Один из доводов жалобы состоял в том, что Глухов совершил преступление в несовершеннолетнем возрасте и в соответствии с нормами ст. 1074 ГК РФ суд должен был взыскать вред с родителей осужденного. Однако приговор в этой части был оставлен без изменения, поскольку на момент его провозглашения подсудимому исполнилось 18 лет, а в соответствии с нормами ч. 3 ст. 1074 ГК РФ обязанность родителя по возмещению вреда, причиненного несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет, прекращается по достижении им совершеннолетия⁶¹.

Важно обратить внимание на субсидиарную ответственность родителей, попечителей в случае причинения несовершеннолетним имущественного вреда в ходе совершения преступления. В связи с этим для обеспечения исполнения приговора в части имущественных взысканий аресту подлежит имущество в первую очередь обвиняемого, подозреваемого, и лишь при его отсутствии либо недостаточном объеме — имущество родителей или попечителей. При достижении причинителем вре-

---

⁵⁹ *О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. // Рос. газета. 2010. 5 февр.

⁶⁰ *Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2(2021)* : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июня 2021 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶¹ *Определение Верховного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. по делу № 47-О10-4*. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

да совершеннолетия в период производства по уголовному делу арест с имущества родителей (усыновителей), попечителей должен быть снят. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности применения соответствующей меры принуждения к указанным лицам, если есть основания полагать, что обвиняемый, подозреваемый будет осужден уже в совершеннолетнем возрасте: с одной стороны, формальных препятствий к применению соответствующей меры принуждения нет, с другой — вводимые ограничения не позволяют достичь предполагаемых целей.

Данная проблема дополнительно обуславливается тем, что у несовершеннолетних обвиняемых, подозреваемых, как правило, недостаточно своего имущества для покрытия материальных претензий потерпевшего. Приведенный выше пример — наглядное тому подтверждение. В сложившихся условиях потерпевший рискует остаться без материального возмещения вреда. Защитить его интересы можно лишь при сохранении имущественной ответственности родителей (усыновителей), попечителей после наступления совершеннолетия обвиняемого, подозреваемого. Однако такая возможность гражданским законодательством не предусмотрена (ч. 3 ст. 1074 ГК РФ). Введение соответствующих исключений требует дополнительного исследования данной сферы правового регулирования. Тем не менее следует признать, что сама идея расширения пределов ответственности применительно к случаям возмещения вреда лицами, которые были ответственны за воспитание несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого в момент совершения преступления, представляется оправданной. Ее реализация позволит снять ряд вопросов, связанных с принятием решения об аресте имущества по рассматриваемой категории уголовных дел.

Таким образом, в условиях современного правового регулирования к лицам, несущим по закону материальную ответственность за действия несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, могут быть отнесены родители (усыновители), попечители, а также учреждение или организация, на попечении которой данное лицо находится. При определенных условиях к числу этих лиц следует относить и родителей, лишенных родительских прав. Материальную ответственность за действия несовершеннолетних они могут нести в течение трех лет после введения соответствующих ограничений (ст. 1075 ГК РФ).

Целесообразно обратить внимание на то, что в анализируемых нормах гражданского права понятие «законный представитель» не используется. Несомненно, родители (усыновители), попечители обладают соответствующим статусом, однако в контексте материальной ответственности за действия других лиц законодатель предпочитает данных

субъектов правоприменительной деятельности дифференцировать. Это связано еще и с тем, что не все законные представители могут нести материальную ответственность за действия несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

Так, давая оценку понятию «опекун», можно увидеть, что соответствующая форма представительства реализуется в отношении малолетних (ст. 2 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. «Об опеке и попечительстве»)⁶², в то же время уголовная ответственность может наступать лишь с 14 лет (ст. 20 УК РФ). Невозможность участия малолетних лиц в уголовном деле в качестве подозреваемого, обвиняемого приводит к необходимости вынесения вопросов, связанных с возмещением ими вреда, за рамки уголовного процесса. С другой стороны, помимо малолетних, опекунство распространяется и на лиц, страдающих психическим расстройством и признанных судом недееспособными. При причинении таким лицом в ходе преступной деятельности имущественного вреда, с учетом возможности производства по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ), обеспечительная деятельность может потребовать наложения ареста на имущество ответственного за его поведение опекуна — законного представителя. Последний несет ответственность за вред, причиненный гражданином, признанным недееспособным, если не будет доказано, что он возник не по его вине (ст. 1076 ГК РФ).

Следует констатировать достаточно устойчивую правовую связь между обвиняемым, подозреваемым и лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия. Как справедливо пишет по этому поводу К. Б. Ярошенко, обязанность по возмещению вреда может быть возложена на родителей (усыновителей), попечителей только при условии, что ответственность за причиненный вред возложена на самого несовершеннолетнего⁶³. Без установления личности подозреваемого, обвиняемого невозможно определить перечень принадлежащего данным участникам уголовного процесса имущества, на которое может быть наложен арест. Кроме того, нельзя установить лицо, несущее по закону материальную ответственность за их действия. Наложение ареста на имущество лица, несущего по закону материальную ответственность

---

⁶² *Рос. газета*. 2008. 30 апр.

⁶³ *Ярошенко К. Б.* Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // *Комментарий судебной практики* : вып. 16. / под ред. К. Б. Ярошенко. М., 2011. С. 6.

за чужие действия перед гражданским истцом по уголовному делу, предполагает привлечение его в качестве гражданского ответчика⁶⁴.

С учетом данного обстоятельства К. Калиновский обращает внимание на следующую проблему. Применение меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в отношении лиц, на которых законом возложена материальная ответственность за действия подозреваемых или обвиняемых, предполагает установление личности подозреваемого, обвиняемого. Практически это означает запрет применения по нераскрытым преступлениям ареста имущества лиц, не являющихся подозреваемыми и обвиняемыми, в целях обеспечения гражданского иска⁶⁵. В целом соглашаясь с данным замечанием, все же следует признать, что критикуемое нормативное установление преследует цель защиты интересов тех, кто прямо не причастен к преступной деятельности. Их интересы также следует учитывать. В условиях отсутствия подозреваемого или обвиняемого часто сложно установить связь между преступлением и имуществом, подлежащим аресту. Вместе с тем признаем, что не исключены ситуации, при которых арест имущества объективно необходим, несмотря на отсутствие в деле преследуемых лиц.

Определенная специфика, связанная с наложением ареста на имущество, наблюдается в случаях причинения вреда преступными действиями лиц, страдающих психическим расстройством. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, «гражданский иск, заявленный по уголовному делу о применении принудительных мер медицинского характера, не подлежит рассмотрению, что не препятствует последующему его предъявлению и рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, о чем суд принимает соответствующее решение»⁶⁶. Д. Т. Арабули по этому поводу справедливо замечает, что в наиболее уязвимом положении оказываются потерпевшие, не имеющие реальной возможности претендовать на своевременное возмещение вреда, причиненного деянием, запрещенным уго-

---

⁶⁴ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр.

⁶⁵ Калиновский К. Дело по аресту имущества // Юридическая газета. 2011. № 9. С. 10–11.

⁶⁶ О практике применения судами принудительных мер медицинского характера : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 // Рос. газета. 2011. 20 апр.

ловным законом. При этом УПК РФ допускает предъявление требований о возмещении имущественного вреда, имущественной компенсации морального вреда (чч. 3, 4 ст. 42, ч. 1 ст. 44 УПК РФ), четко фиксирует обязанность государственных органов и должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело, доказать и отразить в процессуальных решениях характер и размер вреда, причиненного деянием (п. 3 ч. 2 ст. 434, п. 1 ч. 4 ст. 439 УПК РФ)⁶⁷.

В этом контексте возникает вопрос о том, нужно ли налагать арест на имущество в случае заявления потерпевшим гражданского иска, а также о том, чье имущество подлежит аресту по данной категории дел. С одной стороны, право потерпевшего на обеспечение возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением, никто не отменял (ч. 3 ст. 42 УПК РФ), с другой — соответствующие исковые требования будут рассматриваться за рамками уголовного дела. Полагаем, что в таких условиях следует опираться на требования закона. Право потерпевшего, предусмотренное ч. 3 ст. 42 УПК РФ, должно обеспечиваться соответствующими мерами принудительного характера. В соответствии со ст. 6 УПК РФ необходимо стремиться к тому, чтобы исключить возможность утраты имущества, которое позволит возместить вред, причиненный преступлением. Поскольку вред, причиненный гражданином, признанным недееспособным, возмещают его опекун или организация, обязанная осуществлять за ним надзор, то если они не докажут, что вред возник не по их вине (ст. 1076 ГК РФ), аресту будет подвергаться их имущество.

Так, постановлением Северского городского суда Томской области Л. освобожден от уголовной ответственности за совершенное им в состоянии невменяемости запрещенное уголовным законом деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ. К нему была применена принудительная мера медицинского характера в виде принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях специализированного типа.

Взыскивая с опекуна компенсацию морального вреда, суд указал, что недееспособный Л. нуждался в постоянной посторонней помощи и надлежащем контроле со стороны опекуна, в проведении профилактических мероприятий, соответствующего лечения в целях недопущения алкоголизации, ухудшения состояния его психического здоровья, обеспечения безопасности Л., а также окружающих его лиц. Ответчиком Б., как опекуном Л., указанные мероприятия в отношении последнего не проводились

---

⁶⁷ Арабули Д. Т. Взгляд Конституционного Суда Российской Федерации на объем полномочий лиц, страдающих психическими расстройствами // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 6. С. 12–16.

(не осуществлялся надлежащий контроль за его поведением, не обеспечено посещение психиатра, проведение необходимого лечения с учетом консультаций специалистов и т. п.). При этом относимых, допустимых, достаточных доказательств, свидетельствующих об улучшении состояния здоровья Л. после признания его недееспособным, наличии в силу состояния его здоровья оснований для самостоятельного проживания при указанном ответчиком графике его посещения, Б. в суд не было представлено⁶⁸.

Помимо перечисленных лиц, можно выделить и других субъектов, несущих по закону материальную ответственность за действия обвиняемого, подозреваемого. К их числу относят: юридическое лицо или гражданина, — за вред, причиненный его работником (ст. 1068 ГК РФ); финансовые органы соответствующей казны — за действия должностных лиц (ст. ст. 1069–1071 ГК РФ); владельца источника повышенной опасности для окружающих (ст. 1079 ГК РФ). Например, гражданским ответчиком по делу может быть признана организация как владелец источника повышенной опасности, с которой в трудовых отношениях на момент совершения преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 264 УК РФ, состоял обвиняемый⁶⁹. В развитие указанных законодательных установлений в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»⁷⁰ подчеркивается, что ответственность юридического лица или гражданина, предусмотренная п. 1 ст. 1068 ГК РФ, наступает за вред, причиненный его работником при исполнении им своих трудовых (служебных, должностных) обязанностей на основании заключенного трудового договора (служебного контракта). С учетом данных обстоятельств для обеспечения исполнения судебных решений имущество данных субъектов экономической деятельности также может быть подвергнуто аресту при производстве по уголовным делам.

Помимо неопределенности круга лиц, несущих по закону материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого, возникают сложности с установлением перечня «других лиц», указанных в содержании ч. 3 ст. 115 УПК РФ. Закрепляя основания наложения аре-

---

⁶⁸ Решение Северского городского суда Томской области от 2 февраля 2021 г. по делу № 2-81/2021. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶⁹ Бубчикова М. В. Гражданский иск в уголовном процессе // Российский судья. 2015. № 9. С. 44–47.

⁷⁰ Рос. газета. 2010. 5 авг.

ста на имущество, законодатель говорит о «других лицах» не в контексте их персональной материальной ответственности за чьи-либо действия, а лишь потому, что у них находится имущество, подлежащее аресту. Состав этих лиц юридически установить практически невозможно, он может быть определен лишь на уровне сложившихся социальных связей конкретного человека. Это могут быть родственники, знакомые, иные лица. Как правило, они не имеют установленного уголовно-процессуального статуса.

Проверяя конституционность ч. 3 ст. 115 УПК РФ, Конституционный Суд РФ подтвердил возможность наложения ареста на имущество «других лиц». С учетом их непричастности к совершенному преступлению соответствующая мера «обусловлена необходимостью обеспечения публично-правовых целей уголовного судопроизводства»⁷¹. Ее применение возможно лишь при условии, что относительно этого имущества имеются достаточные, подтвержденные доказательствами основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для достижения других целей, предусмотренных ч. 3 ст. 115 УПК РФ⁷².

Важно обратить внимание на то, что для наложения ареста на имущество, полученное в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого и находящееся у других лиц, не имеет значения юридическое обоснование, по которому такое имущество перешло к ним. Поэтому в любом случае — передано ли приобретенное обвиняемым (подозреваемым) преступным путем имущество на хранение или во временное пользование другим лицам, перешло ли к ним право собственности на такое имущество — оно может быть арестовано и изъято. При переходе права собственности на имущество, полученное в результате преступных действий обвиняемого (подозреваемого), к другим лицам наложение ареста

---

⁷¹ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр.

⁷² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Елпаева Ю. С. на нарушение его конституционных прав ч. 3 ст. 115 УПК РФ : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 г. № 256-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на него закон также не связывает с тем, знал ли и должен ли был знать владелец, что приобретаемое им имущество добыто преступным путем, и каким способом — возмездно или безвозмездно — он его приобрел.

Неопределенность круга «других лиц» при принятии решения о наложении ареста на имущество дополняется отсутствием ясности в правовом статусе данных субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Допуская применение к ним мер принудительного характера, законодатель не устанавливает возможные способы защиты их интересов. Между тем нельзя не учитывать то обстоятельство, что сам по себе арест имущества позволяет применять данные меры. Не исключено, что в ходе его производства могут ограничиваться интересы хранителей указанных материальных ценностей. Полномочия, связанные с защитой их интересов, законодатель не предусматривает. Помимо чужого имущества, в протокол могут быть занесены вещи, действительно принадлежащие «другим лицам». Полагаем, что этот недостаток законодательства нуждается в разрешении. Субъекты, к которым применяются установленные ч. 3 ст. 115 УПК РФ меры, должны иметь возможность обжаловать действия соответствующих должностных лиц в части защиты своих имущественных интересов.

В плане совершенствования законодательства Ф. Н. Багаутдинов справедливо обращает внимание на необходимость закрепления в ст. ст. 115, 116 УПК РФ права на получение «другими лицами» копии постановления и протокола о наложении ареста на имущество. Такой порядок позволит заинтересованным субъектам уголовно-процессуальной деятельности беспрепятственно и быстро использовать свое право на судебную защиту⁷³.

Таким образом, следует признать необходимость совершенствования положений чч. 1, 3 ст. 115 УПК РФ. Круг лиц, на имущество которых допустимо налагать арест, не определен законодателем с исчерпывающей полнотой. В условиях отсутствия должного правового регулирования большое значение придается судебной практике. Она нуждается в обобщении для формулирования соответствующих руководящих разъяснений, а также последующей корректировки законодательства.

§ 3. Исчисление сроков наложения ареста на имущество

Развитие современных экономических отношений в определенной степени формирует предпосылки создания новых механизмов правоох-

---

⁷³ Багаутдинов Ф. Н. Наложение ареста на имущество и ценные бумаги по УПК РФ // Российский следователь. 2002. № 10. С. 2–5.

ранительной деятельности государства, корректировки уже сложившихся форм реализации властных полномочий соответствующих органов и должностных лиц. На фоне кризисных явлений в финансовой сфере дополнительную актуальность обретают вопросы оптимизации нормативного регулирования предпринимательской деятельности, сокращения имеющихся ограничений для свободного развития бизнеса. Они касаются и уголовного судопроизводства.

По утверждению председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина, ограничение права собственности в рамках уголовного судопроизводства является одной из системных проблем, характеризующих специфику взаимоотношений правоохранительных органов и бизнеса⁷⁴. Не выходящие за рамки закона решения органов предварительного расследования и суда иногда приводят к серьезным убыткам юридических лиц и предпринимателей. Острота проблемы усиливается тем, что такого рода последствия затрагивают интересы не только обвиняемых (подозреваемых), но и потерпевших, чьи права должны обеспечиваться в приоритетном порядке (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), а также иных лиц.

Возникшее противоречие, проявившись в несовершенстве механизма ареста имущества, привело к необходимости вмешательства Конституционного Суда РФ. Неоднократно обращаясь к содержанию положений ст. 115 УПК РФ⁷⁵, он сформулировал несколько принципиальных правовых позиций. Они сводятся к выводу о том, что предусмотренный законом механизм обеспечения сохранности имущества, на которое наложен арест, не гарантирует эффективную защиту прав и интересов потерпевших и иных лиц. Если предварительное расследование по делу приоста-

---

⁷⁴ Зорькин В. Д. Конституция живет в законах // Рос. газета. 2014. 18 дек.

⁷⁵ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр. ; По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П // Рос. газета. 2014. 31 окт. ; По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой ЗАО «Глория» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2014 г. № 31-П // Рос. газета. 24 дек.

новлено на неопределенно длительный срок в соответствии с пп. 1, 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, то они не могут распоряжаться соответствующими материальными средствами. Арест имущества, находящегося у лиц, которые не выступают подозреваемыми или обвиняемыми по уголовному делу, из временной меры превращается в не установленное по срокам ограничение права собственности, сохраняя свое действие на весь период приостановления предварительного расследования, а в ряде случаев — до истечения сроков давности уголовного преследования.

Практика обращения заинтересованных лиц с ходатайством к руководителю следственного органа или в суд для ослабления режима хранения имущества или освобождения его от ареста была признана органом конституционного контроля неэффективной. Основные причины этого были описаны одним из авторов настоящей работы еще в 2003 г.⁷⁶ В таких условиях распространяемый фактически на неопределенно длительный срок запрет пользоваться и распоряжаться имуществом, преступное содержание которого лишь предполагается, сопоставим по своему характеру с конфискацией по приговору суда. Нет в законе и специального механизма возмещения собственнику арестованного имущества убытков, вызванных такого рода ограничениями.

В этом контексте Конституционный Суд РФ потребовал применения иного порядка, который позволил бы исключить или минимизировать убытки, связанные с ограничением права собственности⁷⁷. В ряде решений, принятых с небольшим временным интервалом, орган конституционного контроля, с одной стороны, подтвердил необходимость введения временных ограничений ареста имущества лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или субъектами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, с другой — поднял градус напряженности вокруг сложившейся правовой неопределенности установления сроков применения рассматриваемой меры уголовно-процессуального принуждения, мотивируя законодателя к активным шагам по оптимизации обеспечительной деятельности следователя, до-

---

⁷⁶ Булатов Б. Б., Николюк В. В. Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК России). М., 2003. С. 116–119.

⁷⁷ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломагинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П.

знавателя и суда⁷⁸. В итоге была изменена ст. 115 УПК РФ, введена ст. 115¹ УПК РФ, усовершенствованы ст. 116 и ст. 208 УПК РФ⁷⁹.

Благодаря введенным правилам, любое основание приостановления производства по уголовному делу влечет необходимость решения вопроса о сроках ареста имущества лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или участниками, несущими материальную ответственность за их действия. Предусмотренный порядок заставляет задуматься о целесообразности самостоятельного определения сроков ареста имущества в случае приостановления уголовного дела. По смыслу сформулированных изменений, решение о приостановлении производства по уголовному делу при сохранении оснований ареста имущества влечет необходимость обращения в суд независимо от того, истекли сроки применения ранее избранной меры принуждения или нет. При их распространении на период приостановления производства по уголовному делу, данная обязанность воспринимается нами как избыточная. Двойной судебный контроль создает лишь дополнительное бюрократическое препятствие на пути реализации положений ст. ст. 115, 115¹, 208 УПК РФ. Помимо общего срока ареста имущества, фактически предусмотрен специальный срок на период приостановления производства по делу. В правоприменительной деятельности возможны проблемы, связанные с конкуренцией данных статей.

С определенной степенью условности к числу новелл законодательного регулирования ареста имущества можно отнести норму, сформулированную в ч. 7 ст. 115¹ УПК РФ. Она предусматривает право на обжалование судебного решения о продлении срока ареста имущества в порядке, установленном главами 45¹ и 47¹ УПК РФ. Между тем аналогичное по содержанию положение уже представлено в ст. 127 УПК РФ. Есть основания полагать, что введение фактически дублирующей нормы преследует цель подчеркнуть значимость данной процедуры в вопросах ареста имущества, однако указанный подход не ведет к приращению права.

---

⁷⁸ По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П ; По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой ЗАО «Глория» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2014 г. № 31-П.

⁷⁹ *Федеральный закон РФ от 17 июня 2015 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. газета. 2015. 6 июня.*

Согласно действующей редакции ст. 115, 115¹ УПК РФ срок вводимых ограничений должен устанавливаться сразу при принятии решения о применении соответствующей меры принуждения, указываться в постановлении суда и в случае необходимости продлеваться. Соответствующий подход обусловлен тем, что негативные последствия, вызванные чрезмерно длительным арестом имущества, могут возникнуть не только в связи с приостановлением производства по уголовному делу, но и при длительном расследовании последнего. Участники экономических отношений в этом случае также не застрахованы от рисков, вызванных арестом имущества. При этом определение периода, на который допускается арест имущества, отдается на усмотрение судьи. Законодатель использует две категории: «срок» (при вынесении решения о наложении ареста на имущество — ч. 3 ст. 115 УПК РФ) и «разумный срок» (при продлении первоначально установленного срока ареста имущества — ч. 6 ст. 115¹ УПК РФ). Данная правовая ситуация приводит к следующим размышлениям.

Несмотря на общее смысловое сходство указанных категорий, полагаем, что они имеют и отличительные черты, в противном случае, их раздельное закрепление в ст. 61 и главе 17 УПК РФ не имело бы смысла. Указание на разумность срока, на наш взгляд, предполагает использование расширенных возможностей усмотрения правоприменителя. Поэтому конкретные цифровые величины при определении разумного срока, как правило, законодателем не используются. Они устанавливаются следователем, дознавателем или судом с учетом внутреннего убеждения.

При применении сходной категории «срок» акценты меняются и, как правило, в законе используются конкретные цифровые величины, а пределы усмотрения не так велики. Это видно, например, по срокам задержания (п. 11 ст. 5, ст. 94 УПК РФ), домашнего ареста (чч. 2, 2¹ ст. 107 УПК РФ), заключения под стражу (ст. 109 УПК РФ) и др. Таким образом, правильно сделать вывод о непоследовательной позиции законодателя при определении сроков наложения ареста на имущество. В одном случае он ориентирует правоприменителя на содержание главы 17 УПК РФ (ч. 3 ст. 115 УПК РФ), в другом — на ст. 61 УПК РФ (ч. 6 ст. 115¹ УПК РФ). Соответственно и пределы усмотрения при принятии решения, видимо, должны учитываться в разных объемах. Полагаем, что это не совсем оправданно.

Проблемность видна еще и в том, что положения ч. 6 ст. 115¹ УПК РФ при продлении срока ареста имущества ориентируют нас на критерии разумности, указанные в ч. 32 ст. 61 УПК РФ. В случае же установления первоначального срока ареста имущества этого не сделано. Из содержа-

ния ст. 115 УПК и ч. 32 ст. 61 УПК РФ не следует однозначного вывода о возможности использования указанных требований при установлении первоначального срока ареста имущества. Выходит, что на этом этапе и при последующем продлении срока ареста имущества должны использоваться разные критерии определения периода применения соответствующей меры процессуального принуждения. Представляется, что этот подход не охватывался общим замыслом законодателя. В обоих случаях более целесообразно опираться на категорию «разумный срок». К данному выводу подводит общий контекст упомянутых решений Конституционного Суда РФ и практика Европейского Суда по правам человека, которая в таких случаях делает акцент на разумности срока, указывая, что он должен оцениваться с учетом сложности дела, поведения заявителя и должностных лиц⁸⁰.

Принятие судьей решения об установлении срока ареста имущества должно сопровождаться оценкой экономических последствий принимаемой меры принуждения. Как показывает практика, следователь (дознатель), возбуждивший перед судом соответствующее ходатайство, не всегда располагает объективными сведениями, содержащими полную характеристику арестовываемого имущества. Нередки случаи, когда резолютивная часть решений носит абстрактный характер, в них не видны индивидуальные признаки объектов, подвергаемых описи, их стоимость.

При регламентации оснований и порядка наложения ареста на имущество законодатель, по нашему мнению, исходил из того, что эта принудительная мера носит отчасти и поисковый характер. Требование об указании конкретного имущества, подлежащего аресту, в процессуальных документах выполнимо, когда арест налагается на денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, ценные бумаги. Что касается имущества в виде разного рода предметов, вещей, имеющих определенную ценность, их наличие у подозреваемого, обвиняемого может быть установлено дознавателем, следователем, как правило, лишь приблизительно, особенно когда решение о наложении ареста на имущество принимается на первоначальном этапе расследования.

Таким образом, в постановлении о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства арестовываемое имущество должно указы-

---

⁸⁰ *Дело Боржонов (Borzhopov) против Российской Федерации* : постановление ЕСПЧ от 22 января 2009 г. // *Российская хроника Европейского Суда*. 2010. № 4. С. 24–36 ; *Дело Рохлина (Rokhlina) против Российской Федерации* : постановление ЕСПЧ от 7 апреля 2005 г. // *Бюллетень Европейского Суда по правам человека*. 2006. № 6. С. 53–68 ; и др.

ваться, по возможности, таким, каким оно установлено на момент расследования уголовного дела. При этом его отражение в судебном решении не исключает, на наш взгляд, включения в описание изъятого имущества и дополнительно обнаруженного у подозреваемого, обвиняемого при исполнении данного документа имущества.

В условиях неопределенности имущественного положения лица, к которому применяется соответствующая мера принуждения, этот шаг иногда оправдан и дает определенный простор для маневра, минимизируя возможности по сокрытию имущества. Вместе с тем он не позволяет судье оценить весь спектр вводимых имущественных ограничений для формирования своего усмотрения при определении сроков ареста имущества. Полагаем, что на данном этапе развития уголовно-процессуальных отношений эта проблема может решаться через институт обжалования. Изменение объема имущественных ограничений, на наш взгляд, может считаться достаточным основанием для пересмотра сроков ареста имущества.

Представляется важным указание в ходатайстве органов предварительного расследования перед судом индивидуальных характеристик имущества, подлежащего аресту. Так, 10 апреля 2019 г. старший следователь отдела по расследованию преступлений на обслуживаемой территории отдела полиции (п. Калинино) СУ Управления МВД России по г. Краснодару обратился в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество: стол лазерной резки «Trumpf Trulaser 4030», станок 3-D резки «Trumpf Tubematic» и гибочный полуавтомат «Trumpf Trumabend V320». Постановлением суда данное ходатайство удовлетворено и на вышеуказанное имущество наложен арест сроком на 1 год. Позже, давая оценку этому решению, суд апелляционной инстанции указал, что наложение ареста на имущество носит превентивный характер, т. е. направлено на предупреждение сокрытия, уничтожения или отчуждения имущества. Как следует из постановления о возбуждении ходатайства о наложении ареста на имущество физического лица, следователь не только неправильно обозначил место нахождения имущества, но также не указал идентификационные номера станков, их индивидуальные характеристики, год выпуска и т. д. Несмотря на отсутствие данных индивидуальных характеристик станков, суд вынес постановление о наложении ареста на это имущество, что делает невозможным исполнение судебного решения.

Отсутствие при наложении ареста на имущество вышеуказанных сведений, по мнению суда, лишает возможности идентификации того или иного имущества, а таким образом и предупреждения сокрытия, уничтожения или отчуждения имущества. Краснодарский краевой суд пришел

к выводу, что допущенные нарушения уголовно-процессуального законодательства не позволяют признать принятое судом решение законным, обоснованным и мотивированным⁸¹.

Частным случаем принятия решения об аресте имущества является порядок, предусмотренный ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Он предполагает определенную автономность действий следователя (дознателя) по применению соответствующей меры принуждения. В этих условиях срок ограничительных мер не может быть установлен сразу ввиду внесудебной деятельности должностных лиц. Он должен определяться судьей в ходе проверки законности решения о его производстве, сопровождаемой вынесением соответствующего постановления. При этом, как представляется, срок ареста имущества должен исчисляться с момента ограничения соответствующих прав, т. е. с момента принятия решения следователем (дознателем) в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Полагаем, что данная процедурная особенность должна найти отражение в содержании ст. 115 УПК РФ.

В контексте исследуемой проблемы важно дать оценку кругу субъектов, чье имущество подвергается ограничениям. Законодатель делает акцент на лицах, не подвергаемых уголовному преследованию. Вместе с тем считаем, что нецелесообразно ограничиваться лишь этой категорией участников уголовного процесса. Реализация принципа презумпции невиновности позволяет распространить правовые позиции Конституционного Суда РФ на всех лиц, включенных в уголовный процесс и подвергнутых рассматриваемой мере принудительного характера. Однако это не будет исключать возможного влияния судебного усмотрения на продолжительность ареста имущества в зависимости от степени причастности лица к совершенному преступлению.

С установлением срока ареста имущества решается одна из проблем, поставленных Конституционным Судом РФ, — проблема возмещения вреда, причиненного чрезмерно длительным арестом имущества. Из современной редакции УПК РФ вытекают разные формы возмещения вреда, связанные с указанным нарушением. Одна из них основана на порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 133 УПК РФ: при нарушении установленного судом срока ареста имущества. Удержание имущества органами, осуществляющими производство по уголовному делу, может рассматриваться как незаконное ограничение права собственности. Право на возмещение вреда в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 133 УПК РФ, предоставляется

---

⁸¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 02.07.2019 по делу № 22-4015/2019. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

любим лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения. Эти вопросы авторы работы уже поднимали на страницах юридической печати⁸². Были предложены механизмы возмещения вреда лицам, не подвергаемым уголовному преследованию, в том числе не имеющим определенного уголовно-процессуального статуса.

Другую форму возмещения вреда можно отнести к новеллам уголовно-процессуального законодательства. Она связана с нарушением разумного срока действия рассматриваемой меры принуждения (ч. 6 ст. 115¹ УПК РФ). Ее применение должно осуществляться в целях покрытия определенных имущественных потерь, возникших при чрезмерно длительном аресте имущества, если нарушение разумного срока отрицательно сказалось на материальном положении физического или юридического лица. В отличие от предыдущей формы возмещения вреда, здесь предусмотрен гражданско-процессуальный порядок разрешения жалоб.

Помимо возмещения вреда, нарушение разумного срока ареста имущества образует право на присуждение компенсации для лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия (ч. 6 ст. 115¹ УПК РФ). Новая законодательная конструкция призвана создать условия для восполнения морального вреда, причиненного длительным применением рассматриваемой меры принуждения, и не имеет жесткой связи с наступлением каких-либо имущественных потерь. Косвенным подтверждением этого вывода служит ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»⁸³, согласно которой присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок лишает заинтересованное лицо права на компенсацию морального вреда за указанные нарушения. В этой же норме сказано, что присуждение соответствующей компенсации не препятствует возмещению вреда в соответствии со ст. ст. 1069, 1070 ГК РФ. Остается открытым вопрос о том, в каком режиме эта компенсация присуждается.

По этому поводу УПК РФ содержит лишь упоминание о том, что соответствующий порядок предусмотрен федеральным законом. Анализ содержания Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный

---

⁸² Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями, связанными с наложением ареста на имущество членов семьи обвиняемого (подозреваемого) // Рос. следователь. 2011. № 17. С. 6–10.

⁸³ Рос. газета. 2010. 4 мая.

срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» также не дает исчерпывающего ответа на этот вопрос. Исследование процессуального законодательства приводит к выводу, что присуждение права на компенсацию должно осуществляться в порядке административного судопроизводства. В части 1 ст. 250 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации⁸⁴ предусмотрено право лица на обращение в суд с административным иском о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. Данная возможность распространяется и на случаи применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество.

Таким образом, можно заключить, что порядок восполнения имущественных потерь при нарушении срока или разумного срока наложения ареста на имущество в зависимости от характера требований может существенно отличаться. Он предусмотрен УПК РФ, ГПК РФ и Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации.

К числу проблемных также относится вопрос о том, могут ли лица, не являющиеся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, претендовать на присуждение компенсации в связи с нарушением срока, установленного в порядке ч. 3 ст. 115 УПК РФ. Категория «разумный срок» в данной статье не используется. Исходя из названия ст. 115¹, можно предположить, что она применяется в случаях продления срока ареста имущества, установление первичного срока при избрании указанной меры принуждения ее замыслом не охватывается. Указанное обстоятельство заставляет нас обратить внимание на содержание ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸⁵. В ней сказано, что не только вопросы продления, но и установления срока ареста имущества разрешаются судом в порядке, предусмотренном ст. 115¹ УПК РФ. Данный подход, хотя и распространяемый на правоотношения, возникшие до вступления в силу описываемых изменений, создает основание для корректировки содержания ч. 3 ст. 115 УПК РФ в целях более широкого применения категории «разумный срок».

Несмотря на наличие определенных проблем, следует признать, что законодатель реализовал основные правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросам наложения ареста на имущество. Вместе

---

⁸⁴ *Рос. газета.* 2015. 11 марта.

⁸⁵ Там же. 6 июля.

с тем анализ внесенных в УПК РФ изменений говорит о необходимости дальнейшего совершенствования соответствующих норм уголовно-процессуального законодательства. С учетом мониторинга имеющейся правоприменительной практики важно сформировать сбалансированный механизм ареста имущества, учитывающий интересы всех заинтересованных лиц.

На фоне сформулированных выводов важно признать, что институт приостановления производства по уголовному делу, выступая катализатором возникшего правового спора, в принятых постановлениях Конституционного Суда РФ не подвергся принципиальной критике, поскольку сам по себе не формирует существо проблемы. Лейтмотивом рассуждений служила неопределенность по времени ограничения прав собственности на арестованное имущество, вызванное «замораживанием» сроков предварительного расследования.

Исследуя правовую позицию органа конституционного контроля, можно задаться вопросом о том, возникают ли сходные проблемы в случае приостановления уголовного дела по другим основаниям. Практика показывает, что это возможно, и такие примеры не так уж редки. Приостановление производства по уголовному делу на неопределенно длительный срок не исключено, например, ввиду отсутствия реальной возможности участия подозреваемого или обвиняемого в предварительном расследовании или суде (п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). Легально находясь за пределами Российской Федерации, преследуемое лицо под влиянием множества факторов не всегда может быть оперативно этапировано для дальнейшего осуществления уголовно-процессуальной деятельности⁸⁶.

Такой же побочный эффект при аресте имущества не исключен и при принятии решения о приостановлении производства по уголовному делу ввиду временного тяжелого заболевания подозреваемого или обвиняемого (п. 4 ст. 208 УПК РФ). Вызванный этим обстоятельством перерыв в расследовании может длиться достаточно долго и негативные экономические последствия, связанные с применением соответствующей меры процессуального принуждения, не исключены и здесь. В этом контексте логично сделать промежуточный вывод, что любое основание приостановления производства по уголовному делу может создать те же условия, на которые обратил внимание в своих решениях Конституционный Суд РФ.

---

⁸⁶ См., напр.: Ямианов Б. Требуется беглые олигархи // Рос. газета. 2013. 11 янв.; Рокоссовская А. Экстрадиция из Польши Александра Игнатенко откладывается // Там же. 1 февр.; Козлова Н. Миллионер остается в бегах // Там же. 2014. 13 янв.; Прокофьев В., Рыбникова И. На родину под конвоем // Там же. 19 окт.; и др.

Если взглянуть на исследуемую проблему шире, то можно задаться вопросом о том, насколько целесообразно связывать установление сроков ареста имущества с институтом приостановления уголовного дела. В резолютивной части постановления Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 г. № 25-П⁸⁷ чрезмерная длительность ареста имущества вообще не соотносится с решением о приостановлении производства по уголовному делу. Этот подход создает основания для вывода о том, что срок вводимых ограничений следует устанавливать сразу при принятии решения о применении соответствующей меры принуждения и указывать в постановлении суда. При этом он должен быть разумным по продолжительности и в случае необходимости продлеваться. Соответствующий вывод обусловлен тем, что описываемые в анализируемых решениях последствия могут возникнуть не только в связи с приостановлением производства по уголовному делу, но и при длительном расследовании. Участники экономических отношений в этом случае также не застрахованы от рисков, вызванных арестом имущества.

Давая оценку срокам ареста имущества, нужно признать, что вопрос, касающийся их продолжительности, является ключевым. Фактически определение срока ареста имущества отдается на усмотрение судьи, ограничивая его весьма условно лишь рамками определенной стадии уголовного процесса. Ввиду невозможности установления универсального срока ареста имущества полагаем, что этот подход в рамках современного этапа регулирования уголовно-процессуальных отношений оправдывает себя. Факторы риска наступления негативных последствий от применения соответствующей меры принуждения могут существенно отличаться по различным категориям уголовных дел. Поэтому в данной области правоприменительной деятельности возможность индивидуализации ограничительных мер будет целесообразной.

Для определения конкретных величин срока ареста имущества важно учитывать имеющиеся в законодательстве и правоприменительной практике подходы. Конституционный Суд РФ в упомянутых решениях, опираясь на Основной закон, а также положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, приводит лишь общее требование об обеспечении государством эффективной защиты права собственности лицам, чье имущество длительное время находится под арестом. Ев-

---

⁸⁷ По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйслена : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П.

ропейский Суд по правам человека делает акцент на разумности срока, указывая, что он должен оцениваться с учетом сложности дела, поведения заявителя и должностных лиц⁸⁸. Расширенные критерии разумного срока указываются в ч. 3, 31 ст. 61 УПК РФ. Законодатель предписывает учитывать правовую и фактическую сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника подразделения дознания, органа дознания, дознавателя и другие обстоятельства. Нарушение разумного срока влечет возникновение права на компенсацию, реализация которого предусмотрена Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»⁸⁹.

Перечисленные правовые установления могут быть учтены при принятии соответствующих решений, однако они имеют общий характер и не вполне адаптированы к особенностям ареста имущества. В этом контексте представляет интерес содержание ч. 4 ст. 80 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»⁹⁰. Согласно данному нормативно-правовому акту срок ограничения права пользования арестованным имуществом применительно к деятельности суда определяется судебным приставом-исполнителем в каждом случае с учетом свойств имущества, его значимости для собственника или владельца, характера использования. Несмотря на то что законодатель и здесь не указывает конкретных временных границ ареста имущества, полагаем, что данное положение содержит более четкие критерии для усмотрения должностных лиц. Вместе с тем считаем, что с учетом специфики досудебного производства по уголовным делам установление соответствующего срока судом будет более предпочтительным.

Таким образом, благодаря правовым позициям Конституционного Суда РФ и последующим изменениям уголовно-процессуального законодательства можно признать состоявшимся факт установления сроков ареста имущества в уголовном процессе. Однако орган конституционного контроля в силу специфики полномочий не может учесть все аспекты

---

⁸⁸ Дело Боржонов (Borzhonov) против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 22 января 2009 г. // Российская хроника Европейского Суда. 2010. № 4. С. 24–36 ; Дело Рохлина (Rokhlina) против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 7 апреля 2005 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 6. С. 53–68 ; и др.

⁸⁹ Рос. газета. 2010. 4 мая.

⁹⁰ Там же. 2007. 6 окт.

правового регулирования. Анализ закрепленного в УПК РФ подхода говорит о возможных сложностях его применения. В условиях неполной законодательной определенности сейчас особенно важно через обобщение сложившейся практики сформировать взвешенный подход, содержащий оптимальный механизм исчисления сроков применения рассматриваемой меры принуждения. Он должен учитывать отношения, фактически сложившиеся в сфере оборота различных видов имущества.

ГЛАВА 2. ОСНОВАНИЯ НАЛОЖЕНИЯ И ОТМЕНЫ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

§ 1. Наложение ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска

Принятие решения о применении любой меры уголовно-процессуального принуждения всегда обусловливается наличием предусмотренных законом оснований. Это связано с необходимостью отражения в материалах уголовного дела причинно-следственных связей правоприменительной деятельности уполномоченных на то лиц. В условиях возросших стандартов доказывания данное обстоятельство приобретает все большее значение не только для эффективной работы контролирующих органов, но и для реализации охранительной функции государства, защиты участниками уголовного судопроизводства своих прав и законных интересов. В связи с этим можно признать справедливой высказываемую в адрес законодателя критику о несовершенстве положений ст. 111 УПК РФ¹. Сформулировав в этой статье цели применения иных мер процессуального принуждения, разработчики УПК РФ, фактически, уклонились от закрепления оснований принятия соответствующих решений. Данный недостаток нормативного регулирования носит системный характер и может быть распространен практически на все меры принуждения, представленные в главе 14 УПК РФ, что достаточно подробно проанализировано в диссертационном исследовании Т. Б. Гараевой². Не является исключением и наложение ареста на имущество.

---

¹ Бахта А. С., Марфицин П. Г. Нормы уголовно-процессуального права : монография. Хабаровск, 2009. С. 22 ; Муженская Н. Е., Костылева Г. В. Коррупциогенность норм УПК РФ // Рос. следователь. 2012. № 24. С. 22–25.

² Гараева Т. Б. Основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021. С. 10.

В последнее время благодаря принятию ряда решений Конституционного Суда РФ³ и последующим изменениям УПК РФ⁴ проблемы защиты прав собственности становятся все более актуальными⁵. Этому направлению развития законодательства уделяется достаточно много внимания, в том числе и на политическом уровне⁶. Однако внесенные под влиянием органа конституционного контроля изменения нормативной регламентации наложения ареста на имущество в основном были направлены на совершенствование порядка применения рассматриваемой меры принуждения и существенным образом не повлияли на формирование оснований ее реализации. Между тем данный аспект играет ключевую роль в системе государственных мер защиты имущественных интересов участников уголовного процесса.

Обратившись к ст. 115 УПК РФ, можно увидеть, что и здесь, в специальных нормах, законодатель не дает развернутой дефиниции оснований

---

³ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр. ; По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Аврора малозэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П // Рос. газета. 2014. 31 окт. ; По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой ЗАО «Глория» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2014 г. № 31-П // Рос. газета. 2014. 24 дек.

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон РФ от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ // Рос. газета. 2015. 6 июля.

⁵ См. об этом: Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Определение срока наложения ареста на имущество при производстве по уголовным делам (по материалам решений Конституционного Суда РФ) // Российский следователь. 2015. № 13. С. 8–13 ; Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Новеллы законодательного регулирования срока наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве // Рос. следователь. 2016. № 1. С. 12–16 ; Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Место наложения ареста на имущество в системе уголовно-процессуального законодательства: история и современность // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 2. С. 18–24.

⁶ См., напр.: Послание Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газета. 2014. 5 дек. ; Послание Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газета. 2015. 4 дек. ; Послание Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газета. 2016. 2 дек.

наложения ареста на имущество. В части 1 ст. 115 УПК РФ акцент сделан на целях применения данной меры принуждения (обеспечить исполнение приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанной в ч. 1 ст. 104¹ УК РФ). Вместе с тем при наложении ареста на имущество суд должен указывать на конкретные фактические обстоятельства, на основании которых он принял такое решение. Связывая основания наложения ареста на имущество с фактическими обстоятельствами, разработчики УПК РФ ограничились достаточно общей, оценочной категорией, предполагающей широкий простор для усмотрения правоприменителя. В сложившихся условиях определение законности действий суда при обжаловании вынесенного решения во многом осуществляется без опоры на формальные предписания законодателя. В этом случае реализация права на возмещение вреда в соответствии с ч. 3 ст. 133 УПК РФ имеет весьма сомнительную перспективу⁷. Полагаем, что рассматриваемая ситуация не вполне согласуется с современными тенденциями охраны имущественных интересов физических и юридических лиц.

Данная проблема не теряет своей актуальности уже много лет. В Модельном УПК была предпринята попытка сформулировать основания наложения ареста на имущество в самостоятельной статье. В статье 274 этого Кодекса они определялись следующим образом: «Наложение ареста на имущество может применяться органами, ведущими уголовный процесс, лишь в том случае, когда собранные по уголовному делу материалы дают достаточные основания полагать, что подозреваемый, обвиняемый или другое лицо, у которого находится имущество, могут скрыть, испортить или удержать имущество, на которое может быть обращено взыскание. Не может налагаться арест на имущество, если не предъявлен подлежащий обеспечению гражданский иск, и за совершение приписываемого подозреваемому или обвиняемому преступления не может быть назначено наказание в виде конфискации имущества»⁸. В целом подобное определение оснований наложения ареста на имущество с учетом исторического периода его формирования можно признать удачным.

Изучая различные подходы, сопровождающие развитие исследуемой проблемы, В. В. Кальницкий пришел к выводу, что под основаниями наложения ареста на имущество следует понимать «фактические данные

---

⁷ См. об этом: Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями, связанными с наложением ареста на имущество членов семьи обвиняемого (подозреваемого) // Российский следователь. 2011. № 17. С. 6–10.

⁸ *Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств — участников СНГ*. М., 1990. С. 221.

(доказательства), вытекающие исключительно из материалов уголовного дела, устанавливающие причинение преступлением материального ущерба и вероятность поступления требования о его возмещении либо позволяющие квалифицировать содеянное по статье УК России, предусматривающей конфискацию имущества»⁹. Несмотря на то что разработка данного определения осуществлялась еще в рамках УПК РСФСР 1960 г., следует признать, что и в настоящее время оно не потеряло актуальности. Представленный подход в значительной степени отвечает современному состоянию правового регулирования.

По мнению К. Б. Калиновского, основанием ареста на имущество является обоснованное предположение, что подлежащее взысканию имущество может быть сокрыто или отчуждено. «Это предположение, — отмечает К. Б. Калиновский, — должно вытекать из конкретных фактов (попытка спрятать вещи, объявление о продаже недвижимости, отказ или уклонение от добровольного возмещения ущерба по иску, уклонение от явки, воспрепятствование выяснению истины и др.). В практике указанное основание часто презюмируется — следует только из того обстоятельства, что возможно наложение имущественного взыскания по приговору суда. Такая презумпция не способствует обоснованности применения меры принуждения, ограничивающей конституционные права граждан»¹⁰.

Данный вывод нам представляется неоднозначным. В отличие, например, от оснований избрания мер пресечения, предполагающих наличие достаточных фактических данных, указывающих на высокую степень вероятности совершения подозреваемым, обвиняемым указанных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ действий, ст. ст. 111, 115 УПК РФ подобных требований не содержат. Для возбуждения перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество следователю, дознавателю не обязательно доказывать, что обвиняемый, подозреваемый предпринимает конкретные действия по сокрытию имущества, ценностей. В этом ключе спорным выглядит подход, предложенный Н. А. Власовой. По ее мнению, основанием наложения ареста на имущество является наличие доказательств, позволяющих обоснованно полагать, что подозреваемый, обвиняемый может спрятать, повредить или уничтожить подлежащее аресту имущество¹¹.

---

⁹ Кальницкий В. В. Следственные действия. Омск, 2001. С. 59.

¹⁰ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. СПб., 2003. С. 321.

¹¹ Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам / Токарева М. Е., Буланова Н. В., Быкова Е. В. [и др.]. М., 2005. С. 153.

В теории уголовного процесса наложение ареста на имущество резонно рассматривается как превентивное процессуальное принудительное средство, преследующее цель предупредить противоправное или нежелательное с точки зрения достижения задач судопроизводства поведение соответствующих участников. Для применения превентивных уголовно-процессуальных мер признается достаточным обоснованное предположение, что могут наступить определенные последствия, предупреждению которых и служит та или иная мера. В нашем случае достаточно обоснованного предположения, что подозреваемый, обвиняемый могут скрыть, реализовать имущество, ценности, деньги, ценные бумаги или иным образом избежать взыскания с них имущества в обеспечение возмещения причиненного преступлением вреда. Для наложения ареста на имущество, справедливо отмечает И. Л. Петрухин, не требуется, чтобы обвиняемый (другое лицо) совершил запрещенные законом действия¹². Полагаем, что сформулированный известным ученым еще в рамках УПК РСФСР 1960 г. подход можно учитывать и в современных условиях. Помимо этого, наложение ареста на имущество может не только играть превентивную роль, но и выступать средством пресечения продолжающихся или уже совершенных участниками уголовного процесса противоправных действий (сокрытие имущества, его реализация и др.).

Дополнительным аргументом правильности этой позиции может выступить то, что в ч. 1 ст. 115 УПК РФ речь идет о подозреваемом, обвиняемом и лицах, несущих по закону материальную ответственность за их действия. Вытекающее из материалов уголовного дела обвинение или подозрение лица в совершении преступления, повлекшее наступление имущественного вреда, предполагает наступление определенных материальных последствий для указанных лиц. Было бы наивно полагать, что они не будут предпринимать действий по сокрытию или отчуждению имущества, на которое может быть обращено взыскание. В связи с этим превентивный характер такой меры принуждения очевиден, к тому же на данном этапе лицо не лишается права собственности на арестовываемые материальные ценности. Последующая возможность реализовать свои права в судебном порядке представляет собой гарантию защиты имущественных интересов личности.

Делая акцент на проблемах обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, следует констатировать, что в современных правовых и социально-экономических условиях невозможно сформулировать универсальное определение оснований применения рассматрива-

---

¹² Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 85.

емой меры принуждения. Становится очевидным, что наложение ареста на имущество давно имеет комплексный характер. Этот подход логично вытекает из действующей нормативной регламентации рассматриваемой меры принуждения, он предполагает учет отличающихся между собой оснований принятия соответствующего решения и применяется в целях: 1) обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска; 2) взыскания штрафа; 3) других имущественных взысканий; 4) возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104¹ УК РФ. Сходное понимание исследуемой проблемы встречается в диссертационном исследовании Т. Б. Гараевой¹³.

При обеспечении исполнения приговора в части гражданского иска помимо требований ст. 115 УПК РФ нужно учитывать и содержание ст. 160¹ УПК РФ, предусматривающей, что причинение преступлением имущественного вреда влечет не только обязанность следователя, дознавателя принять меры по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого либо лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за причиненный ими вред, но и необходимость наложения ареста на соответствующую часть данного имущества. В связи с этим для принятия решения о применении рассматриваемой меры принуждения нужно исходить из достаточности доказательств причастности подозреваемого или обвиняемого к преступлению, которым был причинен материальный вред, и наличия имущества, на которое может быть обращено соответствующее взыскание. Возможность скрыть это имущество от ареста предполагается законодателем и не нуждается в доказывании. По этой причине отражение данного аспекта в содержании соответствующей дефиниции избыточно, поэтому отсутствует необходимость связи обоснованности наложения ареста на имущество с заявлением гражданского иска¹⁴.

Данное правило основано на действующей нормативной регламентации наложения ареста на имущество и имеет общий характер. Вместе с тем анализ отдельных аспектов правоприменительной деятельности выявляет некоторые особенности. Так, уголовно-процессуальное законодательство допускает предъявление гражданского иска для имущественной компенсации морального вреда (ч. 1 ст. 44 УПК РФ). Ранее

---

¹³ Гараева Т. Б. Указ. соч. С. 13, 64.

¹⁴ До введения ст. 160¹ УПК РФ в нормативной регламентации наложения ареста на имущество имелась неопределенность по поводу правовой возможности применения указанной меры принуждения до заявления гражданского иска, что отмечалось в юридической литературе (см., напр.: Дикарев И. С. Проблемы наложения ареста на имущество в уголовном процессе // Уголовное право. 2009. № 4. С. 81–85).

в теории и практической деятельности вопрос о возможности наложения ареста на имущество в целях обеспечения такого гражданского иска решался неоднозначно. Категорически отрицал возможность решения проблем возмещения морального вреда, причиненного в связи с привлечением к уголовной ответственности, на основе имущественных правоотношений Б. Т. Безлепкин. «Во-первых, материального эквивалента чести быть не может, — отмечал он, — и любая попытка изобрести его искусственна. Во-вторых (и это самое главное), способом возмещения в данном случае является восстановление социального блага, а не компенсация: последняя непригодна принципиально. Выплата денежной компенсации несправедливо опороченному в связи с уголовным делом гражданину может принести ему определенное моральное, психологическое удовлетворение, но не способна объективно восстановить его доброе имя, репутацию»¹⁵.

Применительно к уголовно-процессуальному законодательству РСФСР положительный ответ на поставленный выше вопрос давал В. С. Шадрин. «Возможность заявления гражданского иска для компенсации морального вреда, причиненного преступлением, — отмечает он, — ставит проблему наложения ареста на имущество причинителя вреда в данном случае. Прежде всего следует исходить из принципиального положения о правомерности такого акта. Уголовно-процессуальный закон обязывает следователя принимать меры обеспечения любых обоснованных гражданских исков в уголовном деле, а иск о выплате денежной компенсации является одним из них»¹⁶.

В настоящее время имеются все формально-юридические предпосылки, чтобы данный вопрос решать положительно. В этом ключе для оптимизации соответствующей области нормативного регулирования на страницах юридической литературы ведется научная дискуссия¹⁷. Имеется возможность учесть сложившуюся практику рассмотрения дел

---

¹⁵ *Безлепкин Б. Т.* Возмещение вреда, причиненного гражданину судебно-следственными органами. М., 1979. С. 178.

¹⁶ *Шадрин В. С.* Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000. С. 194.

¹⁷ См., напр.: *Калиновский К. Б.* Компенсация потерпевшему морального вреда, причиненного преступлением против собственности // Уголовный процесс. 2016. № 9. С. 24–30; *Крылов Е. Н.* Что нужно знать о компенсации морального вреда потерпевшему // Уголовный процесс. 2016. № 9. С. 32–43; *Бурганов Р. С.* Практика рассмотрения требований о компенсации морального вреда // Уголовный процесс. 2016. № 9. С. 44–51; *Гараева Т. Б.* Основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021. С. 129 ; и др.

о компенсации морального вреда, причиненного преступлением¹⁸. При определении стоимости имущества, подлежащего аресту, в случаях обеспечения иска о возмещении морального вреда от преступления могут быть приняты во внимание и предлагаемые в юридической литературе методики установления размера компенсации¹⁹.

Вместе с тем при определении обоснованности принятия соответствующего решения важно учесть, что, в отличие от реальных имущественных потерь, соответствующий объем требований не может быть определен следователем, дознавателем или судом заранее, без учета воли гражданского истца. Фактически, он ее может выразить только в содержании гражданского иска. В связи с этим, несмотря на правовую возможность наложения ареста на имущество до поступления соответствующего требования (ст. 160¹ УПК РФ), принятие решения об обеспечении материальной компенсации морального вреда возможно лишь после заявления гражданского иска, в котором будет зафиксирован ее размер.

Более тридцати лет назад в юридической литературе было предложено дополнить уголовно-процессуальное законодательство обязанностью органов расследования наложить арест на имущество обвиняемого, подозреваемого не только в случае преступного причинения материального ущерба, но и в случае затрат государственных средств на лечение потерпевших²⁰.

Данная точка зрения не получила детальной проработки в уголовно-процессуальной теории. В некоторых работах, специально посвященных возмещению ущерба от преступлений, гражданскому иску в уголовном процессе, вопросы обеспечения возможных взысканий в части затрачен-

---

¹⁸ *Некоторые* вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 // Рос. газета. 1995. 8 февр. ; *О практике* применения судами норм, регламентирующих участие потерпевших в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 // Рос. газета. 2010. 7 июля ; *О судебном* приговоре : постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 // Рос. газета. 2016. 7 дек. ; *По делу* о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского : постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2012 г. № 45-П // Рос. газета. 2021. 12 нояб.

¹⁹ *Эрделевский А.* О размере возмещения морального вреда // Рос. юстиция. 1994. № 10. С. 17–19 ; *Владыкина Т.* Гражданский иск в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2013. № 1. С. 86–92 ; *Хайдаров А. А.* Определение денежной компенсации морального вреда по делам об убийстве // Уголовный процесс. 2016. № 9. С. 52–56 ; и др.

²⁰ *Безлепкин Б. Т.* Возмещение вреда, причиненного гражданину судебно-следственными органами. М., 1979. С. 13.

ных на лечение средств вовсе не затрагиваются или лишь упоминаются²¹. Вместе с тем они не потеряли своей актуальности. Проблема возмещения средств, затраченных на лечение и восстановление здоровья потерпевшего, требует в современный период новых подходов, поскольку нередко оказание первой медицинской помощи и лечение производится в негосударственных медицинских учреждениях.

В условиях недостаточного законодательного регулирования этих вопросов судебно-следственная практика вырабатывает подходы к решению данной проблемы. Так, в постановлении Пленума Верховного Суд РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» отмечается, что имущественный вред, причиненный непосредственно преступлением, но выходящий за рамки предъявленного подсудимому обвинения (расходы потерпевшего на лечение в связи с повреждением здоровья; расходы на погребение, когда последствием преступления являлась смерть человека; расходы по ремонту поврежденного имущества при проникновении в жилище и др.), подлежит доказыванию гражданским истцом путем представления суду соответствующих документов (квитанций об оплате, кассовых и товарных чеков и т. д.)²². Сформулированы соответствующие предложения в юридической литературе²³.

Анализ имеющихся подходов позволяет сделать вывод, что при наличии в материалах уголовного дела достаточных сведений о понесенных потерпевшим расходах на оплату лечения, медицинской помощи по восстановлению здоровья, орган расследования вправе наложить арест

---

²¹ Мазалов А. Г. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1977. С. 42–44; Александров С. А. Организационно-правовые основы устранения материальных последствий преступления. М., 1979. С. 57–74; Газетдинов Н. И. Деятельность следователя по возмещению материального ущерба. Казань, 1990. С. 44–68; Карпиков А. С. Право на возмещение причиненного преступлением материального ущерба и его реализация в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 14–17; Багаутдинов Ф. Н. Наложение ареста на имущество и ценные бумаги по УПК РФ. М., 2002. С. 26; Кобец П. Н., Краснова К. А. Некоторые вопросы возмещения вреда потерпевшим на стадии предварительного расследования // Российская юстиция. 2011. № 9. С. 23–25; Тутынин И. Б., Любан В. Г. О некоторых вопросах гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2015. № 9. С. 36–39; и др.

²² Рос. газета. 2020. 23 окт.

²³ Подробно об этом см.: Кальницкий В., Михеев А., Ножкина А. Законодательное регулирование возмещения средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий // Рос. юстиция. 1997. № 11. С. 14–15; Иванов Д. А. Как установить степень тяжести вреда здоровью, причиненного преступлением, в целях его компенсации // Уголовный процесс. 2016. № 9. С. 63–69.

на имущество обвиняемого, подозреваемого для обеспечения заявленного или возможного гражданского иска. Соответствующие примеры есть в судебной практике.

Так, в ходе предварительного следствия прокурором Лысковского района Нижегородской области в защиту интересов РФ заявлен гражданский иск о взыскании с обвиняемого Р. средств, затраченных на лечение потерпевшего, в сумме 37 895 рублей 15 копеек в пользу Территориального фонда обязательного медицинского страхования Нижегородской области. В целях обеспечения исполнения приговора суда в части возможных имущественных взысканий постановлением Лысковского районного суда Нижегородской области был наложен арест на принадлежащее Р. имущество. Указанный иск в судебном заседании был поддержан государственным обвинителем в полном объеме. В ходе рассмотрения уголовного дела суд признал за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передал вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. Поскольку на момент постановления приговора средства, затраченные на лечение потерпевшей, не были возмещены, суд сохранил арест на имущество до разрешения гражданского иска²⁴. Такого рода примеры не являются единичными²⁵.

С учетом изложенного понятие основания применения рассматриваемой меры процессуального принуждения в целях обеспечения приговора в части гражданского иска может быть сформулировано следующим образом. Наложение ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, осуществляется при наличии в материалах уголовного дела фактических обстоятельств (доказательств), устанавливающих причинение преступлением имущественного вреда физическому или юридическому лицу и наличие имущества, на которое может быть обращено взыскание, а при возмещении морального вреда — гражданского иска, в котором зафиксирован размер его материальной компенсации.

---

²⁴ Приговор Лысковского районного суда Нижегородской области от 26 августа 2020 г. по делу № 1-77/2020. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ См., напр.: Приговор Октябрьского районного суда города Мурманска от 30 января 2019 г. по делу № 1-8/2019(1-220/2018). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Омского областного суда от 28 марта 2013 г. по делу № 22-852/2013. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

§ 2. Наложение ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части взыскания штрафа

Изучение проблем обоснованности наложения ареста на имущество выявило необходимость самостоятельного анализа положений законодательства, связанных с обеспечением исполнения приговора в части взыскания штрафа. Как было отмечено, в настоящее время сформулировать универсальное определение оснований применения рассматриваемой меры принуждения практически невозможно. Отличия в целевом назначении обеспечительных функций принимаемого решения предполагают учет разных обстоятельств уголовного дела. Такое положение в определенной степени обуславливается тем, что применение ст. 115 УПК РФ для взыскания штрафа осуществляется в публично-правовых целях, тогда как реализация требований гражданского иска предполагает защиту субъективных гражданских прав лиц, потерпевших от преступления²⁶. При этом гражданский иск подразумевает учет размера вреда, причиненного преступлением, а деятельность следователя, дознавателя или судьи по обеспечению наказания в виде штрафа ориентирует их исключительно на санкцию статьи УК РФ. Соответственно и обоснованность принимаемого решения, как справедливо отмечает Т. Б. Гараева, должна связываться с совокупностью доказательств, изобличающих лицо в преступлении, за совершение которого в качестве наказания предусмотрен штраф. Если речь идет об обвиняемом, соответствующий статус должен быть подтвержден постановлением о привлечении лица в качестве обвиняемого²⁷.

Более сложная ситуация возникает при оценке оснований наложения ареста на имущество подозреваемого. В досудебном производстве по уголовному делу вывод о возможности последующего его наказания путем назначения штрафа не всегда очевиден. Совокупности доказательств, изобличающих подозреваемого в совершении соответствующего преступления, как правило, недостаточно для предъявления обвинения. У судьи могут возникнуть обоснованные сомнения в целесообразности принятия решения о применении указанной меры принуждения ввиду

---

²⁶ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломагинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр.

²⁷ Гараева Т. Б. Указ. соч.

того, что обвинительный тезис еще не сформулирован, а последующее расследование уголовного дела может привести к квалификации преступного деяния, наказание за которое не предусматривает штраф. Тем не менее законодатель допускает такую возможность. Полагаем, что она более всего должна быть востребована при осуществлении дознания в разных формах (гл. гл. 32, 32¹ УПК РФ). В любом случае представляемые в суд сведения должны не только содержать данные, связанные с получением статуса подозреваемого, но и указывать на совершение лицом деяния, за которое в качестве наказания может быть назначен штраф.

Такая ситуация предполагает необходимость оценки судом материалов дела, обосновывающих причастность лица к преступлению. В связи с этим возникает опасность определения виновности лица до принятия итогового решения по делу. Если в случае с обвиняемым (ввиду формулирования обвинительного тезиса следователем) это не столь очевидно, то при оценке судьей преступной деятельности подозреваемого могут возникнуть сложности. Суд, наложив арест в обеспечение уплаты штрафа, тем самым как бы заранее вынесет решение об уголовном наказании, которое может быть назначено только по итогам судебного доказывания²⁸. Делая акцент на этой проблеме, Верховный Суд РФ отмечает, что при проверке обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению в судебном решении не должно содержаться формулировок, устанавливающих виновность подозреваемого²⁹. Подобный подход представлен и в другом решении высшего судебного органа³⁰. Несмотря на то что соответствующие разъяснения не коснулись вопросов наложения ареста на имущество, полагаем, что они могут быть распространены и на исследуемый комплекс проблем.

В судебной практике можно встретить примеры подобного рода³¹. Так, в рамках одного из уголовных дел, рассматривая апелляционную жалобу, суд прямо говорит о том, что доводы подозреваемого о его ви-

---

²⁸ См., напр.: Грицай О. В. Проблемы повышения эффективности уголовно-процессуальных мер обеспечения исполнения приговора // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 4. С. 14–15.

²⁹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 // Рос. газета. 2013. 27 дек.

³⁰ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 // Рос. газета. 2009. 18 февр.

³¹ См., напр.: Апелляционное постановление Псковского областного суда от 25 ноября 2021 г. по делу № 22-716/2021. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

новности либо невиновности в совершении инкриминируемого ему преступления не могут быть предметом рассмотрения при решении вопроса о наложении ареста на его имущество, поскольку подлежат разрешению судом при рассмотрении уголовного дела по существу³².

Принимая решение о наложении ареста на имущество подозреваемого, следователь, дознаватель и суд должны учитывать и другие риски. Известно, что лицо может иметь статус подозреваемого весьма непродолжительное время (пп. 2, 3 ч. 1 ст. 46, ст. 100 УПК РФ). При этом арест на имущество, как правило, налагается на достаточно длительный срок ввиду необходимости обеспечения исполнения приговора. Обоснованность этого решения может быть поставлена под сомнение, если соответствующий статус лица не получит развития. При подобных условиях суд вынужден оценивать перспективы обвинительной деятельности органов предварительного расследования.

Наличие такого рода вопросов приводит многих авторов к справедливому выводу о том, что предварительный судебный контроль за процессуальными решениями и действиями следователя, дознавателя неэффективен и с успехом может быть заменен прокурорским надзором³³. Этот подход вытекает из принципиальной позиции законодателя, что суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты (ч. 3 ст. 15 УПК РФ). Существует опасность того, что предварительное решение суда при осуществлении судебного контроля негативным образом скажется на объективном и справедливом рассмотрении уголовного дела в суде³⁴.

Остается открытым вопрос о размере предполагаемого наказания в виде штрафа. От этого зависит характер ограничений, которые будут вызваны наложением ареста на имущество. Если объем арестовываемого имущества в целях обеспечения приговора в части гражданского иска, как правило, связывается с размером причиненного преступлением вреда, то в случае со штрафом ситуация иная. Следователь, дознаватель или суд в досудебном производстве по уголовному делу вынуждены исходить

---

³² Апелляционное постановление Амурского областного суда от 13 мая 2021 г. № 22К-877/2021. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³³ Быков В. М. Следователь в уголовном процессе России. М., 2014. С. 69; Азаров В. А., Ревенко Н. И., Кузембаева М. М. Функции предварительного расследования в истории и практике уголовного процесса России. Омск, 2006. С. 69; Кальницкий В. В. «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства неэффективны // Уголовное право. 2004. № 1. С. 73–75; и др.

³⁴ Быков В. М. Указ. соч. С. 54.

из необходимости учитывать максимальный размер денежного взыскания при возможном назначении наказания в виде штрафа. Иной подход вряд ли будет способствовать достижению указанной цели.

Такого рода обстоятельства делают актуальной проблему соразмерности объема арестовываемого имущества и величины штрафных санкций в качестве предполагаемого наказания. Так, в рамках уголовного дела суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции, который не проверил наличие оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 115 УПК РФ для наложения ареста на имущество гражданина. В качестве одного из недостатков решения отмечалось отсутствие доводов о соразмерности санкции ч. 4 ст. 159 УК РФ в части штрафа и стоимости арестованного имущества. Помимо этого было обращено внимание на то, что судом не проверена обоснованность доводов следствия о необходимости наложения ареста на имущество в связи с возможностью в последующем увеличения объема обвинения в части размера причиненного потерпевшему ущерба³⁵.

В этом контексте важно подчеркнуть, что суды при принятии соответствующих решений ориентируются на содержание п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)». Согласно документу в случае заявления ходатайства о наложении ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части исполнения наказания в виде штрафа или для обеспечения гражданского иска судам следует учитывать, что стоимость имущества, на которое налагается арест, не должна превышать максимального размера штрафа, установленного санкцией статьи Особенной части УК РФ, либо должна быть соразмерна причиненному преступлением ущербу. В связи с этим судья вправе принять решение об удовлетворении ходатайства о наложении ареста на соответствующую по стоимости часть имущества³⁶.

В русле поднимаемых проблем важно учитывать, что в соответствии со ст. 45 УК РФ штраф может применяться в качестве основного или дополнительного наказания. Говоря об обеспечительной деятельности,

---

³⁵ Постановление Московского городского суда от 5 сентября 2016 г. № 10-12066/16. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³⁶ О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 // Рос. газета. 2017. 9 июня.

следует подчеркнуть, что при злостном уклонении от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, он заменяется иным наказанием, в зависимости от обстоятельств дела. Данную норму уголовного закона необходимо рассматривать с учетом содержания ч. 2 ст. 32 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее — УИК РФ). Она предусматривает, что при злостном уклонении осужденного от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, судебный пристав-исполнитель в установленные сроки направляет в суд представление о замене штрафа другим видом наказания в соответствии с ч. 5 ст. 46 УК РФ. Указанные положения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства уже содержат механизмы обеспечения исполнения приговора. В связи с этим закономерен вопрос о целесообразности наложения ареста на имущество для обеспечения соответствующего решения по уголовному делу. Учитывая, что уголовно-исполнительное законодательство в этой части не предусматривает принудительного взыскания соответствующих денежных средств, арест имущества для обеспечения исполнения приговора в виде штрафа, назначенного в качестве основного наказания, с формально-юридических позиций не может быть применен.

Возможность взыскания штрафа в принудительном порядке судебным приставом-исполнителем предусмотрена ч. 3 ст. 32 УИК РФ. Указанная норма применяется в отношении осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания. В данном случае наложение ареста на имущество обвиняемого или подозреваемого в стадии предварительного расследования оправданно и необходимо. Этот вид наказания, с учетом ч. 4 ст. 46 УК РФ, должен быть предусмотрен соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Таким образом, возможность наложения ареста на имущество здесь предопределяется причастностью обвиняемого, подозреваемого к совершению преступления, за которое может быть назначено дополнительное наказание в виде штрафа. Данный подход достаточно часто можно встретить в материалах судебной практики. При принятии решений об аресте имущества суды прямо связывают свой вывод с необходимостью обеспечения исполнения приговора суда в части возможного дополнительного наказания в виде штрафа³⁷.

---

³⁷ См., напр.: *Апелляционное* постановление Липецкого областного суда от 1 апреля 2021 г. № 22к-338/2021. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; *Апелляционное* постановление Брянского областного суда от 29 апреля 2022 г. № 22К-610/2022. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В этом контексте имеются основания для критического восприятия подхода законодателя, который в УПК РФ не разделяет штраф на основное и дополнительное наказание при определении возможности наложения ареста на имущество. В любом случае суд при поступлении уголовного дела должен выяснять вопрос о том, приняты ли меры по обеспечению исполнения наказания в виде штрафа (п. 41 ч. 1 ст. 228 УПК РФ). По ходатайству прокурора он вправе вынести постановление о применении необходимых обеспечительных мер, а исполнение решения возложить на органы принудительного исполнения Российской Федерации (чч. 1 и 3 ст. 230 УПК РФ).

Данные нормативные установления отражают контрольные функции суда по отношению к досудебному производству по уголовным делам. Отсутствие необходимого обеспечения последующего наказания в виде штрафа ставит под угрозу возможность его реализации. Тем не менее в юридической литературе высказывается сомнение по поводу целесообразности принятия соответствующего решения в ходе предварительного расследования преступления. Невозможность обеспечения уплаты штрафа арестом имущества, по мнению О. В. Грицай, связана с тем, что в ходе расследования нельзя предугадать, возникнут ли основания для наложения денежных взысканий, а также то, какое уголовное наказание назначит суд обвиняемому. Автор правильно отмечает, что исполнимость должна обеспечиваться на каждой стадии судопроизводства, а недооценка вопросов исполнения приговора в части имущественных взысканий приводит к снижению эффективности борьбы с преступностью³⁸.

Современная законодательная регламентация этого вопроса приводит к тому, что в правоприменительной деятельности допускаются ошибки. Так, в рамках одного из уголовных дел следователь обратился в суд с ходатайством о наложении ареста на денежные средства в сумме 300 000 долларов США, изъятые у Р., мотивировав это необходимостью обеспечения исполнения приговора в части взыскания штрафа, предусмотренного в качестве уголовного наказания санкцией ч. 2 ст. 2001 УК РФ, а также конфискации незаконно перемещенных через таможенную границу денежных средств. Постановлением Климовского районного суда Брянской области от 19 июня 2020 г. в удовлетворении ходатайства следователя было отказано. В апелляционном представлении прокурора было отмечено, что не имелось оснований для отказа в удовлетворении

---

³⁸ Грицай О. В. Проблемы повышения эффективности уголовно-процессуальных мер обеспечения исполнения приговора // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 4. С. 14–15.

ходатайства следователя о наложении ареста на денежные средства, изъятые у Р., и сформулирована просьба постановление суда отменить, а ходатайство следователя — удовлетворить.

В итоге апелляционным постановлением Брянского областного суда решение Климовского районного суда Брянской области от 19 июня 2020 г. в отношении Р. было оставлено без изменения, а апелляционное представление прокурора — без удовлетворения. При этом вышестоящий суд вполне справедливо указал на то, что санкция ч. 2 ст. 200¹ УК РФ кроме наказания в виде штрафа предусматривает иные виды уголовных наказаний. Штраф в качестве дополнительного наказания данной статьей УК РФ не предусмотрен. В соответствии с ч. 5 ст. 46 УК РФ (ч. 2 ст. 32 УИК РФ) в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, он заменяется иным наказанием, за исключением лишения свободы. В то же время в отношении осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, судебный пристав-исполнитель производит взыскание в принудительном порядке, предусмотренном исполнительным законодательством, к числу которых относится и обращение взыскания на имущество должника (ч. 3 ст. 32 УИК РФ). Таким образом, суд правильно пришел к выводу, что для обеспечения исполнения наказания в виде штрафа, назначенного в качестве основного наказания, механизм принудительного исполнения этого наказания, который мог бы потребовать обеспечительных мер в виде наложения ареста на имущество, не предусмотрен³⁹.

Принимая во внимание актуальность и практическую значимость поднимаемых проблем, вызванных сложностями взыскания многомиллионных штрафов по делам о взяточничестве, А. Ю. Епихин правильно отмечает, что указанная мера наказания должна прогнозироваться еще на стадии предварительного расследования⁴⁰. Развивая мысль ученого, можно отметить, что превентивные действия соответствующих должностных лиц, направленные на обеспечение исполнения приговора в части взыскания штрафа, способствуют эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Отсутствие необходимого обеспечения с высокой степенью вероятности усложняет возможность исполнения приговора в части взыскания штрафа, а нехватка финансовых средств приводит к изменению основного наказания, принятию решений, не всег-

---

³⁹ См., напр.: *Апелляционное постановление* Брянского областного суда от 30 июля 2020 г. по делу № 22-1037/2020. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 26.03.2023).

⁴⁰ *Епихин А. Ю.* Наложение ареста на имущество как мера обеспечения исполнения приговора в виде значительного штрафа // *Рос. следователь*. 2012. № 16. С. 15–19.

да отвечающих требованию соразмерности примененных мер совершенному преступлению.

По этому поводу А. Ю. Епихин справедливо отмечает: «В случае отсутствия имущества, подлежащего описи, у суда отсутствуют основания для вынесения штрафа на определенную сумму, которая arguere не будет исполнена, выплачена осужденным»⁴¹. В условиях имеющихся законодательных противоречий у обвиняемого, подозреваемого появляется возможность сократить материальные потери, вызванные привлечением к уголовной ответственности.

Такого рода обстоятельства отрицательно сказываются на эффективности исполнения наказания в виде штрафа. При этом штраф является одним из самых распространенных видов наказания в судебной уголовной практике. В 2021 г. его назначили 85 333 осужденным (72 927 лицам штраф назначен в качестве основного наказания; 12 406 осужденным — как дополнительное наказание)⁴². В условиях, когда государством предпринимаются попытки скорректировать уголовную политику в русле расширенного применения штрафа в качестве основного наказания по уголовным делам, сделать его альтернативой лишению свободы, на первый план выдвигается проблема создания действенного правового механизма исполнения приговора, предусматривающего данный вид денежного взыскания. Его формирование будет способствовать решению комплекса вопросов, вызванных необходимостью замены штрафа лишением свободы в связи со злостным уклонением осужденного от его уплаты⁴³.

Один из возможных шагов в этом направлении может быть связан с совершенствованием обеспечительной деятельности следователя, дознавателя. Полагаем, что на законодательном уровне должна быть сформулирована однозначная позиция, предусматривающая право следователя, дознавателя принимать меры для обеспечения исполнения приговора в части взыскания штрафа путем наложения ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого в преступлении, за совершение которого предусмотрен штраф, назначаемый в качестве не только дополнительного, но и основного наказания.

---

⁴¹ Там же. С. 19.

⁴² *Отчет* о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 года (Форма № 1) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461> (дата обращения: 20.04.2023).

⁴³ См. подробнее: Булатов Б. Б., Николук В. В. Замена штрафа лишением свободы в связи со злостным уклонением осужденного от его уплаты // Уголовный процесс. 2016. № 7. С. 64–75.

Этот вывод в определенной степени опирается на сформулированный специалистами в области уголовного права подход, обуславливающий необходимость предусмотреть в Уголовном кодексе норму, допускающую возможность взыскания штрафа, назначенного в качестве основного наказания, в принудительном порядке⁴⁴. Отчасти он продиктован и неоднозначной практикой замены штрафа в случае злостного уклонения осужденного от его уплаты, а также двойственным толкованием содержания ч. 5 ст. 46 УК РФ. С одной стороны, данная норма предписывает в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, осуществлять его замену. С другой, в соответствии с п. 1 ч. 10 ст. 103 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»⁴⁵ законодатель оставляет возможность принудительного исполнения штрафа, назначенного в качестве основного наказания. Данная ситуация возникает при отказе суда в замене штрафа другим видом наказания⁴⁶. При этом ч. 2 ст. 32 УИК РФ такого решения не предусматривает. Анализируя указанное противоречие, В. А. Уткин справедливо замечает, что замена штрафа — это обязанность, а не право суда⁴⁷. Такого рода рассогласованность подходов законодателя, представленных в разных правовых актах по вопросу взыскания штрафа, порождает неопределенность при принятии решения о наложении ареста на имущество.

В этом контексте можно поддержать авторов, которые критически оценивают практику включения уголовно-правовых предписаний в акты иной области законодательного регулирования⁴⁸. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»

---

⁴⁴ Степашин В. М. Последствия неисполнения наказания в виде штрафа // Уголовное право. 2010. № 2. С. 68–72.

⁴⁵ Рос. газета. 2007. 6 окт.

⁴⁶ В соответствии с п. 5.7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», если к осужденному, злостно уклоняющемуся от уплаты штрафа, с учетом положений ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50, ч. 6 ст. 53 УК РФ либо ч. 5 ст. 46 УК РФ не может быть применен никакой другой вид основного наказания, суд отказывается в удовлетворении представления судебного пристава-исполнителя о замене штрафа иным наказанием // Рос. газета. 2011. 30 дек.

⁴⁷ Уткин В. А. Парадоксы штрафа // Уголовная юстиция. 2014. № 2(4). С. 11.

⁴⁸ Иванчин А. В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 6; Степашин В. М. Последствия неисполнения наказания в виде штрафа // Уголовное право. 2010. № 2. С. 68–72; Борисова О. В. Некоторые вопросы обратной силы закона об уголовном наказании в виде штрафа // Уголовное право. 2012. № 5. С. 35–36; и др.

не имеет приоритетного значения по вопросам условий и порядка замены штрафа другим видом наказания. Он призван установить порядок взыскания штрафа. Тем не менее выраженная в данном Законе позиция законодателя при последующем ее развитии в нормах УК РФ и УИК РФ нами воспринимается положительно.

В связи с неоднозначной позицией законодателя по рассматриваемому вопросу в судебной практике появляются примеры достаточно специфичной интерпретации положений ч. 5 ст. 46 УК РФ и других норм закона в части замены штрафа другим видом наказания. Так, в рамках одного из уголовных дел штраф, назначенный осужденному Х. в соответствии с ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 291 УК РФ как основное наказание, был заменен лишением свободы вместе со штрафом в размере сорокократного размера взятки как дополнительным наказанием. Суд апелляционной инстанции изменил решение суда первой инстанции, так как замена штрафа, назначенного в качестве основного наказания, лишением свободы не должна сопровождаться применением дополнительного наказания в виде штрафа. Из постановления суда первой инстанции было исключено указание о назначении дополнительного наказания в виде штрафа⁴⁹. По этому поводу в юридической литературе высказываются суждения, в соответствии с которыми законодателю следует скорректировать положения ч. 5 ст. 46 УК РФ таким образом, чтобы штраф за соответствующее преступление мог быть заменен иным наказанием, в любом случае не связанным со штрафом⁵⁰.

Введение Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ⁵¹ в УПК РФ норм, регламентирующих особенности прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, дает повод задуматься о целесообразности наложения ареста на имущество для обеспечения соответствующего вида взыскания. С одной стороны, реализация меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, с учетом содержания ч. 1 ст. 115 УПК РФ, предполагает принятие обеспечительных мер. С другой, назначение указанной меры судом сопровождается ре-

---

⁴⁹ Постановление Московского городского суда от 18 мая 2016 г. № 10-6768/16. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁵⁰ Кочина М. С. Посредничество во взяточничестве: вопросы квалификации и наказания // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. С. 162–168.

⁵¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Рос. газета. 2016. 8 июля.

шением о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Кроме того, ст. 213 УПК РФ причисляет положение ст. 251 к исключительным случаям, регламентация которых предусматривается отдельной главой. Несмотря на возникшие вопросы, нельзя не обратить внимания на ключевой момент, который заложен в ст. 446⁵ УПК РФ. Содержание указанной статьи предусматривает в случае неуплаты лицом судебного штрафа отмену решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и производство по уголовному делу в общем порядке. Данное положение само по себе выполняет обеспечительную функцию реализации решения по делу. В связи с этим наложение ареста на имущество для обеспечения судебного штрафа в современных правовых условиях невозможно.

Приведенный анализ показывает, что с учетом действующей нормативной регламентации применения рассматриваемой меры принуждения в качестве оснований наложения ареста на имущество обвиняемого, подозреваемого для обеспечения исполнения приговора в части взыскания штрафа могут выступать фактические обстоятельства (доказательства), содержащиеся в материалах уголовного дела, свидетельствующие о причастности обвиняемого, подозреваемого к преступлению, за совершение которого может быть назначено наказание в виде штрафа, а также подтверждающие наличие имущества у этих лиц.

Таким образом, определение оснований принятия решения о наложении ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части взыскания штрафа предполагает комплексный учет положений УК РФ, УПК РФ, УИК РФ и Федерального закона «Об исполнительном производстве». Выявленная в исследовании рассогласованность данных нормативных правовых актов снижает эффективность работы следователя, дознавателя и суда при противодействии реализации уголовной ответственности. Имеется насущная потребность в унификации рассмотренных положений законодательства, снятии противоречий, связанных с применением указанной меры принуждения.

§ 3. Наложение ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части возможной конфискации имущества

Правомерность принятия решения в порядке ч. 1 ст. 115 УПК РФ для обеспечения исполнения приговора в части возможной конфискации имущества обуславливается разными факторами. С одной стороны, должна быть доказана причастность конкретного лица к преступной

деятельности. Она может подтверждаться доказательствами, лежащими в основе постановления о привлечении в качестве обвиняемого. С другой стороны, требуют установления данные, указывающие на преступный характер происхождения подвергаемого аресту имущества (ст. 104¹ УК РФ). Не случайно п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ в числе обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусматривает необходимость выявления сведений, подтверждающих, что такого рода имущество было получено в результате совершения преступления либо представляет собой доходы от этого имущества, либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления или для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Необходимость установления такого рода сведений подтверждается и материалами судебной практики. Так, по одному из уголовных дел следователь обратился в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество (два автомобиля), зарегистрированное на супругу Б., обвиняемого по ч. 5 ст. 290 УК РФ, указывая, что данное имущество получено в результате преступной деятельности обвиняемого, который состоит в зарегистрированном браке с Л. Отказывая в удовлетворении ходатайства следователя, суд указал, что в представленных материалах не содержится данных о том, что принадлежащие супруге обвиняемого автомобили получены в результате преступной деятельности обвиняемого, а также что Л. является лицом, несущим по закону материальную ответственность за действия Б.⁵²

Конституционный Суд РФ по этому поводу отмечает, что наложение ареста на имущество в ходе производства предварительного расследования по уголовному делу не может быть произвольным, оно должно быть обусловлено предполагаемой причастностью конкретного лица к преступной деятельности или предполагаемым преступным характером происхождения конкретного имущества либо должно основываться на законе, устанавливающем материальную ответственность лица за действия подозреваемого или обвиняемого⁵³.

---

⁵² *Справка* по обобщению судебной практики судов Республики Алтай по рассмотрению материалов о наложении ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части возможной конфискации имущества. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁵³ *По делу* о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйд-

В контексте исследуемой проблемы Пленум Верховного Суда РФ дополнительно разъяснил, что судья, рассматривая ходатайство о наложении ареста на имущество, обязан проверить, содержится ли преступление, в совершении которого подозревается или обвиняется лицо, в перечне, установленном ч. 1 ст. 104¹ УК РФ. Помимо этого судья должен убедиться, что на указанное в ходатайстве имущество может быть обращено взыскание по исполнительным документам с учетом положений ст. 446 ГПК РФ⁵⁴.

Принятие решения о наложении ареста на имущество подозреваемого может обуславливаться необходимостью учета иного круга обстоятельств уголовного дела. Формирующие правовой статус подозреваемого данные нередко ограничиваются сведениями, например, о наличии оснований задержания лица, применении к нему меры пресечения и др. При таких условиях материалы уголовного дела дополнительно должны содержать доказательства, указывающие на причастность подозреваемого к одному из преступлений, перечисленных в ст. 104¹ УК РФ, а также отражать преступный характер происхождения имеющегося у него имущества. Не вдаваясь в вопросы виновности лица, суд должен дать оценку этим аспектам.

Как и в случае принятия решения о наложении ареста на имущество подозреваемого для обеспечения исполнения приговора в части взыскания штрафа, при конфискации следователь, дознаватель и суд должны учитывать и другие риски. Известно, что лицо может иметь статус подозреваемого весьма непродолжительное время (пп. 2, 3 ч. 1 ст. 46, ст. 100 УПК РФ). При этом арест на имущество, как правило, налагается на достаточно длительный срок ввиду необходимости обеспечения исполнения приговора. Обоснованность этого решения может быть поставлена под сомнение, если соответствующий правовой статус лица не получит развития. При таких условиях суд вынужден оценивать перспективы

лена : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П // Рос. газета. 2014. 31 окт. ; *По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой* : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр.

⁵⁴ *О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 // Рос. газета. 2017. 9 июня.

обвинительной деятельности органов предварительного расследования, создавая почву для критики формулируемых им выводов⁵⁵. С учетом указанных обстоятельств принятие такого рода решений должно подкрепляться данными, свидетельствующими о невозможности его отложения на другой период, высокой степени вероятности не только причастности лица к преступлению, но и возможности утраты подлежащего конфискации имущества. Оценка данных факторов при принятии решения о наложении ареста на имущество постоянно фигурирует в материалах судебной практики⁵⁶.

Перечисленные вопросы осложняются особенностями, связанными с наложением ареста на имущество в случаях, не терпящих отлагательства, в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Внесудебный порядок принятия этого решения предполагает учет дополнительных сведений, указывающих на возникновение исключительных обстоятельств, препятствующих реализации данной меры принуждения в общем порядке. Это могут быть данные, свидетельствующие, например, о том, что обвиняемый, подозреваемый предпринимают активные действия по сокрытию имущества, подлежащего аресту, либо его уничтожению. На выявление такого рода сведений ориентирует одна из задач оперативно-розыскной деятельности, состоящая в необходимости установления имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации (ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 28 июня 2022 г.⁵⁷)). Разъяснения Верховного Суда РФ в этой части в большей степени ориентированы на производство следственных действий. Тем не менее случай, связанный с возникновением реальной угрозы уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления, может быть отнесен и к исключительным обстоятельствам, связанным с наложением ареста на имущество в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ⁵⁸.

---

⁵⁵ См. подробнее: Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части взыскания штрафа // Рос. следователь. 2017. № 12. С. 16–21.

⁵⁶ См., напр.: Апелляционное постановление Псковского областного суда от 10 ноября 2016 г. № 22-844/2016. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление Верховного суда Республики Калмыкия от 12 мая 2021 г. по делу № 22к-182/2021. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵⁷ Рос. газета. 1995. 18 авг.

⁵⁸ О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165

На основе результатов изучения материалов судебно-следственной практики к случаям, не терпящим отлагательства, А. Н. Иванов и Е. С. Лапин относят следующие:

— фактические основания к наложению ареста на имущество возникли внезапно при производстве следственных действий (например, обыска);

— неотложным осуществлением наложения ареста на имущество преследуется цель пресечь покушение на преступление, т. е. остановить умышленные действия (бездействие) лица (лиц), непосредственно направленные на совершение преступления;

— когда поступили сведения о том, что лицо, в распоряжении которого находится имущество, необходимое для обеспечения исполнения приговора в соответствующей его части, принимает меры к его сокрытию или отчуждению (включая его уничтожение), делает его недоступным для следователя (дознателя, прокурора) и суда⁵⁹.

Полагаем, что при принятии соответствующего решения нужно дополнительно учитывать характер преступной деятельности обвиняемого, подозреваемого. Данный фактор имеет прогностический характер, достаточно хорошо отражая преступные намерения преследуемых лиц. В любом случае перечисленные обстоятельства не являются исчерпывающими и должны учитываться исходя из конкретных материалов уголовного дела.

Анализируя названные аспекты, можно поддержать предложение В. Б. Искандирова о необходимости их отражения в УПК РФ. Однако перечень исключительных случаев, когда наложение ареста на имущество не терпит отлагательства, он предлагает закрепить в ст. 115 УПК РФ⁶⁰. С учетом вывода о том, что данная мера уголовно-процессуального принуждения не является следственным действием⁶¹, этот шаг представляется оправданным. Нельзя не обратить внимания на тот факт, что многие авторы приходят к выводу, что возможность наложения ареста на имущество без получения предварительного судебного решения необходимо распространить не только на случаи обеспечения исполнения приговора в части возможной кон-

---

УПК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 // Рос. газета. 2017. 9 июня.

⁵⁹ *Иванов А. Н., Лапин Е. С.* Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве. М., 2007. С. 72.

⁶⁰ *Искандиров В. Б.* Наложение ареста на имущество в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 11, 18.

⁶¹ См. об этом: *Булатов Б. Б., Дежнев А. С.* Место наложения ареста на имущество в системе уголовно-процессуального законодательства: история и современность. 2016. № 2. С. 22.

фискации, но и на другие ситуации, предусмотренные ч. 1 ст. 115 УПК РФ⁶². Данный подход заслуживает поддержки ввиду того, что описанные выше исключительные обстоятельства могут проявлять себя независимо от специфики целей применения рассматриваемой меры принуждения.

Определенную сложность в оценке обоснованности принятия решения о наложении ареста на имущество в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ вызывают случаи, связанные с ограничением прав подозреваемого. В отличие от статуса обвиняемого, фигура подозреваемого и без того создает много вопросов при последующем судебном контроле, этот фактор усиливается дополнительным условием исключительности, вытекающим из содержания ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Данное обстоятельство подчеркивает особый характер такого рода решений, когда иной вывод следователя, дознавателя или суда может привести к необратимым последствиям, способным негативным образом сказаться на обеспечительной деятельности следователя, дознавателя.

Принятие решения о наложении ареста на имущество в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ, сопровождается последующим судебным контролем. Спецификой данного вида судебной деятельности выступает то, что законодатель предписывает осуществлять лишь контроль законности вынесенного следователем, дознавателем решения. Рассуждая по этому поводу, А. А. Юнусов и Ш. М. Галиуллин делают справедливый вывод о том, что отсутствие на законодательном уровне критерия фактической обоснованности такого рода решений превращает настоящий судебный контроль в формальную процедуру⁶³.

Сложившаяся ситуация позволяет задуматься о целесообразности указанной формы судебной деятельности. В. В. Кальницкий по этому поводу пишет, что «недостатки в реализации судьями требований ст. 165 УПК РФ, самым главным из которых объективно является формализм, есть следствие отсутствия возможности полно и объективно исследовать поставленную перед ними правовую ситуацию. Судья, по нашему мнению, лишнее звено в механизме принятия решения о производстве

---

⁶² Иванов А. Н., Лапин Е. С. Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве. М., 2007. С. 72 ; Ионов В. А. Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях. М., 2012. С. 29–30 ; Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск, 2017. С. 115.

⁶³ Юнусов А. А., Галиуллин Ш. М. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий в уголовном судопроизводстве России: понятие и виды // Следователь. 2007. № 6. С. 30.

следственного действия»⁶⁴. Полагаем, что данный упрек вполне можно адресовать законодателю и в части судебного контроля принятия решения о наложении ареста на имущество. Логичен в связи с этим вывод В. М. Быкова о том, что последующий судебный контроль в уголовном процессе России не должен оставаться в таком виде, в котором его представил законодатель в ч. 5 ст. 165 УПК РФ⁶⁵.

Нельзя не обратить внимания на случаи неформального отношения судов к оценке решений, принятых в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Так, отменяя одно из решений суда о признании законным наложение ареста на имущество в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ, суд апелляционной инстанции отметил, что необходимо было убедиться в наличии обстоятельств, свидетельствующих о безотлагательном характере принятия соответствующего решения. Как видно из имеющихся материалов, суд при проверке законности наложения ареста на денежные средства, находящиеся на расчетном счете организации, в случаях, не терпящих отлагательства, ограничился лишь представленными следователем копиями постановлений органов следствия о движении уголовного дела, постановлением следователя о наложении ареста на имущество.

При проверке законности наложения ареста на имущество в случаях, не терпящих отлагательства, судом не выяснялось, имелись ли обстоятельства, свидетельствующие о необходимости безотлагательного принятия решения в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Судом также оставлено без внимания, что соответствующий протокол, в нарушение ч. 5 ст. 165 УПК РФ, к материалам не приложен.

Указанные нарушения требований закона не позволили признать принятое судом решение законным, обоснованным и мотивированным, в связи с чем суд апелляционной инстанции посчитал необходимым постановление отменить, а материал по ходатайству следователя направить на новое судебное разбирательство, поскольку судом первой инстанции допущены нарушения уголовно-процессуального закона, неустранимые в суде апелляционной инстанции⁶⁶.

Исследуя содержание ст. 104¹ УК РФ, отметим, что законодатель, говоря о конфискации имущества, не вводит ограничений по субъектам воздействия. В связи с этим наложение ареста на имущество для обеспе-

---

⁶⁴ Кальницкий В. В. Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам. Омск, 2009. С. 89.

⁶⁵ Быков В. М. Следователь в уголовном процессе России. М., 2014. С. 74.

⁶⁶ Апелляционное постановление Московского городского суда от 10 ноября 2020 г. по делу № 10-187024/2020. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чения исполнения приговора в части его конфискации может осуществляться, если оно находится не только у подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, но и у других лиц, в соответствии с ч. 3 ст. 115 УПК РФ. Несмотря на то что нормативно в указанном положении не сформулирована цель ареста имущества, полагаем, что она может быть связана с конфискацией. К этому выводу подталкивает общность формулировок, представленных в ч. 3 ст. 115 УПК РФ и ст. 104¹ УК РФ.

Данный подход находит отражение и в судебной практике. Так, в одном из решений Конституционного Суда РФ разъяснено, что, исходя из буквального толкования ч. 3 ст. 115 УПК РФ, наложение ареста на имущество лица, которое не является подозреваемым, обвиняемым и не привлекается по уголовному делу в качестве гражданского ответчика, допускается лишь в публично-правовых целях обеспечения предполагаемой конфискации имущества или сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по данному уголовному делу, и лишь при условии, что относительно этого имущества имеются достаточные, подтвержденные доказательствами основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования преступной деятельности⁶⁷. Таким образом, применение ч. 3 ст. 115 УПК РФ возможно для реализации двух целей: для обеспечения исполнения приговора в части возможной конфискации имущества; для сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу.

Предусмотренные в ч. 3 ст. 115 УПК РФ основания наложения ареста на имущество сформулированы весьма неопределенно. Законодатель говорит лишь о том, что их должно быть достаточно. Оценочность этой нормы нередко приводит к ошибкам в правоприменительной практике⁶⁸. Полагаем, что достаточность данных в нашем случае должна увязываться, с одной стороны, с характеристикой подвергаемого аресту имущества, его преступным происхождением, с другой — с противоправной деятельностью подозреваемого или обвиняемого. Особенностью законо-

---

⁶⁷ По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйслена : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П // Рос. газета. 2014. 31 окт.

⁶⁸ См., напр.: *Дайджест* практики по уголовным делам областных и равных им судов // Уголовный процесс. 2017. № 1. С. 15.

дательной конструкции указанной нормы является то, что законодатель использует разделительный союз «либо» между перечисленными позициями. Тем не менее полагаем, что в обоих случаях присутствует фактор преступного происхождения имущества, который играет ключевую роль при применении рассматриваемой нормы.

Так, в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда лицо, совершившее преступление, не установлено, однако в материалах уголовного дела имеются данные, указывающие на преступный характер происхождения имущества. Например, наложен арест на недвижимое имущество, которое перешло из собственности потерпевшего в собственность другого лица в результате преступных действий, однако лицо, причастное к совершению преступления, установлено не было.

В этом контексте следует поддержать позицию В. В. Кальницкого и О. В. Баландюк о том, что наложение ареста на имущество других лиц в тех случаях, когда по уголовному делу личность подозреваемого или обвиняемого не установлена, но имеются основания полагать, что имущество получено в результате совершения преступления, в принципе, возможно. В подобных ситуациях необходимо расширительно толковать закон, говоря не только о преступных действиях подозреваемого, обвиняемого, но и о действиях неустановленного лица⁶⁹.

Принимая во внимание распространение цели наложения ареста на имущество, связанной с его конфискацией, на содержание не только ч. 1 ст. 115 УПК РФ, но и ч. 3 ст. 115 УПК РФ, следует констатировать наличие юридической возможности принятия решения в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ в отношении не только подозреваемых и обвиняемых, но и других лиц. Остается открытым вопрос о соответствующих возможностях в части сохранности вещественных доказательств.

Конституционный Суд РФ по этому поводу отмечает, что при разрешении уголовного дела, в том числе приговором суда, указанное имущество, если его принадлежность установлена судом, может быть возвращено законному владельцу (п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ), конфисковано, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий (ч. 3 ст. 104¹ УК РФ), или использовано для возмещения вреда, причиненного преступлением (ст. 104³ УК РФ)⁷⁰. Данное

---

⁶⁹ Кальницкий В. В., Баландюк О. В. Порядок наложения ареста на имущество при производстве предварительного расследования (методические рекомендации) // Законодательство и практика. 2012. № 2. С. 34–35.

⁷⁰ По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко

заключение органа конституционного контроля позволяет сделать вывод, что аресту имущества для обеспечения исполнения приговора в части возможной его конфискации могут подлежать и объекты, имеющие признаки вещественных доказательств.

Этот вывод вытекает и из анализа других норм УПК РФ. В соответствии с п. 3¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества, обнаруженные при производстве следственных действий, подлежат аресту в порядке, установленном ст. 115 УПК РФ. Несмотря на то что в указанной норме законодатель не увязывает порядок хранения вещественных доказательств с конфискацией имущества, полагаем, что возможное ее применение обуславливается содержанием пп. 1, 4¹ ч. 3 ст. 81 УПК РФ. В связи с этим следует констатировать специфичность оснований наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части возможной конфискации, вызванной необходимостью учета интересов доказывания по уголовным делам.

Учитывая связь содержания ст. 104¹ УК РФ, ст. ст. 81, 82 и чч. 1, 3 ст. 115 УПК РФ, В. В. Кальницкий и О. В. Баландюк справедливо отмечают, что перечисленные нормы не следует понимать как обязывающие во всех без исключения случаях налагать арест на предметы, признанные вещественными доказательствами. Надо исходить из характеристики предмета (объекта), являющегося таковым. В современных условиях вещественным доказательством может быть и небольшой по объему предмет, который можно изъять посредством обыска или выемки и хранить при деле, и недвижимый объект, физическое отчуждение которого невозможно. Объекты недвижимости, являющиеся вещественными доказательствами по делу, могут быть подвергнуты аресту для обеспечения их сохранности. Это связано с тем, что совершение гражданско-правовых сделок не требует наличия самого имущества у собственника. С другой стороны, признанные вещественным доказательством ювелирные изделия могут храниться при уголовном деле, с учетом установленных правил⁷¹. Наложение ареста на такое имущество

и М. П. Эйдлена : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П.

⁷¹ Письмо Генпрокуратуры СССР от 12 февраля 1990 г. № 34/15, Верховного Суда СССР от 12 февраля 1990 г. № 01-16/7-90, МВД СССР от 15 марта 1990 г. № 1/1002, Минюста СССР от 14 февраля 1990 г. № К-8-106, КГБ СССР от 14 марта 1990 г. № 441/Б (с изм. от 13 июля 2017 г.) «Об Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, ценностей и иного имущества органами предварительного следствия, дознания и судами». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нецелесообразно⁷². Принимая во внимание данные рассуждения, полагаем, что критерием принятия решения о наложении ареста на имущество может служить вывод о том, может ли определенное вещественное доказательство в последующем быть подвергнуто конфискации или нет.

Таким образом, наложение ареста на имущество в целях обеспечения исполнения приговора в части возможной конфискации может осуществляться на основании как ч. 1 ст. 115 УПК РФ (в отношении подозреваемого, обвиняемого), так и ч. 3 ст. 115 УПК РФ (в отношении других лиц). Это связано с общностью цели применения указанных нормативных установлений, которая может быть распространена и на вещественные доказательства по уголовному делу. Законодатель не ограничивает субъектный состав лиц, к которым применяются данные положения УПК РФ. С учетом выявленных особенностей наложения ареста на имущество названных лиц, в качестве оснований принятия соответствующего решения могут выступать сведения (доказательства), содержащиеся в материалах уголовного дела, свидетельствующие о преступном характере происхождения имущества в соответствии со ст. 104¹ УК РФ и возможности его утраты, а в случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ, — подтверждающие исключительность обстоятельств принятия решения внесудебным органом.

§ 4. Наложение ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части иных имущественных взысканий

Из имеющегося разнообразия целей наложения ареста на имущество определенную сложность вызывает реализация той, что связана с обеспечением исполнения приговора в части других имущественных взысканий. Используемое в ч. 1 ст. 115 УПК РФ понятие «другие имущественные взыскания» имеет оценочный характер и требует толкования. Оно не раскрывается в ст. 5 УПК РФ. Такого рода неопределенность затрудняет уяснение оснований применения рассматриваемой меры принуждения. Ошибки в этой области относят к числу наиболее распространенных⁷³.

Исследование поставленной проблемы приводит к следующим рассуждениям. Во-первых, говоря о других имущественных взысканиях в контексте положений ч. 1 ст. 115 УПК РФ, нельзя оставлять без внима-

---

⁷² Кальницкий В. В., Баландюк О. В. Порядок наложения ареста на имущество при производстве предварительного расследования (методические рекомендации) // Законодательство и практика. 2012. № 2. С. 36.

⁷³ Тутынин И. Б. Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера. М., 2017. С. 161.

ния и штраф. В статье 46 УК РФ он определяется как денежное взыскание. Очевидно, что, регулируя общий комплекс правоотношений, законодатель использует разные, но сходные по своей сути понятия — «имущественное взыскание» и «денежное взыскание». Проанализировав их соотношение, можно сделать вывод, что первое понятие шире по содержанию и предполагает применение соответствующих финансовых ограничений. Этот вывод подтверждается анализом п. 13¹ ст. 5 УПК РФ, которым предусмотрено, что к имуществу, помимо прочего, относятся наличные и безналичные денежные средства. Данное обстоятельство влечет отнесение штрафа как денежного взыскания к более общей категории «имущественное взыскание».

На эту особенность обращает внимание В. О. Белоносов: «Может быть, и неплохо, что взыскание штрафа было выделено в виде отдельной цели наложения ареста на имущество (ч. 1 ст. 115 УПК РФ). Но разве следующее за ним понятие „другие имущественные взыскания“ не охватывает и понятие „взыскание штрафа“? Конечно, охватывает, оба понятия соотносятся как часть и целое. Получается, что такая конкретизация не является необходимой потребностью»⁷⁴.

Во-вторых, сходная ситуация возникает и с конфискацией имущества. Глава 151 УК РФ, регламентирующая особенности данной меры уголовно-правового характера, предполагает изъятие у гражданина денег, ценностей и другого имущества. Следовательно, конфискация наряду со штрафом может быть отнесена к категории «имущественное взыскание», несмотря на то что законодатель также говорит о ней индивидуально. Полагаем, что раздельный учет в ч. 1 ст. 115 УПК РФ штрафа, конфискации имущества и других имущественных взысканий вызван необходимостью персонификации данных направлений обеспечительной деятельности, создания акцента на тех из них, что прямо предусмотрены законодателем, не требуют дополнительного толкования. При этом цель наложения ареста на имущество, вызванная обеспечением исполнения приговора в части других имущественных взысканий, формируется по остаточному принципу. Он предполагает введение для обвиняемого, подозреваемого имущественных ограничений, не связанных с конфискацией или штрафом.

В-третьих, обращает на себя внимание то, что ст. ст. 117, 118 УПК РФ предусматривают право суда по наложению денежного взыскания на отдельных участников уголовного процесса. Возникает вопрос о принадлежности указанной меры принуждения к другим имущественным взысканиям, предусмотренным ч. 1 ст. 115 УПК РФ. Анализ законодательства

---

⁷⁴ Белоносов В. О. О современном состоянии уголовно-процессуального законодательства // Мировой судья. 2016. № 9. С. 22–27.

дает основания полагать, что обеспечительная деятельность, связанная с наложением ареста на имущество, не распространяется на положения ст. ст. 117, 118 УПК РФ. Что касается других имущественных взысканий, то законодатель в ч. 1 ст. 115 УПК РФ ведет речь об обеспечении исполнения приговора, а содержание ст. ст. 307–309 УПК РФ не предусматривает учета соответствующей меры воздействия на личность в тексте итогового решения по уголовному делу. Кроме того, в письме Генеральной прокуратуры по этому поводу справедливо отмечается, что в рамках уголовного судопроизводства обеспечить денежное взыскание наложением ареста на имущество нельзя, поскольку рассматриваемая мера принуждения применяется к подозреваемому, обвиняемому, а денежное взыскание — к другим участникам процесса⁷⁵.

Перечисленные обстоятельства позволяют прийти выводу о том, что обеспечение исполнения приговора в части других имущественных взысканий должно касаться лишь процессуальных издержек. Такой подход находит отражение как в юридической литературе⁷⁶, так и в решениях органов судебной власти. В некоторых из них Конституционный Суд Российской Федерации прямо относит процессуальные издержки к имущественным взысканиям⁷⁷. По этому пути идет и Верховный Суд

---

⁷⁵ О направлении методических рекомендаций «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания»: письмо Генпрокуратуры Российской Федерации от 30 марта 2004 г. № 36-12-04. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

⁷⁶ Грицай О. В. Способы повышения эффективности уголовно-процессуальных мер обеспечения исполнения приговора // Рос. юстиция. 2009. № 4. С. 55–58 ; Тутынин И. Б. Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера. М., 2017. С. 160, 162 ; Вершинина С. И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения. М., 2017. С. 293–294 ; Волынская О. В., Федоров М. И. Правовые особенности применения ст. 115 УПК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 20(20-27) ; и др.

⁷⁷ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр. ; По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П // Там же. 2014. 31 окт.

Российской Федерации, указывая, что арест имущества обвиняемого допускается для обеспечения имущественных взысканий в счет погашения судебных издержек⁷⁸. В ст. ст. 131, 132 УПК РФ предусмотрено право суда взыскивать их с осужденного с учетом особенностей, предусмотренных Правительством Российской Федерации⁷⁹. Помимо этого, форма и содержание обвинительного приговора предполагают отражение этого вопроса в итоговом решении по делу (ст. ст. 308, 309 УПК РФ).

Анализируемые проблемы являются следствием завуалированности цели наложения ареста на имущество, связанной с обеспечением исполнения приговора в части взыскания процессуальных издержек, и вызваны дефектами юридической техники. Между тем в отдельных случаях закон прямо указывает на необходимость принятия соответствующих мер. Так, согласно ч. 3 ст. 42 УПК РФ потерпевшему обеспечивается возмещение не только имущественного вреда, причиненного преступлением, но и расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя согласно требованиям ст. 131 УПК РФ⁸⁰. Между тем в ходе правоприменительной деятельности можно встретить примеры, когда суды прямо отмечают, что наложение ареста на имущество — это мера процессуального принуждения, которая может применяться не только для обеспечения возможной конфискации имущества или штрафа в качестве меры уголовного наказания, но и имущественных взысканий в виде процессуальных издержек⁸¹.

Учитывая, что законодатель по делам о преступлениях несовершеннолетних допускает возложение обязанности возмещения процессуаль-

---

⁷⁸ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 февраля 2017 г. № 36-АПУ17-2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷⁹ О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240 // Рос. газета. 2012. 7 декабря.

⁸⁰ Особенности реализации в этой части интересов потерпевшего дополнительно представлены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Рос. газета. 2010. 7 июля.

⁸¹ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Хакасия от 25 мая 2022 г. по делу № 22-685/2022. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ных издержек на его законных представителей (ч. 8 ст. 132 УПК РФ), аресту может подвергаться имущество не только подозреваемого, обвиняемого, но и лица, несущего по закону материальную ответственность за их действия. Для решения вопроса обоснованности принятия решения о наложении ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части других имущественных взысканий в виде процессуальных издержек правовой статус указанных лиц должен быть подтвержден документально.

Как и в других случаях наложения ареста на имущество, принятие соответствующего решения в целях обеспечения исполнения приговора в части других имущественных взысканий в виде процессуальных издержек законодатель связывает с наличием в уголовном деле конкретных фактических обстоятельств. Из данной формулировки видно, что основания наложения ареста на имущество не замыкаются исключительно на доказательствах. Благодаря этому спектр источников получения соответствующих сведений может быть широким. Данные сведения должны касаться не только вопросов установления статуса подозреваемого, обвиняемого или лица, несущего по закону материальную ответственность за их действия, но и суммы возможных процессуальных издержек. Правительством Российской Федерации определен перечень документов, которые могут подтвердить наличие соответствующих затрат, а также правила расчета размера соответствующего имущественного взыскания⁸². Отдельные вопросы в этой части рассмотрены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам»⁸³.

Оценочная деятельность должностных лиц, принимающих решение о наложении ареста на имущество, в значительной степени будет зависеть от процессуальной пригодности тех или иных сведений, соответствия способа их получения нормам УПК РФ. Фактические данные, вытекающие из доказательств по делу, как правило, воспринимаются с большим доверием, формируя основную линию мыслительной

---

⁸² *О порядке* и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240 // Рос. газета. 2012. 7 дек.

⁸³ Рос. газета. 2013. 27 дек.

деятельности правоприменителя. В то же время нельзя пренебрегать иными данными. Лишь совокупность определенного рода сведений формирует вывод следователя, дознавателя, суда о необходимости применения рассматриваемой меры принуждения, причем это обобщенное знание не должно вызывать сомнений в правильности принимаемого решения.

В контексте исследуемой проблемы возникают вопросы о возможности наложения ареста на имущество подозреваемого. Основной комплекс проблем, связанных с применением в отношении него рассматриваемой меры принуждения, уже анализировался нами⁸⁴. Тем не менее в русле обеспечения исполнения приговора в части других имущественных взысканий имеются дополнительные особенности. Так, на первоначальном этапе предварительного расследования уголовного дела следователю, дознавателю формировать представление о сумме процессуальных издержек, как правило, преждевременно. Необходимый объем сведений чаще всего появляется на финальных этапах производства по уголовному делу. По этой причине говорить о применении соответствующей меры принуждения в отношении подозреваемого достаточно сложно, в том числе ввиду недостаточности данных, ее обосновывающих.

Раннее принятие решения о наложении ареста на имущество может привести к появлению другой проблемы. Она касается объема арестовываемого имущества. Очевидно, что по мере расследования уголовного дела процессуальные издержки только увеличиваются. Это обстоятельство может заставить следователя, дознавателя налагать арест на имущество «с запасом». При таком решении имеются свои риски, связанные с обоснованностью ограничения конституционных прав личности. Во избежание этого целесообразно принятие соответствующего решения на конечном этапе расследования уголовного дела. Однако в этом случае есть свои особенности. Они могут быть связаны с недостаточностью или отсутствием у обвиняемого или его законных представителей на соответствующем этапе производства по уголовному делу необходимого имущества, его сокрытием или уничтожением. В этих условиях объем вводимых ограничений при наложении ареста на имущество ставится в зависимость от множества факторов, появление которых не всегда прогнозируемо. Создаются предпосылки для принятия повторных решений о наложении ареста на имущество ввиду установления новых обстоя-

---

⁸⁴ Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части взыскания штрафа // Российский следователь. 2017. № 12. С. 17.

тельств по уголовному делу, требующих введения дополнительных обеспечительных мер.

При возникновении такого рода ситуаций можно встретить примеры, когда органы предварительного расследования возбуждают ходатайства перед судом о наложении ареста на имущество с учетом дополнительного объема возможных судебных издержек. Так, в рамках одного из уголовных дел, проверяя доводы апелляционной жалобы, суд обратил внимание на то, что «общая сумма денежных средств, на которые наложен и в последующем продлен срок ареста, не превышает общего размера ущерба, указанного в исковом заявлении прокурора, с учетом *возможного взыскания* (курсив наш. — Б. Б. Булатов, А. С. Дежнев) процессуальных издержек или штрафа в качестве меры уголовного наказания». Суд апелляционной инстанции указал, что при рассмотрении соответствующего вопроса в суде первой инстанции не имелось оснований для отказа следователю в его ходатайстве о продлении применения меры процессуального принуждения. Нарушений норм уголовно-процессуального закона, являющихся основанием для изменения или отмены состоявшегося судебного решения, по материалу не усматривается, в связи с чем апелляционная инстанция не согласна с доводами апелляционной жалобы⁸⁵.

Несмотря на имеющиеся проблемы, законодатель допускает возможность наложения ареста на имущество подозреваемого для обеспечения исполнения приговора в части других имущественных взысканий. Полагаем, что она более всего должна быть востребована при осуществлении дознания в разных формах (главы 32, 32¹ УПК РФ). В любом случае представляемые в суд сведения должны не только содержать данные, связанные с получением статуса подозреваемого, но и указывать на определенный объем судебных издержек для их последующего возмещения.

С учетом названных обстоятельств, основанием наложения ареста на имущество обвиняемого, подозреваемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, осуществляемого в целях обеспечения исполнения приговора в части других имущественных взысканий, могут выступать содержащиеся в материалах уголовного дела сведения, подтверждающие наличие предусмотренных в ст. ст. 131, 132 УПК РФ расходов по уголовному делу и свидетельствующие об их возможном возмещении за счет указанных лиц и наличии

---

⁸⁵ Апелляционное постановление Московского городского суда от 8 сентября 2021 г. № 10-17900/2021. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

риска в части сокрытия или отчуждения необходимых для последующих выплат материальных ценностей⁸⁶.

Анализируемые особенности рассматриваемой меры побуждают нас подчеркнуть проблему конкуренции оснований наложения ареста на имущество. Каждое из них предполагает введение исчерпывающего объема ограничений. Так, при обеспечении гражданского иска ориентиром, как правило, выступает объем исковых требований, при штрафе — санкция соответствующей статьи УК РФ, при конфискации — преступный характер происхождения имущества, при других имущественных взысканиях — расходы, связанные с производством по уголовному делу. Указанные обстоятельства, хотя и вытекают из одной статьи закона (ст. 115 УПК РФ), но имеют существенные отличия. Данный фактор приводит к смещению целей уголовно-процессуальной деятельности в части принудительного воздействия на личность. Применение одной меры принуждения фактически рассредоточено в разных направлениях. Имеются основания для выделения указанных имущественных ограничений в самостоятельные сферы правового регулирования. Их индивидуальная нормативно-правовая регламентация позволит сократить недочеты законодательной техники при наложении ареста на имущество.

§ 5. Основания отмены наложения ареста на имущество в досудебном производстве по уголовным делам

Законодательная регламентация порядка отмены ареста имущества имеет неоднородный характер, а принятие соответствующего решения зависит от разных обстоятельств. Предусмотренный ч. 9 ст. 115 УПК РФ механизм содержит возможность снятия введенных ранее ограничений на основании постановления, определения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, когда в применении данной меры принуждения либо отдельных ограничений, которым подвергнуто арестованное имущество, отпадает необходимость. Арест подлежит отмене и в случае истечения установленного судом срока его действия. При обеспечении требований гражданского иска, с учетом соблюдения ряда условий, арест отменяется, если нет спора о принадлежности имущества либо его установлении в ходе расследования преступления, а также при решении этого вопроса судом в порядке гражданского судопроизводства.

---

⁸⁶ См. подробнее: *Гараева Т. Б., Дежнев А. С.* Основания наложения ареста на имущество для обеспечения публичных интересов при производстве по уголовным делам // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 2. С. 19.

Самостоятельным поводом к рассмотрению вопроса об отмене ареста на имущество можно считать случаи, связанные с приостановлением уголовного дела (ч. 6 ст. 208 УПК РФ). Однако это касается лишь решений, принятых на основании ч. 3 ст. 115 УПК РФ. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования также предполагает необходимость определения судьбы имущества, подвергнутого аресту (ст. ст. 213, 239 УПК РФ).

Несмотря на то что указанные законодательные установления регулируют достаточно широкий и значимый, с точки зрения защиты права собственности, спектр отношений, соответствующая проблематика довольно редко оказывается на страницах юридической печати. Проведенные в последнее время исследования содержат лишь скромные упоминания о порядке отмены ареста имущества⁸⁷ либо они вообще отсутствуют⁸⁸. При этом количество введенных ограничительных мер остается достаточно высоким. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2020 г. судами общей юрисдикции было удовлетворено 37 979 ходатайств об аресте имущества⁸⁹, а в 2021 г. таких ходатайств было 38 684⁹⁰.

Учитывая, что арест имущества не может продолжаться бесконечно, отмена соответствующих ограничительных мер выступает важной составляющей этой меры принуждения. Между тем законодательные установления, закрепляющие основания принятия такого рода решений, имеют неоднозначный характер. Исключением, пожалуй, может считать-

---

⁸⁷ См., напр.: *Соколова М. В.* Деятельность следователя по наложению ареста на имущество : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 4, 113, 123 ; *Тутынин И. Б.* Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера. М., 2017. С. 169–170.

⁸⁸ *Муравьев К. В.* Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск, 2017. 226 с. ; *Вершинина С. И.* Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения. М., 2017. 367 с. ; *Искандиров В. Б.* Наложение ареста на имущество в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 22 с. ; *Ионов В. А.* Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях. М., 2012. 192 с.

⁸⁹ *Отчет* о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020 года : (Форма № 1) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 26.03.2023).

⁹⁰ *Отчет* о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 года : (Форма № 1) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 26.03.2023).

ся истечение срока наложения ареста на имущество. При отказе в его продлении наступление определенной календарной даты влечет утрату правовых оснований по реализации введенных ранее запретов. С учетом законодательного требования о том, что арест, наложенный на имущество, либо отдельные ограничения, которым подвергнуто арестованное имущество, отменяются на основании постановления, определения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело (ч. 9 ст. 115 УПК РФ), окончание срока действия соответствующих обеспечительных мер требует процессуального оформления.

Отсутствует достаточная ясность в вопросах отмены ареста имущества либо снятия определенных ограничений, когда в этом отпадает необходимость. Понятие «необходимость» имеет оценочный характер и требует дополнительного толкования. Оно в значительной мере зависит от конкретных обстоятельств уголовного дела, каких именно, законодатель не говорит, оставляя решение этого вопроса на усмотрение следователя, дознавателя и (или) суда.

С учетом множественности факторов, при которых возникает необходимость отмены ареста имущества, примененный законодательный подход в значительной мере оправдан. С другой стороны, велика вероятность принятия следователем, дознавателем или судом достаточно спорных решений. Они вынуждены давать оценку разнообразному кругу обстоятельств уголовного дела, во многом опираясь на собственное усмотрение. Если арест налагался для обеспечения требований гражданского иска, то при его отмене сложно обойтись без учета позиций сторон правового спора. Охрана публичных интересов (обеспечение возможной конфискации имущества, имущественных взысканий в виде процессуальных издержек или штрафа в качестве меры уголовного наказания, а также меры по сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу) ориентирует соответствующих должностных лиц на анализ других сфер правового регулирования. Такая неоднородность подходов накладывает свой отпечаток на вопросы принятия решения не только о применении меры принуждения, но и о ее отмене.

Связывая основания отмены ареста на имущество с реализацией публичных начал, Конституционный Суд РФ обращает внимание на их приоритетное значение в вопросах, не затрагивающих обеспечение гражданского иска⁹¹. Возможность отмены рассматриваемой меры принужде-

---

⁹¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сухорукова И. С. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 16, ст. 31 и ст. 32 УИК РФ, чч. 1, 15 ст. 103 ФЗ «Об исполнительном производстве», ч. 9 ст. 115 и ст. 401² УПК РФ : опреде-

ния здесь не может быть поставлена в зависимость от реализации частных интересов. Соответственно этому решается вопрос о конкуренции процессуальных правил определения судьбы арестованного имущества.

В качестве примера можно привести ситуацию, описанную в одном из решений Конституционного Суда РФ⁹². Сухорукову И. С., признанному виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 УК РФ, приговором суда было назначено наказание в виде штрафа. Этим же решением ранее наложенный арест имущества был сохранен до полной оплаты штрафа. Одновременно по заявлению Сухорукова И. С. Арбитражным судом Красноярского края он был признан банкротом и в отношении него открыта процедура реализации имущества гражданина, а оплата штрафа была отнесена к третьей очереди кредиторов. Данное обстоятельство послужило поводом для рассмотрения вопроса, связанного с отменой ранее наложенного ареста имущества по уголовному делу для удовлетворения требований других кредиторов, чем ставилась под сомнение возможность исполнения наказания в виде штрафа. Конституционный Суд РФ по этому поводу достаточно определенно указал, что признание гражданина банкротом не препятствует исполнению наказания в виде штрафа. Соответственно, если арест имущества гражданина, который вступившим в законную силу приговором суда осужден к уплате штрафа в качестве основного наказания, препятствует включению такого имущества в состав конкурсной массы, он не может рассматриваться как затрагивающий конституционные права заявителя.

Отраженная в рассматриваемом решении Конституционного Суда РФ проблема, как справедливо отмечается в мнении судьи Конституционного Суда РФ Кокотова А. Н., выводит на серьезную коллизию уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, с одной стороны, и законодательства о несостоятельности (банкротстве), с другой стороны, в части взыскания уголовного штрафа с гражданина и сохранения ареста его имущества после признания его банкротом. Она обостряется тем, что создающие ее разделы законодательства устанавливают собственный приоритет в регулировании теснейшим образом переплетенных между собой уголовно-исполнительных,

---

ление Конституционного Суда РФ от 13 марта 2018 г. № 578-О // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сухорукова И. С. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 16, ст. 31 и ст. 32 УИК РФ, чч. 1, 15 ст. 103 ФЗ «Об исполнительном производстве», ч. 9 ст. 115 и ст. 401² УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 13 марта 2018 г. № 578-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

уголовно-процессуальных отношений и отношений по имущественному оздоровлению.

Такого рода межотраслевые перекосы создают питательную среду для произвольного правоприменения, ущемления конституционных прав граждан. Так, непонятно, кто после признания гражданина банкротом снимает арест с его имущества, наложенный в порядке ст. 115 УПК РФ и насколько усмотрение такого субъекта тут ограничено. Если это должен делать ведущий уголовное дело следователь (дознатель), то на основании какого документа, по чьей инициативе и в какие сроки он принимает такое решение? Если это должен делать соответствующий суд общей юрисдикции, то возникают те же вопросы. Если этого вообще не нужно делать, поскольку снятие ареста автоматически вытекает из решения арбитражного суда о признании гражданина банкротом, то это спорное истолкование, поскольку оно порождает неопределенность в правоприменении.

Перечисленные вопросы нельзя рассматривать изолированно от имеющейся последовательности принимаемых решений относительно спорного имущества. В случае с Сухоруковым И. С. сначала был наложен арест на имущество, а лишь затем при производстве по уголовному делу в суде объявлена процедура банкротства. Однако в решении не разъясняется, как быть в ситуациях, при которых на момент появления оснований для ареста имущества гражданина в отношении него уже ведется процедура конкурсного производства. С одной стороны, требования, предусмотренные ст. ст. 126, 213.25 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁹³, предполагают не только снятие ранее наложенных арестов и иных ограничений, связанных с распоряжением имущества должника, но и запрет на введение новых. С другой стороны, реализация публичных интересов при осуществлении правосудия по уголовным делам способствует принятию соответствующих обеспечительных мер. Так, необходимость сохранности вещественных доказательств связана с интересами доказывания по уголовному делу. В контексте достижения целей правосудия, назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) часто требуется введение определенных ограничений по распоряжению этим имуществом. В этих условиях необходимо признать противоречивость анализируемой сферы правового регулирования, требующую законодательного разрешения. Не исключена возможность принятия Пленумом Верховного Суда РФ необходимых разъяснений.

---

⁹³ Рос. газета. 2002. 2 нояб.

Недостатки, связанные с отменой ареста имущества, наложенного для обеспечения публичных интересов, дополняются вопросами из частноправовой сферы правового регулирования. Принятие Конституционным Судом РФ ряда решений⁹⁴ привело к корректировке содержания ч. 9 ст. 115 УПК РФ⁹⁵. Для безналичных денежных средств, движение которых было ограничено в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, введено специальное основание отмены ареста имущества. Оно распространяется на лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия. Мера принуждения отменяется в случае установления в ходе предварительного расследования принадлежности арестованных денежных средств и отсутствия спора по этому вопросу. Данное решение принимается и при установлении этого вопроса судом в порядке гражданского судопроизводства по иску лица, признанного потерпевшим и (или) гражданским истцом по уголовному делу.

Благодаря этому подходу законодатель допускает отмену ареста имущества на основании судебного решения, принятого в рамках другого правового режима. В силу неоднозначности формулировок, используемых законодателем в ч. 9 ст. 115 УПК РФ, суды не всегда учитывают эту возможность. Так, апелляционным определением Московского городского суда было отменено решение Пресненского районного суда г. Москвы ввиду того, что им было отказано в разрешении вопроса об отмене ареста имущества в порядке гражданского судопроизводства. Указанное решение аргументировалось тем, что арест был наложен в порядке, предусмотренном УПК РФ, соответственно, и освобождение имущества от ареста должно осуществляться в этом правовом режиме. Апелляционный суд не согласился с этим выводом и, учитывая, что заявитель не является участником уголовного дела, а предметом иска

---

⁹⁴ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр. ; По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой ЗАО «Глория» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2014 г. № 31-П // Рос. газета. 2014. 24 дек.

⁹⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 17 июня 2015 г. № 190-ФЗ // Рос. газета. 2015. 6 июля.

служит требование об освобождении имущества от ареста (ч. 2 ст. 442 ГПК РФ), а не отмена ареста согласно ч. 9 ст. 115 УПК РФ, указал на необходимость рассмотрения искового заявления в порядке гражданского судопроизводства⁹⁶.

Таким образом, приоритетное значение частных начал при разрешении исковых требований в рамках уголовного судопроизводства предполагает наличие расширенных возможностей сторон при защите своих имущественных интересов. При этом важно иметь в виду, что произвольное обращение в суд в порядке, предусмотренном ГПК РФ, по рассматриваемым вопросам, в том числе при оценке отношений, вытекающих из частных начал, законодательно не предусмотрено. Этот механизм может быть запущен лишь в случаях, прямо установленных УПК РФ. В указанном примере так и произошло. Закрепленная в ч. 9 ст. 115 УПК РФ норма допускает возможность разрешения вопросов, касающихся принадлежности имущества в порядке гражданского судопроизводства, а ч. 2 ст. 442 ГПК РФ позволяет это сделать по правилам искового производства.

На дополнительные аспекты, связанные с учетом частных начал в уголовном судопроизводстве, указывает Конституционный Суд РФ. Одним из решений он признал ч. 3 ст. 115 УПК РФ во взаимосвязи с абзацем 9 п. 1 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» не противоречащими Конституции Российской Федерации. Отмечается, что содержащиеся в указанных статьях нормативные положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не предполагают наложения ареста на имущество должника, в отношении которого введена процедура конкурсного производства. Они также не рассчитаны и на сохранение ранее наложенного ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора по уголовному делу в части гражданского иска в отношении отдельных лиц, являющихся конкурсными кредиторами. Обращено внимание также и на то, что как по буквальному смыслу ч. 3 ст. 115 УПК РФ, так и по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, наложение ареста на имущество лица, не являющегося подозреваемым, обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за их действия, допускается лишь в публично-правовых целях⁹⁷.

---

⁹⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 6 сентября 2018 г. по делу № 33-38466/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹⁷ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона

Несмотря на то что Конституционный Суд РФ формально ведет речь об основаниях ареста имущества, фактически его вывод касается и отмены данной меры принуждения. Разрешение спора в рамках гражданского судопроизводства, законодательства о банкротстве фактически может служить основанием отмены ареста имущества в уголовном деле. Следовательно, дознавателю или суду остается лишь надлежащим образом оформить сложившееся положение. В этом контексте следует поддержать позицию П. В. Козловского, который не считает законной практику отмены ареста имущества без официального оформления принятого решения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело⁹⁸.

Этот вопрос был затронут в одном из решений Конституционного Суда РФ⁹⁹, который указал, что в соответствии с ч. 9 ст. 115 УПК РФ наложение ареста на имущество отменяется по постановлению, определению лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело. Данное законоположение не может рассматриваться как нарушающее конституционные права граждан. Такой подход представляется оправданным, так как в уголовном судопроизводстве арест на имущество может быть наложен не только в целях обеспечения гражданского иска. Оценка оснований наложения ареста и допустимости его отмены отнесена к компетенции органов предварительного расследования и суда. Однако это не означает, что они имеют право на усмотрение в случае, когда арест

«О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр. ; *По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена* : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П // Рос. газета. 2014. 31 окт.

⁹⁸ *Козловский П. В. Арест, наложенный на имущество должника — банкрота по уголовному делу: снимать или не снимать? // Современные тенденции развития юридической науки : сб. мат-лов IV Междунар. заочной науч.-практ. конф. Омск, 2015. С. 153.*

⁹⁹ *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Садыкова Ильгизара Яхиевича на нарушение его конституционных прав положениями абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца шестого пункта 1 статьи 16, пункта 3 статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», частей третьей и девятой статьи 115 и пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2012 г. № 813-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

на имущество был наложен для обеспечения гражданского иска в интересах конкурсного кредитора.

Сформулированная в решениях Конституционного Суда РФ правовая позиция об отмене ареста на имущество в практической деятельности не всегда воспринимается однозначно и при определении судьбы арестованного имущества приводит к принятию достаточно спорных решений. Так, в рамках одного из уголовных дел лицо было признано виновным в совершении преступления и приговором суда подтверждено право на удовлетворение гражданских исков. Вопрос о размере возмещения вреда передан для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. Обеспечительные меры в виде наложения ареста на имущество были сохранены до исполнения приговора в части назначенного дополнительного наказания в виде штрафа и разрешения исковых требований потерпевших. Ввиду признания арбитражным судом организации, имущество которой подверглось аресту, банкротом и открытия процедуры конкурсного производства заявитель (конкурсный управляющий) возбудил ходатайство перед судом об освобождении имущества от ареста в соответствии со ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Районный суд в удовлетворении ходатайства отказал. Суд апелляционной инстанции оставил решение без изменений. В обоснование своего вывода он указал, что необходимость сохранения обеспечительных мер в виде наложения ареста на имущество не отпала, поскольку материальный ущерб потерпевшим не возмещен. Отмечается, что вопреки доводам заявителя законодательство о банкротстве не регулирует вопросы уголовного судопроизводства и наложенный в рамках уголовного дела арест в порядке, предусмотренном ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», не снимается¹⁰⁰. Помимо этого, представленное суду апелляционной инстанции определение Арбитражного суда не влияет на законность судебного решения и не может являться достаточным основанием для удовлетворения заявленного ходатайства.

Комментируя используемый в приведенном примере подход, следует обратить внимание на несколько искаженное восприятие правовой позиции Конституционного Суда РФ по этому вопросу. При осуществлении процедуры конкурсного производства, осуществляемой в рамках Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», с учетом необходимости разрешения вопросов гражданского иска, имущество должно освобождаться от ареста. Это должно осуществляться по решению лица

---

¹⁰⁰ Апелляционное постановление Пермского краевого суда № 22-6544/2018 от 25 октября 2018 г. по делу № 22-6544/2018 // <https://sudact.ru/> (дата обращения: 28.03.2023).

или органа, в производстве которого находится уголовное дело. Другое дело, если речь идет об обеспечении публичных интересов. В нашем случае это назначение дополнительного наказания в виде штрафа. Полагаем, что именно размер штрафа (по приговору — 500 000 рублей) определяет объем имущества, арест на которое необходимо было сохранить (при отсутствии имущественных взысканий в виде процессуальных издержек или мер по сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу).

Давая оценку принятию решения об отмене ареста имущества, связанного с защитой частных интересов, целесообразно рассмотреть соотношение положений, предусмотренных ч. 3 и ч. 9 ст. 115 УПК РФ. В обоих случаях есть упоминание об имуществе лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия. Однако основания принятия решения об аресте имущества в этом случае не связаны с гражданским иском (ч. 3 ст. 115 УПК РФ). Они рассчитаны на обеспечение предполагаемой конфискации имущества или сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу. Получается, что в отношении одной и той же категории участников уголовного процесса решение об аресте имущества принимается под влиянием публичных начал, а отмена этой меры принуждения должна осуществляться в частных интересах (ч. 9 ст. 115 УПК РФ). Очевидно, что в приведенном соотношении норм имеются противоречия. Учитывая законодательную регламентацию этого вопроса, считаем, что арест имущества, наложенный на основании ч. 3 ст. 115 УПК РФ, правомерно будет отменять по причине отсутствия необходимости ее применения либо по истечении срока действия меры принуждения.

Так, в рамках одного из уголовных дел на основании ч. 3 ст. 115 УПК РФ был наложен арест на имущество — денежные средства, находящиеся на счетах нескольких лиц. Подозреваемые и обвиняемые по уголовному делу не были установлены. Рассмотрев ходатайство об отмене меры принуждения, суд отметил, что положения ч. 9 ст. 115 УПК РФ, на которые ссылаются заинтересованные лица в апелляционных жалобах, касаются случаев наложения ареста на безличных денежные средства, находящиеся на счетах лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска. Арест на денежные средства был наложен по иным основаниям, соответственно и доводы заявителей о необходимости применения приведенных выше положений закона нельзя признать состоя-

тельными¹⁰¹. Таким образом, наличие (отсутствие) гражданского иска при отмене ареста имущества по данному основанию является ключевым фактором. При этом принятие соответствующего решения должно осуществляться с учетом требований ч. 1 или ч. 3 ст. 115 УПК РФ, на основе которых вводились указанные ограничения. Очевидно, что данные противоречия существенным образом снижают ценность законодательной регламентации оснований отмены ареста на имущество.

Таким образом, широкий спектр обстоятельств, обуславливающих необходимость наложения ареста на имущество, порядок его отмены не содержат четких критериев законности принятого решения. Возникает необходимость корректировки соответствующей части уголовно-процессуального законодательства.

Полагаем, что допустимо выделение сформулированных в ч. 9 ст. 115 УПК РФ норм в отдельную статью, предусматривающую отмену ареста имущества. Кроме того, требуют корректировки основания отмены рассматриваемой меры принуждения в зависимости от вида защищаемого интереса — частноправового либо публичного. Очевидна необходимость законодательного соотнесения оснований отмены ареста на имущество с решением о введении соответствующих ограничений. Наряду с этим нуждается в разрешении комплекс вопросов, вызванных различием в нормативной регламентации порядка введения, реализации и отмены соответствующих ограничительных мер, предусмотренных ч. 9 ст. 115 УПК РФ, Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и гражданским процессуальным законодательством.

---

¹⁰¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 15 ноября 2018 г. № 10-20450/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

§ 1. Особенности наложения ареста на ценные бумаги

Развитие в Российской Федерации современных экономических отношений оказывает существенное влияние на становление рынка ценных бумаг. По мере увеличения оборота капитала в этой сфере, вовлечения в нее большого количества не только юридических, но и физических лиц растет необходимость законодательной регламентации вопросов, связанных с обеспечительной деятельностью государства при расследовании преступлений, расширения данной деятельности за счет предусмотренных соответствующими документами финансовых гарантий. Сформулированные в ст. 116 УПК РФ нормы в определенной степени позволяют решить значительную часть проблем, возникающих в правоприменительной деятельности органов предварительного расследования при наложении ареста на ценные бумаги. Вместе с тем реализация отдельных аспектов порядка наложения ареста на данный вид имущества нуждается в совершенствовании.

Специфика указанной области отношений такова, что законодательство и подзаконные нормативные акты о ценных бумагах содержат разветвленную систему правовых норм, регулирующих их обращение. Неудивительно, что практические работники, осуществляющие производство по уголовным делам, испытывают определенные сложности в применении соответствующих положений законодательства. Имеются вопросы к используемой в ст. 116 УПК РФ терминологии. Название указанной статьи говорит об аресте ценных бумаг, в то время как ее содержание предполагает введение соответствующих ограничений и в отношении их сертификатов. При этом в рассматриваемой статье Закона и в ст. 5 УПК РФ существо перечисленных понятий не раскрывается. Для их уяснения необходимо обратиться к другим отраслям права.

В соответствии со ст. 142 ГК РФ ценные бумаги делятся на два вида: документарные и бездокументарные. К документарным ценным бумагам относятся документы, соответствующие установленным законом требованиям и удостоверяющие обязательственные и иные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении таких документов. Бездокументарными ценными бумагами признаются обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги в соответствии с требованиями закона, и осуществление и передача которых возможны только с соблюдением правил учета этих прав в соответствии со ст. 149 ГК РФ.

Положения ст. ст. 115, 116 УПК РФ разделения по видам ценных бумаг не проводят. Законодатель говорит о ценных бумагах в целом. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод, что арест указанного имущества может осуществляться независимо от того, к какому виду оно относится (документарные или бездокументарные ценные бумаги). В этом контексте важно обратить внимание на содержание п. 131 ст. 5 УПК РФ, в котором законодатель к понятию «имущество» отнес как документарные, так и бездокументарные ценные бумаги.

В соответствии с ч. 2 ст. 142 ГК РФ ценными бумагами считаются акция, вексель, закладная, инвестиционный пай паевого инвестиционного фонда, коносамент, облигация, чек и иные ценные бумаги, названные в таком качестве в законе или признанные таковыми в установленном законом порядке. Принимая во внимание, что приведенный перечень ценных бумаг не является исчерпывающим, установление более полной картины, характеризующей обращение данного вида имущества, обуславливает необходимость учета других правовых актов¹. Законодательством определены форма и обязательные реквизиты ценных бумаг. Отсутствие хотя бы одного из реквизитов или нарушение установленной формы влечет ничтожность ценной бумаги. Основные требования, предъявляемые к ним, закреплены в ст. ст. 143¹, 149 ГК РФ.

---

¹ См., напр.: *О рынке ценных бумаг* : федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ // Рос. газета. 1996. 25 апр. ; *Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг* : федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 136-ФЗ // Рос. газета. 1998. 6 авг. ; *Об инвестиционных фондах* : федеральный закон от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ // Рос. газета. 2001. 4 дек. ; *Об ипотечных ценных бумагах* : федеральный закон от 11 ноября 2003 г. № 152-ФЗ // Рос. газета. 2003. 18 нояб. ; *О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте* : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ // Рос. газета. 2011. 11 февр. ; и др.

Как отмечается в письме Генеральной прокуратуры РФ², сертификат ценной бумаги — это документ, выпускаемый эмитентом (органом исполнительной власти, которому предоставлено право выпуска в обращение ценных бумаг) и удостоверяющий совокупность прав на указанное в нем количество ценных бумаг. Например, сертификат акций удостоверяет право владения лица определенным числом акций акционерного общества. В этом случае арест должен быть наложен как на сертификат, так и на сами акции, которыми владеет подозреваемый (обвиняемый), и наоборот, арест акций предполагает наложение ареста на соответствующий сертификат.

Анализ положений ст. 116 УПК РФ показывает, что законодатель, закрепляя цели применения рассматриваемой меры процессуального принуждения, не говорит о ее сущности. В этом случае за основу может быть взято положение, сформулированное в ч. 4 ст. 82 Федерального закона «Об исполнительном производстве»³. В нем отмечается, что наложение ареста на ценные бумаги означает запрет распоряжаться ими (продавать, предоставлять в качестве обеспечения собственных обязательств или обязательств третьих лиц, обременять иным образом, а также передавать такие ценные бумаги для учета прав другому депозитарию или держателю реестра, осуществляющему ведение реестра владельцев ценных бумаг). В содержании ч. 4 ст. 82 данного Закона предусмотрена возможность установления иных ограничений, связанных с реализацией прав, предусмотренных ценными бумагами.

Перечисленный объем ограничений не исключает выполнения ряда действий, связанных с обязательствами, вытекающими из факта владения ценными бумагами. Особенности их осуществления в УПК РФ не прописаны. Касающееся данного аспекта положение отсылает к федеральному законодательству (ч. 4 ст. 116 УПК РФ). Какие именно нормативно-правовые акты имел в виду законодатель, не уточняется. Полагаем, что это зависит от вида арестованных ценных бумаг. Тем не менее следует обратить внимание на то, что процедурно, в отличие от УПК РФ, более развернутая регламентация рассматриваемого вопроса изложена в ст. 82 Федерального закона «Об исполнительном производстве». В данном законодательном акте отмечается, что наложение ареста на ценные бума-

---

² *О направлении Методических рекомендаций «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания»* : письмо Генеральной прокуратуры РФ от 30 марта 2004 г. № 36-12-04 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Об исполнительном производстве*: федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 23 апреля 2018 г.) // Рос. газета. 2007. 6 окт.

ги не препятствует совершению эмитентом (управляющей компанией, управляющим) действий по их погашению, выплате по ним доходов, их конвертации или обмену на иные ценные бумаги, если такие действия предусмотрены решением о выпуске (правилами доверительного управления паевым инвестиционным фондом или ипотечным покрытием) арестованных ценных бумаг и не запрещены постановлением о наложении ареста на ценные бумаги. Полученные в результате конвертации или обмена иные ценные бумаги считаются находящимися под арестом на тех же условиях, что и ценные бумаги, арестованные по постановлению о наложении ареста, если это не противоречит целям наложения. Полагаем, что сведения, связанные с выполнением указанных действий, должны находить отражение в материалах уголовного дела.

К числу сложных, с точки зрения правоприменения, относят вопрос, касающийся наложения судом ограничений неимущественных прав владельцев ценных бумаг⁴. В практической деятельности имеются примеры, когда реализация прав владельцев акций, связанных с их участием в собрании акционеров, возможностью голосования, приводила к получению подозреваемым, обвиняемым дополнительных полномочий в области решения комплекса управленческих вопросов акционерного общества, в том числе финансового характера⁵. В этом контексте закономерен вывод о необходимости при принятии судебного решения об аресте имущества введения ограничений, связанных с возможностью не только распоряжения им, но и использования (в том числе реализации неимущественных прав владельца ценных бумаг). Соответствующие полномочия предусматривает законодатель (ч. 2 ст. 115 УПК РФ). Тем не менее на уровне правоприменения данный аспект не всегда учитывается. Помимо этого ч. 4 Федерального закона «Об исполнительном производстве» предусматривает возможность установления для владельцев ценных бумаг иных ограничений, круг которых законодатель не перечисляет.

В этом контексте Н. С. Каштанова поднимает достаточно интересную проблему, касающуюся взаимосвязи двух мер уголовно-процессуального принуждения — наложения ареста на ценные бумаги (ст. 116 УПК РФ) и временного отстранения от должности (ст. 114 УПК РФ)⁶. Наличие у по-

---

⁴ Каштанова Н. С. К вопросу о допустимости ограничения неимущественных прав владельцев ценных бумаг при наложении ареста на имущество в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: теория, законодательство, практика // Рос. следователь. 2017. № 5. С. 26–30.

⁵ Колоколов Н. А., Потанова А. В. Наложение ареста на акции // Уголовный процесс. 2011. № 4. С. 58, 59.

⁶ Каштанова Н. С. Указ. соч.

дозреваемого, обвиняемого в собственности большого количества ценных бумаг (акций) предоставляет ему возможность назначения себя на должность, связанную с реализацией организационно-распорядительных и других полномочий. По этому поводу В. А. Ионов приводит следующий пример. Гражданин О., имея умысел на приобретение контрольного пакета акций ЗАО, путем обмана и злоупотребления доверием совершил попытку незаконной смены генерального директора общества, а также попытку хищения голосующих акций⁷. В подобных ситуациях применения лишь одной меры принуждения может оказаться недостаточной. Например, только лишь отстранение обвиняемого, подозреваемого от должности не приведет к пресечению соответствующей преступной деятельности. Дополнительный арест ценных бумаг, гарантирующий невозможность не только распоряжения, но и их использования (путем участия в управлении акционерным обществом), позволит существенным образом ограничить преступные намерения лица.

Такого рода особенности подчеркивают, что исследуемое направление деятельности следователя, дознавателя, судьи хотя и осуществляется в рамках уголовного судопроизводства, но в значительной степени подчинено правилам, сформулированным в других отраслях права, которые не всегда учитывают специфику расследования и судебного разбирательства преступной деятельности.

Нельзя не обратить внимания на отдельные недостатки законодательной техники, которые вытекают из положения, сформулированного в ч. 1 ст. 116 УПК РФ. Они касаются целей наложения ареста на ценные бумаги. С одной стороны, рассматриваемая норма ориентирует правоприменителя на учет требований ст. 115 УПК РФ, с другой — некоторые цели применения рассматриваемой меры принуждения дублируют общую норму. Имеются направления деятельности, которые представлены законодателем иначе. Так, вместо обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска в ч. 1 ст. 116 УПК РФ речь идет об обеспечении возмещения вреда, причиненного преступлением. Помимо этого упускается из виду цель, связанная с обеспечением других имущественных взысканий (процессуальных издержек)⁸.

---

⁷ Ионов В. А. Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях. М., 2012. С. 132.

⁸ См. подробнее: Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части имущественных взысканий, не связанных с обеспечением гражданского иска, штрафа или возможной конфискации имущества // Рос. следователь. 2018. № 3. С. 39–42.

Различие целей наложения ареста на имущество и ареста ценных бумаг заслуженно критикуется учеными-процессуалистами. Трудно объяснить, например, почему иные имущественные взыскания в виде процессуальных издержек не учтены в ст. 116 УПК РФ. Сформулированная в указанной статье цель, связанная с обеспечением возмещения вреда, причиненного преступлением, фактически поглощает направление, касающееся обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, закрепленное в общей норме (ч. 1 ст. 115 УПК РФ). С учетом имеющейся взаимосвязи указанных законодательных установлений следует поддерживать ученых, считающих, что цели наложения ареста на имущество вообще и на ценные бумаги в частности должны быть едиными⁹. По сути, этот подход и реализован в УПК РФ, однако его законодательное исполнение не представляется удачным. Полагаем, что в современных условиях самостоятельное отражение в ст. 116 УПК РФ целей наложения ареста на ценные бумаги при наличии сходных норм в ст. 115 УПК РФ избыточно.

Основания наложения ареста на ценные бумаги также имеют специфику. Статья 116 УПК РФ не связывает применение данной меры уголовно-процессуального принуждения исключительно с доказательствами по уголовному делу. Объективности ради следует признать, что в указанном положении закона соответствующие требования фактически не сформулированы. В соответствии с положениями ст. 115 УПК РФ, с учетом их определяющего значения в исследуемой области, решение принимается при наличии в деле определенных фактических обстоятельств. Отсутствие конкретных формулировок, обуславливающих необходимость наложения ареста на ценные бумаги, отчасти восполняется в других нормативно-правовых актах. Как отмечается в письме Генеральной прокуратуры РФ¹⁰, решение о наложении ареста на ценные бумаги может быть принято на основе доказательств, подтверждающих, что деньги или иное имущество, вложенное в ценные бумаги, получены в результате преступления, либо доказательств, подтверждающих причинение подозреваемым (обвиняемым) вреда, который подлежит возмещению.

Данный документ ориентирует правоприменителя на получение следователем, дознавателем доказательств, обуславливающих необходи-

---

⁹ *Задерако К. В.* Иные меры процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 137.

¹⁰ *О направлении* Методических рекомендаций «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания» : письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 марта 2004 г. № 36-12-04. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мость ареста ценных бумаг. Иные сведения, по мнению разработчиков указанного акта, не представляются достаточными для принятия решения в порядке ст. 116 УПК РФ. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что указанное определение сформулировано достаточно узко. Не учтены обстоятельства, связанные с обеспечением возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, а также обеспечением исполнения наказания в виде штрафа.

Ранее авторы настоящей работы отмечали, что в современных правовых и социально-экономических условиях сформулировать универсальное определение оснований применения рассматриваемой меры принуждения невозможно. Она рассчитана на реализацию разных целей уголовного судопроизводства, предполагает учет различающихся обстоятельств уголовного дела¹¹. Основания принятия соответствующего решения для реализации положений ст. ст. 115 и 116 УПК РФ не должны существенным образом отличаться друг от друга. Этот вывод обусловлен общностью целей, сформулированных в указанных статьях закона. Специфика должна распространяться лишь на порядок ареста ценных бумаг.

Давая оценку процедурным особенностям применения рассматриваемой меры принуждения, следует обратить внимание на то, что законодатель предусматривает запрет ареста ценных бумаг на предъявителя, находящихся у добросовестного приобретателя (ч. 2 ст. 116 УПК РФ). Вместе с тем данную норму необходимо оценивать в совокупности с закрепленными в ст. 115 УПК РФ положениями. В частности, ч. 3 ст. 115 УПК РФ предусматривает наложение ареста на имущество, находящееся у других лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого.

Анализируя данный аспект правоприменительной деятельности, нельзя не обратить внимания на то, что сходное с ч. 2 ст. 116 УПК РФ ограничение закреплено и в гражданском законодательстве. В соответствии с ч. 3 ст. 147.1 ГК РФ не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя предъявительские ценные бумаги, независимо от того, какое право они удостоверяют, а также ордерные и именные ценные бумаги, удостоверяющие денежное требование.

Между тем у добросовестного приобретателя могут находиться и другие виды ценных бумаг. В соответствии с ч. 1 ст. 149.3 ГК РФ бездокументарные ценные бумаги, удостоверяющие денежное право требования, а также бездокументарные ценные бумаги, приобретенные на ор-

---

¹¹ Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска // Рос. следователь. 2017. № 5. С. 20–24.

ганизованных торгах, независимо от вида удостоверяемого права, также не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя.

Данные обстоятельства приводят М. В. Соколову к выводу, что требования, сформулированные в ч. 2 ст. 116 УПК РФ, нуждаются в корректировке, учитывающей профильное гражданское законодательство. Она предлагает ч. 2 ст. 116 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Не подлежат аресту документарные предъявительские ценные бумаги, независимо от удостоверяемого ими права, ордерные и именные ценные бумаги, удостоверяющие денежное требование, а также бездокументарные ценные бумаги, приобретенные на организованных торгах либо удостоверяющие только денежное право требования, находящиеся у добросовестного приобретателя»¹². В целом поддерживая общий замысел этого автора, полагаем, что в УПК РФ достаточно будет сделать ссылку на соответствующее положение гражданского законодательства, чтобы избежать дублирования норм, сформулированных в разных отраслях права.

Помимо данной особенности необходимо обратить внимание на то, что с учетом сформулированной в ч. 2 ст. 116 УПК РФ нормы добросовестные приобретатели в уголовном деле не выступают в качестве подозреваемых, обвиняемых или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия. Закономерно их отнесение к группе «других лиц», при этом сами ценные бумаги могут быть объектом преступного посягательства с учетом содержания ч. 3 ст. 115 УПК РФ. Возникает вопрос о возможности ареста такого имущества. Анализируя различные точки зрения по этому вопросу, М. В. Соколова справедливо отмечает, что наиболее правильный подход сформулирован в письме Генеральной прокуратуры РФ, в котором отмечено: если есть достаточные основания полагать, что ценные бумаги на предъявителя были, например, подделаны подозреваемым (обвиняемым) или похищены из собственности правомерного владельца, а затем проданы добросовестному приобретателю, то такие ценные бумаги в соответствии с ч. 3 ст. 115 и п. 3¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ подлежат аресту и приобщению к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств¹³. В итоге автор делает вывод о том, что ценные бумаги на предъявителя, служащие объ-

---

¹² Соколова М. В. Деятельность следователя по наложению ареста на имущество : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 143, 144.

¹³ О направлении Методических рекомендаций «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания» : письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 марта 2004 г. № 36-12-04. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ектом преступных действий, изложенных в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, и находящиеся у добросовестного приобретателя, в отдельных случаях могут подлежать аресту¹⁴.

К числу дискуссионных относится вопрос о необходимости указывать в протоколе наложения ареста на ценные бумаги их номинальную стоимость (п. 2 ч. 2 ст. 116 УПК РФ). Законодательство, регламентирующее обращение ценных бумаг, показывает что не все они содержат указанный показатель. Так, не имеют номинальной стоимости инвестиционный пай, ипотечный сертификат участия, российская депозитарная расписка. Учитывая данное обстоятельство, представляется целесообразным сформулировать право фиксировать в протоколе наложения ареста на ценные бумаги не только их номинальную стоимость, но и, при невозможности ее определения, те права, которые удостоверены данной ценной бумагой. Соответственно п. 2 ч. 3 ст. 116 УПК РФ в этой части требует корректировки¹⁵.

Таким образом, необходимо признать, что особенности наложения ареста на ценные бумаги, сформулированные в УПК РФ, далеки от совершенства. Они определяют правила работы следователя, дознавателя, судьи без учета множества специфичных аспектов, предусмотренных гражданским правом и другими отраслями законодательства, регламентирующими обращение указанного вида имущества. В этих условиях трудно надеяться на введение специальных, обобщающих рассматриваемую область отношений, норм в УПК РФ. Их жизнеспособность с учетом меняющихся правил оборота ценных бумаг будет под большим вопросом. В связи с этим решение ряда проблем видится не только в законодательной корректировке отдельных положений ст. 116 УПК РФ, но и в повышении уровня профессионализма правоприменителей.

§ 2. Особенности наложения ареста на совместно нажитое имущество

Наложение ареста на имущество в силу своей специфики редко затрагивает интересы только одного человека. В результате применения этой меры принуждения могут затрагиваться интересы членов семьи обвиняемого (подозреваемого). Это вполне объяснимо ввиду того, что имущество, в том числе нажитое преступным путем, нередко находится во владении близких людей. Высокий уровень доверительности отношений в семье дает основания полагать, что именно члены семьи обвиняе-

---

¹⁴ Соколова М. В. Указ. соч. С. 147.

¹⁵ Там же. С. 148.

мого (подозреваемого) и его родственники могут быть хранителями имущества, подлежащего аресту в ходе уголовного преследования. В связи с этим законодатель допускает применение к таким лицам рассматриваемой меры процессуального принуждения.

Этот вывод может показаться необоснованным, учитывая, что в ст. 115 УПК РФ члены семьи обвиняемого (подозреваемого) прямо не упоминаются. Но следует иметь в виду, что законодатель в чч. 1 и 3 ст. 115 УПК РФ не приводит исчерпывающего перечня лиц, подвергаемых данной мере принуждения. Нормативно (наряду с обвиняемым и подозреваемым) арест может быть наложен на имущество:

1) лиц, несущих по закону материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого;

2) других лиц, если есть достаточные основания полагать, что находящееся у них имущество получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

В обоих случаях при определении круга субъектов данной меры принуждения используются относительно определенные формулировки, что вполне обоснованно. Вряд ли целесообразно стремиться учесть в законе все социальные связи человека, пытающегося укрыть имущество, на которое может быть наложен арест. Такой подход требует дополнительного уяснения воли законодателя.

Из содержания ч. 1 ст. 115 УПК РФ неясно, какие субъекты могут подвергаться соответствующей мере принуждения, законодатель их не персонифицирует. Для этого необходимо обратиться к гражданскому законодательству. Именно ГК РФ разъясняет, кто может нести ответственность за вред, причиненный другими людьми (ст. ст. 1073–1076, 1078). Это зависит от правового статуса самого причинителя вреда, его возраста и психического состояния. Среди них выделяются две основные группы субъектов, к которым имущественные претензии часто не могут быть предъявлены лично. Это несовершеннолетние и лица, признанные в установленном порядке недееспособными. Имущественную ответственность за их действия закон позволяет возлагать как на родителей, так и на других членов семьи, выступающих в роли законных представителей (опекунов или попечителей). Все они могут привлекаться в качестве гражданских ответчиков по уголовному делу (ст. 54 УПК РФ).

Такой широкий круг лиц, несущих по закону материальную ответственность за действия обвиняемого (подозреваемого), обусловлен тем, что забота о несовершеннолетних и больных чаще всего ложится на наиболее близких людей — членов семьи. В общественном сознании эта социальная функция семьи воспринимается как одна из основных. Поэтому не случайно законодатель отводит им центральную роль в решении этой задачи, наделяя соответствующими полномочиями (законного представителя, опекуна, попечителя). С одной стороны, дополнительные возможности облегчают им совместное общежитие, с другой — позволяют рассматривать таких членов семьи обвиняемого (подозреваемого) как основных субъектов ответственности за вред, причиненный преступлением. В связи с этим их имущество при наложении ареста иногда подвергается описи.

В правоприменительной практике встречаются случаи, когда лица, несущие материальную ответственность за действия обвиняемого (подозреваемого), пытаются оспорить правомерность применения к ним рассматриваемой меры принуждения. В этой части представляет интерес постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П. В числе других норм судом проверялась конституционность положений, сформулированных в чч. 1, 3 ст. 115 УПК РФ. Ставилась под сомнение возможность в рамках предварительного расследования по уголовному делу налагать арест на имущество лица, не являющегося подозреваемым или обвиняемым. Конституционный Суд РФ разъяснил: «Положение части первой статьи 115 УПК Российской Федерации, предусматривающее в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска наложение ареста на имущество лиц, несущих по закону материальную ответственность за действия подозреваемого или обвиняемого, не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования означает, что арест может быть наложен на имущество лишь того лица, которое по закону несет за действия подозреваемого или обвиняемого материальную ответственность, вытекающую из причинения вреда»¹⁶.

---

¹⁶ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр.

Совершенно иная картина представлена в ч. 3 ст. 115 УПК РФ. Определяя основания наложения ареста на имущество, законодатель говорит о «других лицах» не в контексте их персональной материальной ответственности за чьи-либо действия, а лишь потому, что у них находится имущество, подлежащее аресту. Круг этих лиц юридически установить практически невозможно. Он может быть определен лишь на уровне сложившихся социальных связей конкретного человека. Среди них нередко оказываются члены семьи обвиняемого (подозреваемого), родственники, знакомые, иные лица. Как правило, они не имеют определенного уголовно-процессуального статуса. Так, по одному из уголовных дел был наложен арест на три квартиры в городе Тамбове, принадлежащие гражданке Д. — родной сестре гражданина З., обвиняемого в совершении ряда преступлений. Конституционный Суд РФ, проверяя по ее жалобе конституционность ч. 3 ст. 115 УПК РФ, пришел к выводу о том, что нарушений ее конституционных прав оспариваемой нормой нет¹⁷. В январе 2011 г. Конституционный Суд РФ вновь вернулся к этому вопросу. В своем решении он подтвердил возможность наложения ареста на имущество «других лиц», в том числе не подвергающихся уголовному преследованию. Соответствующая мера «обусловлена необходимостью обеспечения публично-правовых целей уголовного судопроизводства»¹⁸.

Важно обратить внимание на то, что для наложения ареста на имущество, полученное в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого и находящееся у других лиц, не имеет значения юридическое обоснование, по которому такое имущество перешло к ним. Поэтому в любом случае (передано ли приобретенное обвиняемым (подозреваемым) преступным путем имущество на хранение или во временное пользование другим лицам, перешло ли к ним право собственности на такое имущество) оно может быть арестовано и изъято. При переходе права собственности на имущество, полученное в результате преступных

---

¹⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Давыдовой Елены Викторовны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 марта 2008 г. № 246-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П.

действий обвиняемого (подозреваемого), к другим лицам наложение ареста на него закон также не связывает с тем, знал ли и должен ли был знать владелец, что приобретаемое им имущество добыто преступным путем, и каким способом — возмездно или безвозмездно — он его приобрел¹⁹.

Следовательно, закономерен вывод о том, что применение ч. 3 ст. 115 УПК РФ необходимо связывать с происхождением или предназначением самого имущества, а не с тем, у кого оно находится. Арест следует за имуществом, а не за конкретным субъектом, коим может выступать фактически любое лицо. Поэтому реализация требований, содержащихся в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, может затронуть членов семьи не только в связи с тем, что они являются хранителями вещей, подлежащих аресту, но и с тем, что они определенное имущество приобрели в собственность.

Логично предположить, что обвиняемый (подозреваемый) доверит своим близким имущество, не только полученное в результате преступных действий, но и приобретенное на законных основаниях. Можно ли в таком случае распространить на него ч. 3 ст. 115 УПК РФ? Системный анализ законодательства позволяет сделать вывод, что на имущество, находящееся у других лиц и принадлежащее подозреваемому, обвиняемому на законных основаниях, данная норма не распространяется. В части 1 ст. 115 УПК РФ также нет указания на возможность наложения ареста на имущество обвиняемого (подозреваемого) независимо от места его нахождения. Из содержания данной нормы такой вывод можно сделать весьма условно.

Данный подход законодателя позволяет защитить имущественные интересы обвиняемого (подозреваемого) и его семьи. Вместе с тем произошло ограничение возможности стороны обвинения по обеспечению заявленного гражданского иска. С одной стороны, если имущество получено обвиняемым (подозреваемым) в результате преступных действий, оно подлежит аресту вне зависимости от того, где и у кого находится (арест следует за имуществом). С другой стороны, если имущество получено на законных основаниях, оно может быть арестовано при условии, что находится непосредственно у обвиняемого (подозреваемого) или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия (арест следует за человеком). В последнем случае появляется возможность сокрытия имущества от ареста. Для этого достаточно передать его другим лицам. Очевидно, что закон должен прогнозировать распространенные в реальной действительности случаи укрытия обвиняемым (подозреваемым) имущества у других лиц и предусматривать его арест и изъятие.

---

¹⁹ Письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 марта 2004 г. № 36-12-04. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, на членов семьи обвиняемого (подозреваемого) может приходиться достаточно большая доля имущественных ограничений при аресте имущества. Это связано как с личной материальной ответственностью за действия преследуемых лиц, так и с тем, что в их ведении оказалось имущество, полученное в результате преступных действий обвиняемого (подозреваемого) либо используемое в преступных целях. Употребляемые в ст. 115 УПК РФ оценочные категории, раскрывающие круг субъектов данной меры принуждения, нельзя считать недостатком законодательства. Такой подход позволяет свести к минимуму случаи укрывания имущества от ареста, когда используются разнообразные социальные связи людей. Семейные отношения, будучи частью этой системы, чаще воспринимаются как фактор, сдерживающий реализацию ареста имущества. Защита имущественных интересов семьи является задачей не только конкретного индивида, но и государства. Найти баланс между этими интересами непросто. Пример тому — проблема определения истинных владельцев подвергаемого аресту имущества. Она возникает при реализации требований ч. 1 ст. 115 УПК РФ, поскольку в рамках ч. 3 ст. 115 УПК РФ, как уже было отмечено выше, законодатель делает акцент на характеристике имущества, подвергаемого аресту, а не на конкретном субъекте.

Этот вопрос встает перед следователем (дознавателем), как правило, при аресте имущества, находящегося в совместном владении обвиняемого (подозреваемого) и членов его семьи. Иногда один из супругов подвергается имущественным ограничениям незаконно. Причина этого кроется в недостаточно четком уяснении режима имущества супругов и других членов семьи. Согласно ст. ст. 34, 36 СК РФ имущество, принадлежащее супругам до вступления в брак, остается раздельным. Общим считается то, что нажито супругами в течение брака, независимо от того, на кого из них оно оформлено. При этом раздельным признается имущество, полученное супругом по наследству, в качестве дара, а также в других предусмотренных законом случаях (ст. 36 СК РФ). Разграничение имущества на раздельное и совместное имеет большое значение. На раздельное имущество как собственность конкретного субъекта арест может быть наложен в полном объеме (за исключением имущества, перечисленного в ст. 446 ГПК РФ), другое дело — совместное имущество.

Отдельные ученые обращают внимание на то, что при наложении ареста определение долей нажитого в браке совместного имущества обвиняемого (подозреваемого) или лиц, несущих по закону материальную ответственность за его действия, необходимо. Это позволит избежать случаев применения имущественных ограничений к иным совместным

собственникам. Данное обстоятельство склоняет исследователей к выводу о том, что если имущество подозреваемого, обвиняемого является частью общей собственности супругов или семьи, арест налагается только на его долю. По мнению С. А. Александрова, сначала следует определить долю супруга, а затем налагать на нее арест. Он называет порочной практикой, когда арест налагают на все выявляемое по месту жительства обвиняемого — ответчика имущество, мотивируя это тем, что установить его принадлежность правомочен только суд²⁰.

В связи с тем, что в момент наложения ареста на имущество бывает сложно определить, какая его часть из нажитого в браке принадлежит обвиняемому (подозреваемому) лично, а какая часть — супруге или другому члену семьи, можно встретить иной вариант решения проблемы. Он сводится к тому, что следователь (дознатель), не устанавливая долевые части имущества каждого совладельца, должен наложить арест на все общее имущество, за исключением тех вещей, индивидуальная принадлежность которых другим владельцам общего имущества очевидна²¹. Из контекста этого предложения следует, что его авторы в целом не исключают возможности раздельного учета совместно нажитого имущества супругов при наложении ареста. Лишь невозможность это сделать при непосредственном применении данной меры принуждения заставляет их вносить предложения о включении в опись всего либо большей части общего имущества супругов.

При включении имущества в опись предлагается учитывать не только характер имущественных отношений в семье, но и то, как обвиняемый (подозреваемый) распорядился средствами, полученными в результате совершения преступления. Если имущество подозреваемого, обвиняемого является частью общей собственности супругов или семьи, арест налагается только на его долю. Однако при наличии данных о том, что совместное имущество супругов было приобретено на средства, добытые подозреваемым, обвиняемым преступным путем, арест может быть наложен на него полностью или в части, превышающей долю данного лица в совместной собственности²².

Нужно отдать должное приверженцам этих подходов в том, что они избирательно относятся к применению имущественных ограничений

---

²⁰ Александров С. А. Правовые гарантии возмещения ущерба в уголовном процессе (досудебные стадии). Горький, 1976. С. 119–120.

²¹ Иванов А. Н., Лапин Е. С. Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве. М., 2007. С. 84.

²² Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам / Токарева М. Е., Буланова Н. В., Быкова Е. В. [и др.]. М., 2005. С. 155.

в отношении членов семьи обвиняемого (подозреваемого). Все же законодатель специально упоминает, чье имущество может быть арестовано (ч. 1 ст. 115 УПК РФ; ч. 1 ст. 175 УПК РСФСР). В то же время в современных условиях нельзя не учитывать содержания нормы, сформулированной в ч. 2 ст. 45 СК РФ. Она закрепляет правило, которое позволяет обращать взыскание на общее имущество супругов или на его часть, если приговором суда будет установлено, что оно было приобретено или увеличено за счет средств, полученных одним из супругов преступным путем²³. Благодаря данной норме мы можем констатировать появление еще одного дополнительного субъекта материальной ответственности. Не только обвиняемый (подозреваемый), но и его супруга (супруг) могут солидарно отвечать своим общим имуществом за вред, причиненный преступлением.

Возможность обращения взыскания на общее имущество супругов при обвинении хотя бы одного из них дает нам правовые основания для применения соответствующих обеспечительных мер. Они могут выражаться в аресте не только личного имущества обвиняемого (подозреваемого), но и общего имущества супругов. При этом в опись допустимо включать как часть, так и все нажитое в браке общее имущество. В письме Генеральной прокуратуры РФ от 30 марта 2004 г. № 36-12-04 отмечается: «Если имущество подозреваемого, обвиняемого является частью общей собственности супругов или семьи, арест налагается только на его долю. Однако при наличии данных о том, что совместное имущество супругов было приобретено на средства, добытые подозреваемым, обвиняемым преступным путем, арест может быть наложен на него полностью или в части, превышающей долю данного лица в совместной собственности»²⁴.

Нормативное установление, сформулированное в ч. 2 ст. 45 СК РФ, значительно упрощает деятельность следователя (дознавателя) при применении данной меры процессуального принуждения. Снимается ряд вопросов, связанных с определением индивидуальной принадлежности части вещей, обнаруженных в доме (квартире) у обвиняемого (подозреваемого). На наш взгляд, данное дозволение законодателя может создать спорное представление о том, что следователь (дознаватель) имеет право подвергать аресту все имущество членов семьи обвиняемого (подозреваемого). Такое сплошное включение в опись имущества других лиц не со-

---

²³ Аналогичная по сути норма была закреплена еще в ст. 23 Кодекса о браке и семье РСФСР.

²⁴ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

всем оправданно. Безусловно, личное имущество обвиняемого (подозреваемого) и нажитое в браке совместное имущество может включаться в опись в полном объеме (с учетом требований ст. 446 ГПК РФ). Однако к иному имуществу супругов этот тезис применить вряд ли возможно.

Известно, что имущество, принадлежащее супругу (супруге) обвиняемого (подозреваемого) до вступления в брак, полученное во время брака в дар в порядке наследования или по иным основаниям, предусмотренным ст. 36 СК РФ, является его личной собственностью. Если он не несет ответственности за действия обвиняемого (подозреваемого), то и на его личное имущество не может быть обращено взыскание. Как в ходе составления описи при наложении ареста оперативно выделить личное имущество членов семьи обвиняемого (подозреваемого)? Далеко не всегда в повседневной жизни, особенно среди близких, документально фиксируются факты, связанные с оборотом вещей. Воспринимать на веру заверения супругов о личной принадлежности определенного имущества вряд ли оправданно. Наиболее ценные вещи могут оказаться либо подаренными, либо приобретенными до вступления в брак, либо принадлежащими другим членам семьи. При таких обстоятельствах объем имущества, подлежащего аресту, может быть существенно занижен, что негативно скажется на интересах потерпевшего или гражданского истца. В этом контексте можно критично отнестись к выводу Д. А. Прасковьиной, что если в деле отсутствуют доказательства об обладании соответствующими лицами имуществом на праве собственности, наложение ареста проводится не может²⁵.

Определение индивидуальной принадлежности вещей в семье дополнительно может осложняться злоупотреблением правами, предусмотренными СК РФ. Так, семейное законодательство допускает разделение общего имущества (ст. 38 СК РФ). Данное законодательное установление позволяет обвиняемому (подозреваемому) и его супруге разделять совместно нажитое имущество по своему собственному усмотрению. Соответственно, в опись будет включаться лишь имущество обвиняемого (подозреваемого). Очевидно, что при таком подходе его доля может оказаться минимальной. Интересам правосудия отвечает лишь то, что соглашение о разделе общего имущества супругов должно быть нотариально удостоверено (ч. 2 ст. 38 СК РФ). Установленный в этом документе режим собственности каждого из супругов облегчает определение индивидуальной принадлежности вещей, включаемых в опись при наложении ареста.

---

²⁵ Прасковьян Д. А. Обеспечение гражданского иска: правовая природа и система средств. М., 2006. С. 71.

Говоря об имуществе супругов при наложении ареста, нельзя обойти вниманием положение других членов семьи обвиняемого (подозреваемого). К их числу можно отнести детей и других родственников, проживающих вместе с супругами. Действия следователя (дознателя) по наложению ареста могут задеть их интересы. Не исключено, что в опись войдут личные вещи указанных лиц. Между тем законодатель определяет, что ребенок не имеет права собственности на имущество родителей, а родители не имеют права собственности на имущество ребенка. Дети и родители, проживающие совместно, могут владеть и пользоваться имуществом друг друга по взаимному согласию (ч. 4 ст. 60 СК РФ). Раздельный режим собственности супругов и их детей заставляет учитывать это обстоятельство при аресте имущества взрослых членов семьи. Ситуация с их детьми может выглядеть иначе. При совершении преступления несовершеннолетним, с учетом имущественной ответственности родителей (ст. ст. 1073–1075 ГК РФ), арест может налагаться на имущество как обвиняемого (подозреваемого), так и его родителей.

В связи перечисленными особенностями, возникает вопрос о том, как в ходе составления описи имущества определить истинных владельцев обнаруженных следователем (дознателем) вещей. Совместное использование этих объектов в повседневной деятельности членами семьи обвиняемого (подозреваемого) нивелирует их индивидуальную принадлежность. К тому же есть возможность по взаимному согласию перераспределить имущество между супругами, детьми и иными родственниками, проживающими совместно с обвиняемым (подозреваемым). Все это создает предпосылки, с одной стороны, для защиты интересов семьи, с другой — для сознательного уменьшения объема имущества, подлежащего аресту. Невозможность решить эти проблемы одновременно при наложении ареста заставляет правоприменителей включать в опись все имущество.

Опрос практических работников показал, что они не слишком избирательно подходят к решению этой проблемы: 48% их отметили, что при наложении ареста они включают в опись имущество как обвиняемого, так и членов его семьи; 51% от их числа указали, что в опись включается только имущество обвиняемого (подозреваемого). Изучение уголовных дел не позволило сформировать объективное мнение об этом явлении. Однако, судя по функциональному предназначению имущества, включаемого в опись, очевидно, что оно чаще всего принадлежит не только обвиняемым (подозреваемым). При таком подходе могут пострадать интересы лиц, проживающих совместно с указанными участниками уголовного процесса. Они не будут иметь возможности распорядиться своим имуществом или пользоваться им.

С одной стороны, может показаться, что такого рода издержки не так значимы. Супругу обвиняемого либо иному члену его семьи, чье имущество было включено в опись, достаточно доказать, что определенная вещь принадлежит ему лично и не является частью общей собственности супругов. Но этот факт требует доказывания, а в условиях свободного оборота имущества в семье представленные сведения не всегда могут быть убедительными для следователя (дознателя). С другой стороны, при освобождении такого имущества от ареста констатируется незаконность применения данной меры процессуального принуждения в отношении определенного лица. При наличии вреда, причиненного такими действиями органов предварительного расследования, не исключено, что наступят последствия, предусмотренные ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

Данное установление предоставляет право на возмещение вреда любым лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения. Требование о возмещении вреда, причиненного лицу при применении к нему меры процессуального принуждения, может исходить от граждан, которые вообще не подвергались и не могли быть подвергнуты уголовному преследованию. Соответственно и члены семьи обвиняемого (подозреваемого) в случае причинения вреда незаконным арестом их имущества могут данным правом воспользоваться. В этом контексте арест имущества физических лиц становится непростой задачей. Невозможность в момент описи имущества установить истинных его владельцев заставляет следователя (дознателя) более внимательно относиться к обеспечению его сохранности. Этим снижается вероятность причинения вреда членам семьи обвиняемого (подозреваемого) и применения в связи с этим ч. 3 ст. 133 УПК РФ²⁶.

Перечисленные обстоятельства характеризуют семью как сдерживающий фактор при применении мер процессуального принуждения. Государство не может учесть весь спектр имущественных отношений между членами семьи. Общая охранительная направленность учета этих социальных связей людей создает предпосылки для сознательного противодействия применению следователем (дознателем) такой меры принуждения, как наложение ареста на имущество. Следует предположить, что с учетом данной специфики в одном из проектов УПК РФ была предусмотрена специальная норма. Предлагалось закрепить положение следующего содержания: «Арест налагается на долю обвиняемого в совместной собственности супругов или семьи. При наличии достаточных

---

²⁶ Подробнее см.: Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями, связанными с наложением ареста на имущество членов семьи обвиняемого (подозреваемого) // Рос. следователь. 2011. № 17. С. 6–10.

доказательств, что совместная собственность приобретена или увеличена на средства, нажитые преступным путем, арест может быть наложен на все имущество супругов или семьи или большую его долю» (ч. 2 ст. 195 Проекта УПК РФ)²⁷.

Реализация данного предложения помогла бы решить часть проблем, возникающих при наложении ареста на имущество. Во-первых, была бы снята необходимость дополнительной интерпретации норм СК РФ при определении долей в совместно нажитом имуществе супругов. Во-вторых, эта норма сориентировала бы правоприменителей при применении рассматриваемой меры процессуального принуждения на учет не только общего имущества супругов, но и всей семьи. При такой постановке вопроса речь может идти о коллективной материальной ответственности за вред, причиненный преступлением. К этому есть определенные предпосылки.

Данный подход вполне оправдан с точки зрения охраны имущественных интересов лиц, потерпевших от преступления. Интересы семьи, по проекту УПК РФ, предполагалось ограничивать в большей мере. Но необходимо учитывать, что четкая регламентация рассматриваемых отношений привела бы к снижению числа случаев неоправданного усмотрения следователя (дознателя) в ходе составления описи арестованного имущества. К тому же, с точки зрения социальной справедливости, приоритет интересов семьи, живущей за счет средств, нажитых преступным путем, не может быть оправдан отказом в принятии необходимых мер для возмещения вреда, причиненного преступлением.

Определенные недостатки содержит и сам порядок наложения ареста на имущество. Так, законодатель довольно кратко говорит о том, кто вправе участвовать в ходе ареста имущества. Анализ ст. 115 УПК РФ не дает нам ответа на вопрос о том, есть ли такое право у лица, чье имущество подвергается описи, либо у членов его семьи. Нужно признать, что законодатель такую возможность не исключает. Воспринимая закон расширительно, Генеральная прокуратура призывает арест имущества производить в присутствии собственника или владельца (либо лица, его представляющего), которому предъявляется постановление судьи²⁸. Это позволит защитить имущественные права и интересы лица, в отношении которого применяется данная мера принуждения, и его близких. На этом также настаивают А. Н. Иванов и Е. С. Лапин, предлагая внести

---

²⁷ Проект Общей части Уголовно-процессуального кодекса РФ. Государственное правовое управление Президента РФ. С. 171.

²⁸ Письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 марта 2004 г. № 36-12-04.

соответствующие изменения в УПК РФ²⁹. Такая норма была сформулирована в УПК РСФСР 1960 г. (ст. ст. 169, 175). Отказ от этого положения в УПК РФ, учитывая его охранительную направленность, можно рассматривать скорее как технический недочет, чем как осмысленное волеизъявление законодателя. Данная норма была характерна для следственных действий. Переход наложения ареста на имущество в систему мер процессуального принуждения не прошел для него бесследно, некоторые правоотношения выпали из поля зрения разработчиков УПК РФ.

Поддерживая такого рода предложения, обратим внимание на следующее обстоятельство. Предусмотреть в законе участие собственника имущества или совершеннолетних членов его семьи при составлении описи, безусловно, возможно. Этот шаг способен защитить их имущественные интересы. Возникает лишь вопрос, в какой форме это должно быть сделано. Если их участие будет признано обязательным, могут возникнуть серьезные проблемы, связанные с вовлечением указанных лиц в процесс реализации данной меры процессуального принуждения. Без них следователь (дознаватель) не будет иметь права описать имущество, как это было в период действия УПК РСФСР³⁰. Тем самым дается возможность оттянуть момент составления описи путем злоупотребления предоставленным правом. Очевидно, что дополнительно полученное время вряд ли будет потрачено обвиняемым (подозреваемым) на благие цели. Есть опасность сокрытия имущества от ареста. Порядок вовлечения обвиняемого (подозреваемого) либо совершеннолетних членов его семьи в процесс составления описи арестованного имущества должен носить уведомительный характер. Реализация судебного решения о применении данной меры процессуального принуждения не нуждается в дополнительном уяснении воли других участников уголовного процесса.

Интерес обвиняемого и членов его семьи может быть учтен при принятии мер, обеспечивающих сохранность арестованного имущества. Положительным следует признать то, что законодатель не ограничивает перечень лиц, которым это имущество может быть передано на хранение. В письме Генеральной прокуратуры от 30 марта 2004 г. № 36-12-04 подчеркивается, что «арестованное имущество может быть изъято и храниться при уголовном деле либо передано по усмотрению дознавателя, следователя на хранение собственнику этого имущества, его родствен-

---

²⁹ Иванов А. Н., Лапин Е. С. Указ. соч. С. 75–77.

³⁰ Научно-практический комментарий к УПК РСФСР / под ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 304.

нику или иному лицу»³¹. Как отмечает С. А. Александров, при выборе и назначении хранителя следует учитывать его возраст, психическое состояние и моральный облик³². Наиболее громоздкие вещи чаще всего передаются родственникам владельца или иным близким лицам, о чем у них отбирается соответствующая подписка (ч. 6 ст. 115 УПК РФ).

Ф. Н. Багаутдинов вслед за другими учеными³³ критикует подобную практику и считает, что опасность утраты описанного имущества при передаче его родным и близким обвиняемого (подозреваемого) довольно высока. Руководствуясь лишь этим, достаточно спорным аргументом, он предлагает дополнить УПК РФ запретом на передачу описанного имущества для хранения самому обвиняемому, его родным и близким³⁴.

По этому поводу С. А. Александров пишет, что такое огульное исключение супругов и родственников из числа хранителей опасно отрицательными последствиями. В ряде случаев именно по этой причине подвергнутые аресту ценности остаются безнадзорными и обречены на растрачивание. Громоздкие вещи (пианино, столовые и спальные гарнитуры и т. п.) практически не только невозможно изъять, но и передать на хранение никому другому, кроме обвиняемого либо его родственников. Иные лица обычно свободной площадью не располагают и поэтому не в состоянии принять арестованные ценности³⁵. В органах расследования далеко не всегда оборудованы помещения, в которых можно было бы хранить арестованное и изъятное имущество. В. Я. Понарин, изучив практику обеспечения сохранности арестованного имущества, отмечает, что в 22% случаев хранителями были владельцы имущества, в 33,7% случаев — их родственники, и лишь в 16,7% случаев имущество изымалось³⁶. Похожие результаты в ходе исследования были получены Д. А. Прасковьиным. В 37% случаев по уголовным делам хранителями были владельцы имущества, в 31% — их родственники, в 20% — иму-

---

³¹ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³² Александров С. А. Указ. соч. С. 112.

³³ Тюрин С., Самойлов С. Обеспечение полного возмещения материального ущерба, причиненного преступлением // Соц. законность. 1973. № 4. С. 9; Газетдинов Н. И. Деятельность следователя по возмещению материального ущерба. Казань, 1990. С. 76.

³⁴ Багаутдинов Ф. Н. Наложение ареста на имущество и ценные бумаги по УПК РФ // Рос. следователь. 2002. № 10. С. 3.

³⁵ Александров С. А. Указ. соч. С. 112.

³⁶ Понарин В. Я. Производство по гражданскому иску при расследовании уголовного дела. Воронеж, 1978. С. 114.

щество изымалось³⁷. Сходную картину выявило и наше исследование: в 31% случаев наиболее громоздкие вещи передавались владельцам имущества, в 32% — их родственникам, в остальных случаях имущество изымалось из семьи.

Чтобы избежать негативных последствий, связанных с утратой описанного имущества, Ф. Н. Багаутдинов предлагает рассмотреть вопрос о его передаче для хранения службе судебных приставов, которая сможет обеспечить его сохранность. Для введения такого порядка потребуются дополнительные средства и помещения, однако ученый предполагает, что затраты окупятся³⁸. Возражая автору, нельзя не обратить внимания на то, что нужно учитывать не только материальную часть вопроса. Арест может быть наложен не только на личное имущество обвиняемого (подозреваемого), но и на совместное имущество, нажитое супругами в браке. Если фактическое изъятие личного имущества обвиняемого (подозреваемого) при его аресте объяснимо, то такого рода ограничения, предпринимаемые в отношении общего имущества супругов, неоправданны. Так, супруга обвиняемого (подозреваемого), не имеющая формального процессуального статуса, до суда лишается права распоряжения, а иной раз и пользования своим имуществом.

Более того, не только супруга обвиняемого, но и вся его семья могут оказаться лишенными большей части имущества. Оставление его для хранения членам семьи обвиняемого (подозреваемого) в какой-то мере нивелирует отрицательные последствия применения соответствующей меры процессуального принуждения. Думаем, что при таком подходе негативных социальных последствий мы получим меньше, да и экономически он более предпочтителен. Это особенно актуально, если производство по уголовному делу приостанавливается. Конституционный Суд РФ справедливо обратил внимание на то, что «в системе действующего правового регулирования отсутствует правовой механизм, применение которого — при сохранении баланса между интересами общего характера и частноправовыми интересами — позволяло бы эффективно защищать права и законные интересы тех лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, чье право собственности ограничено чрезмерно длительным наложением ареста на имущество в рамках уголовного дела, предварительное следствие по которому приостановлено»³⁹.

---

³⁷ Прасковин Д. А. Указ. соч. С. 83.

³⁸ Багаутдинов Ф. Н. Наложение ареста на имущество и ценные бумаги по УПК РФ. С. 3.

³⁹ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального

Как дополнительное средство охраны интересов семьи можно рассматривать законодательный запрет ареста имущества, перечисленного в ст. 446 ГК РФ. Значительная его часть предназначена для обеспечения нормальных условий жизни семьи обвиняемого (подозреваемого) и его несовершеннолетних детей. Так, по общему правилу, не подлежит аресту жилое помещение, если для гражданина и совместно проживающих с ним членов его семьи оно является единственным местом, пригодным для постоянного проживания. Не включаются в опись предметы обычной домашней обстановки и обихода, вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и др.), кроме драгоценностей и других предметов роскоши. Это правило распространяется на продукты питания и деньги на общую сумму не менее установленной величины прожиточного минимума самого гражданина-должника и лиц, находящихся на его иждивении.

Изложенное позволяет сделать вывод, что законодатель, регулируя порядок наложения ареста на имущество, прямо не говорит об охране интересов семьи. Однако без учета этих социальных связей иногда обойтись невозможно. Совместный режим собственности супругов, особый характер имущественных отношений в семье оказывают сдерживающее влияние на применение мер принуждения. Общая охранительная направленность нормативного регулирования данных вопросов создает предпосылки для ограничения возможностей государства при наложении ареста на имущество.

§ 3. Обеспечение сохранности находящегося под арестом имущества при исполнении приговора

Современные тенденции преступной деятельности диктуют необходимость активного вмешательства государства в сферу имущественных отношений. При этом в данной сфере правоприменительной деятельности сохраняется большой круг проблем. До настоящего времени не созданы достаточные гарантии реального возмещения материального ущерба от совершенного преступления. Давно назрела необходимость создания эффективного и действенного правового механизма обеспечения возмещения потерпевшим причиненного ущерба и морального вреда⁴⁰.

кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П.

⁴⁰ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год // Рос. газета. 2019. 11 июня.

Неоднократные обращения Конституционного Суда РФ к этому вопросу формируют дополнительные условия для проведения реформ⁴¹. Благодаря очередному его решению⁴² спектр требуемых преобразований не только расширился, но и приобрел межотраслевые черты. На этот раз орган конституционного контроля сформулировал свою позицию по нормам, позволяющим сохранять после вступления приговора в законную силу арест, наложенный на имущество лица, не являющегося обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия, в целях обеспечения гражданского иска. Вынесенное Конституционным Судом РФ постановление коснулось достаточно специфичной сферы правового регулирования ареста имущества. Оно предусматривает учет следующих обстоятельств. Во-первых, в решении речь идет об аресте имущества лица, в отношении которого не осуществлялось уголовное преследование, при отсутствии материальной ответственности за действия обвиняемого.

Во-вторых, наложение ареста на имущество было связано с обеспечением гражданского иска по уголовному делу.

В-третьих, анализируемые отношения возникли при вынесении приговора и его вступлении в законную силу. Особенность рассматриваемого решения заключается в том, что суд признал право на удовлетворение гражданского иска, а вопрос о размере возмещения причиненного вреда был передан на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. Несмотря на это, арест имущества был сохранен после вступления приговора в законную силу до полного возмещения вреда, причиненного преступлением.

---

⁴¹ *По делу* о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр. ; *По делу* о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Аврора малозэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П // Рос. газета. 2014. 31 окт. ; *По делу* о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой ЗАО «Глория» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2014 г. № 31-П // Рос. газета. 2014. 24 дек.

⁴² *По делу* о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 УПК РФ в связи с жалобой гражданки И. В. Янмаевой от 17 апреля 2019 г № 18-П // Рос. газета. 2019. 29 апр.

Анализ сложившихся отношений привел Конституционный Суд РФ к выводу, что используемый режим сохранности имущества не отвечает требованиям Основного закона страны. Защита частноправовых интересов с момента вступления приговора в законную силу должна осуществляться в порядке гражданского (арбитражного) судопроизводства. Давая оценку указанным обстоятельствам, важно признать, что Конституционный Суд РФ достаточно последовательно проводит политику исключения из сферы уголовно-процессуального регулирования механизмов, не предполагающих достижения публично-правовых целей при применении мер принуждения. Ранее он уже обращал внимание на то, что наложение ареста на имущество в целях обеспечения гражданского иска в уголовном деле не может выходить за временные рамки уголовно-процессуальных отношений, связанных с расследованием и разрешением уголовного дела⁴³. Указанные правовые позиции приводят к выводу, что вступление приговора в законную силу настолько меняет характер правовых отношений, что не позволяет распространять арест имущества, предполагающий достижение частноправовых целей, на последующие этапы правоприменительной деятельности. С этого момента в рамках анализируемой проблемы приоритет должен отдаваться частноправовым механизмам решения вопросов о собственности, которые нельзя подменять уголовно-процессуальными схемами правового регулирования.

В рамках анализа рассматриваемого правового спора следует обратить внимание на статус субъекта, имущество которого было подвергнуто аресту. В части 3 ст. 115 УПК РФ он отнесен к категории «другие лица», не включающей в себя подозреваемых, обвиняемых или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия. С одной стороны, заметна неопределенность их состава, что авторы настоящей работы ранее уже отмечали. С другой — специфика их правового положения состоит в том, что они не включены в раздел II УПК РФ. Несмотря на то что эти лица дополнительно упоминаются в ч. 3² ст. 6¹, ч. 3 и ч. 9 ст. 115, ч. 6 ст. 115¹, ч. 7 ст. 208 УПК РФ, они не наделены в установленном порядке соответствующими правами и обязанностями. Следовательно, возможность защиты ими своих интересов достаточно ограничена и во многом зависит от усмотрения соответствующих должностных лиц. Полагаем, что данное обстоятельство оказало определенное негативное влияние

---

⁴³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО «Белый скит» на нарушение конституционных прав и свобод частью девятой статьи 115 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2012 г. № 2227-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 3. С. 18–21.

на порядок рассмотрения вопроса об освобождении имущества от ареста в рамках уголовно-процессуальных отношений.

С учетом сформулированной Конституционным Судом РФ правовой позиции становится очевидным, что после вступления приговора в законную силу режим обеспечения сохранности ранее арестованного имущества указанной категории лиц законодательно не определен. Закрепленные в ч. 3² ст. 6¹, ч. 3 ст. 115 и ст. 115¹ УПК РФ нормы, определяющие порядок установления и продления срока ареста имущества, не распространяются и, по всей видимости, не должны распространяться на отношения, связанные с исполнением приговора в части гражданского иска. Предусмотренная в ч. 9 ст. 115 УПК РФ возможность отмены ареста имущества, когда в этой мере отпадает необходимость, предполагает возможность ее сохранения лишь на период предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу, но не после окончания судебного разбирательства и вступления приговора в законную силу. С учетом данных обстоятельств возможность сохранения имущественных ограничений для лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми и не несущих по закону материальную ответственность за их действия, теперь необходимо связывать с правовыми механизмами, закрепленными в других отраслях права, предусматривающими иные режимы обеспечения исковых требований участников правового спора.

Аргументирует Конституционный Суд РФ данный подход тем, что сохранение ареста на имущество лица, не являющегося обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия, в целях обеспечения гражданского иска после вступления приговора в законную силу означает несоразмерное и необоснованное умаление прав собственности. Оно не отвечает конституционным критериям справедливости и степени ограничений прав и свобод, не обеспечивает гарантии охраны собственности законом, вытекающие из принципа неприкосновенности собственности, а также гарантии судебной защиты. При этом сама по себе возможность сохранения имущественных ограничений указанных лиц Конституционным Судом РФ не исключается, но это должно происходить на основе частноправовых механизмов правового регулирования отношений собственности.

Ключевым нормотворческим посылом Конституционного Суда РФ в рассматриваемом постановлении является тезис о допущении возможности возмещения причиненного преступлением вреда путем установления федеральным законодателем процедурных механизмов перевода ареста этого имущества из уголовного в гражданское (арбитражное) су-

допроизводство в случае признания в приговоре права на удовлетворение гражданского иска⁴⁴.

Уголовное судопроизводство знает несколько ситуаций межотраслевого взаимодействия такого рода. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 309 УПК РФ при необходимости произвести дополнительные расчеты, связанные с гражданским иском, требующие отложения судебного разбирательства, суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

Отмена ареста безналичных денежных средств, возмещение имущественного вреда, причиненного нарушением разумного срока применения данной меры процессуального принуждения, также могут быть связаны с их разрешением в порядке гражданского судопроизводства (ч. 9 ст. 115, ч. 6 ст. 115¹ УПК РФ). Аналогично могут решаться споры о принадлежности вещественных доказательств (п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ).

Данный аспект правового регулирования показывает межотраслевой характер анализируемых отношений. Авторы данной работы неоднократно подчеркивали эту особенность наложения ареста на имущество⁴⁵. Свои предложения в этой части вносили и другие ученые⁴⁶. С учетом сформулированных Конституционным Судом РФ подходов появляются основания для формирования новых механизмов деятельности суда при определении судьбы арестованного имущества. В этом случае они также будут иметь межотраслевой характер.

В настоящее время в УПК РФ отсутствует универсальный механизм перевода ареста этого имущества из уголовного в гражданское

---

⁴⁴ По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 УПК РФ в связи с жалобой гражданки И. В. Янмаевой от 17 апреля 2019 г № 18-П // Рос. газета. 2019. 29 апр.

⁴⁵ Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Место наложения ареста на имущество в системе уголовно-процессуального законодательства: история и современность // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 2. С. 18–24 ; Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Особенности наложения ареста на ценные бумаги при производстве по уголовным делам // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3. С. 7–11.

⁴⁶ См., напр.: Каиштанова Н. С. О необходимости совершенствования уголовно-процессуального закона в части определения судьбы арестованного имущества при вынесении приговора суда (п. 11 ч. 1 ст. 299 УПК РФ) : теоретико-практическое исследование // Рос. судья. 2017. № 7. С. 37–41 ; Искандиров В. Б. Наложение ареста на имущество в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 157–158 ; и др.

(арбитражное) судопроизводство. Соответствующий порядок должен быть выработан законодателем. До принятия необходимых изменений в УПК РФ при разрешении уголовных дел судам придется брать за основу достаточно общие оценочные категории, вытекающие из ч. 1 ст. 35 и ч. 1 ст. 46 Конституции РФ и правовых позиций Конституционного Суда РФ, сформулированных в анализируемом решении.

Несмотря на образовавшийся правовой пробел, правоприменителю уже сейчас необходимо иметь механизм обеспечения сохранности арестованного имущества для его применения в сходных ситуациях на основе действующего порядка правового регулирования уголовно-процессуальных отношений. Для его выработки целесообразно исходить из характеристики имущества, на которое наложен арест. В решении Конституционного Суда РФ описывается случай ареста имущества, хотя и находящегося у третьего лица, но фактически принадлежащего субъекту, признанному приговором виновным в совершении преступления. В условиях доказанности того, что данное имущество было приобретено на денежные средства, добытые преступным путем, оно может обладать признаками вещественного доказательства (ч. 1 ст. 81 УПК РФ).

Статус вещественного доказательства придает хранению такого имущества иное содержание. С одной стороны, исходя из требований п. 3¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ, деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества, обнаруженные при производстве следственных действий, подлежат аресту в порядке, установленном ст. 115 УПК РФ. С другой — принятие этого решения не требует заявления гражданского иска. Кроме того, данная разновидность ареста имущества, находящегося у лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, осуществляется в публично-правовых целях для обеспечения сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу.

Поскольку предложенный нами подход исключает используемый в нем порядок действий из частноправовой сферы, запретительный вывод Конституционного Суда РФ, сформулированный в рассматриваемом постановлении, на данные отношения не может быть распространен. При вынесении приговора должен решаться вопрос о вещественных доказательствах (ч. 3 ст. 81 УПК РФ). Учитывая достаточно часто возникающую неопределенность вопросов о собственности, спор о принадлежности вещественных доказательств может быть передан на разрешение в гражданское судопроизводство (п. 6 ч. 3 ст. ст. 81, 299 УПК РФ).

Решение этой важной проблемы, связанной с формированием соответствующих отношений, видится в оптимальном сочетании норм уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства в части установления сроков рассмотрения вопроса об аресте имущества для обеспечения требований гражданского иска. Каких-либо процедур в настоящее время здесь пока не определено. Соответствующие ходатайства разрешаются лишь после возбуждения гражданского дела в общем порядке (ст. ст. 133, 141, 142 ГПК РФ). В связи с этим прекращение ареста имущества после вступления приговора в законную силу может привести к его утрате, что повлечет невозможность возмещения причиненного преступлением вреда, в том числе и в порядке гражданского судопроизводства.

В юридической литературе предлагаются разные пути решения этой проблемы. Однако все они были разработаны до принятия Конституционным Судом РФ соответствующего постановления⁴⁷. Предложения сводятся к необходимости либо продления, либо сохранения сроков ареста имущества. В современных условиях, принимая во внимание, что Конституционный Суд РФ допускает возможность создания механизма перевода ареста имущества из уголовного в гражданское (арбитражное) судопроизводство, представляется целесообразным предусмотреть право суда принять соответствующее решение при постановлении приговора. С учетом положений п. 11 ст. 299 УПК РФ, вынесение «переводного» решения предполагает определение срока, необходимого для начала производства в гражданско-правовом порядке. Не исключено автоматическое возбуждение указанного вида производства с сохранением ареста имущества, которое может быть скорректировано судом с учетом требований ГПК РФ либо АПК РФ. Реализация данного порядка потребует изменений законодательства.

В правоприменительной деятельности уже имеются примеры упрощенного признания правоустанавливающих фактов при переходе отношений из одной сферы законодательного регулирования в другую. Так, в соответствии с п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (в ред. от 16.05.2017 г.) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» при передаче вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 309 УПК РФ) дополнительного заявления от гражданского истца не требуется⁴⁸.

Исключить возможность утраты спорного имущества можно и с помощью гражданско-правовых механизмов правового регулирования рас-

---

⁴⁷ См., напр.: *Каишанова Н. С.* Указ. соч. С. 37–41 ; *Искандиров В. Б.* Указ. соч. С. 157–158 ; и др.

⁴⁸ *Рос. газета.* 2010. 7 июля.

сма­три­вае­мых от­но­ше­ний, на­при­мер, пу­тем за­клю­че­ния до­го­во­ра хра­не­ния. Пе­ре­да­ча иму­ще­ства на хра­не­ние вла­дель­цу в зна­чи­тель­ной сте­пени сни­жа­ет не­об­хо­ди­мость при­вле­че­ния спе­ци­а­ли­стов для оцен­ки его сто­имости и спо­соб­ствует со­кра­ще­нию рас­хо­дов на его со­дер­жа­ние.

Та­ким об­ра­зом, оче­ред­ное ре­ше­ние Кон­сти­ту­ци­он­но­го Су­да РФ вно­сит свои кор­рек­ти­вы в от­дель­ные ас­пек­ты пра­во­при­менитель­ной дея­тель­ности, свя­зан­ные с арес­том иму­ще­ства, дли­тель­но­стью его ре­а­ли­за­ции. Пре­ва­ли­ру­ю­щие в ре­ше­нии во­про­сов о соб­ствен­ности част­ные на­ча­ла при­во­дят к не­об­хо­ди­мо­сти фор­ми­ро­ва­ния в уго­лов­ном су­до­про­из­вод­стве бо­лее тес­ных свя­зей с нор­ма­ми гра­ждан­ско­го и гра­ждан­ско­-про­цес­су­аль­но­го за­ко­но­да­тель­ства.

§ 4. Ос­но­ва­ния и по­ря­док воз­ме­ще­ния вре­да, при­чи­нен­но­го не­за­кон­ным на­ло­же­нием арес­та на иму­ще­ство

На­ло­же­ние арес­та на иму­ще­ство в си­лу своей спе­ци­фи­ки может при­мен­яться как к об­ви­няе­мым (под­оз­ре­вае­мым), так и к ли­цам, не­су­щим по за­ко­ну ма­те­ри­аль­ную от­вет­ствен­ность за их дей­ствия. Не­смот­ря на от­сут­ствие ста­ту­са прес­ле­дуе­мо­го ли­ца, они тем не ме­нее под­вер­га­ются оп­ре­де­лен­ным иму­ще­ствен­ным ог­ра­ни­че­ния­м. Из со­дер­жа­ния ч. 1 ст. 115 УПК РФ не­понятно, ка­кие субъ­ек­ты могут под­вер­гаться со­от­вет­ствующей ме­ре принуж­де­ния, за­ко­но­да­тель их не пер­со­ни­фици­рует. Для это­го не­об­хо­ди­мо об­ра­титься к гра­ждан­ско­му за­ко­но­да­тель­ству. Имен­но Гра­ждан­ский ко­декс РФ со­вер­шен­но чет­ко оп­ре­де­ляет, кто может нести от­вет­ствен­ность за вред, при­чи­нен­ный дру­гими лю­дьми (ст. ст. 1073–1076, 1078 ГК РФ). Мно­гое за­ви­сит от пра­во­во­го ста­ту­са са­мо­го при­чи­ни­те­ля вре­да, его воз­ра­ста и пси­хи­че­ско­го со­сто­я­ния. Вы­де­ля­ются две ос­нов­ные груп­пы субъ­ек­тов, к ко­то­рым иму­ще­ствен­ные претен­зии ча­сто не могут быть предъ­яв­ле­ны лич­но. Это не­со­вер­шен­но­лет­ние и ли­ца, при­зан­ные в ус­та­нов­лен­ном по­ря­дке не­де­еспособ­ными. Иму­ще­ствен­ную от­вет­ствен­ность за их дей­ствия за­ко­но­да­тель по­зво­ляет воз­ла­гать как на ро­ди­те­лей, так и на дру­гих членов се­мьи, вы­сту­па­ю­щих в ро­ли за­кон­ных пред­ста­ви­те­лей (опе­ку­нов или по­печител­ей). Все они могут при­вле­каться в ка­че­стве гра­ждан­ских от­вет­чи­ков по уго­лов­но­му де­лу (ст. 54 УПК РФ).

В рос­сий­ском уго­лов­ном про­цес­се ли­ца, в от­но­ше­нии ко­то­рых не осу­ществ­ляется об­ви­ни­тель­ная дея­тель­ность, об­ла­да­ют пра­вом на воз­ме­ще­ние вре­да в со­от­вет­ствии с ч. 3 ст. 133 УПК РФ, если их иму­ще­ство под­вер­галось арес­ту не­за­кон­но. Пон­ятие «не­за­кон­ное на­ло­же­ние арес­та на иму­ще­ство» ис­поль­зуется в за­ко­но­да­тель­стве и прак­ти­че­ской дея­тель­ности до­воль­но ши­ро­ко. О за­кон­ности или не­за­кон­ности на­ло­же­ния арес­та на иму­ще­ство, ука­зан­но­го в ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, го­во­рится

в ч. 5 ст. 165 УПК РФ. О незаконных действиях в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации, разъясняется в ст. 312 УК РФ. В различных интерпретациях данное понятие встречается в решениях Конституционного и Верховного судов⁴⁹.

Вышеизложенное позволяет констатировать наличие проблемы, имеющей не только теоретический, но и прикладной характер. Для реализации положений ч. 3 ст. 133 УПК РФ в рассматриваемой ситуации важнейшим является признание наложения ареста на имущество незаконным. В теории определены различные признаки незаконного применения мер процессуального принуждения. К ним относят данные о наличии оснований, соблюдении установленного порядка, применении меры принуждения уполномоченным лицом, наличии причиненного вреда, причинно-следственных связей между выполненными действиями и наступившими последствиями⁵⁰.

Перечисленные обстоятельства, безусловно, носят оценочный характер при определении законности или незаконности наложения ареста на имущество. По нашему мнению, ключевыми следует считать данные о том, имелись ли основания для наложения ареста на имущество; соблюден ли предусмотренный законом порядок применения этой меры принуждения и ее отмены; а также о наличии причиненного вреда.

Применительно к основаниям наложения ареста на имущество следует отметить, что в ст. 115 УПК РФ они надлежащим образом не сформулированы. Вместе с тем они имеют большое значение для принятия соответствующего решения, исключения подмены его другими действиями и оценки законности. Свои подходы к решению данной проблемы авторы уже представили в рамках второй главы исследования.

Соблюдение процессуального порядка предполагает выполнение всех процедур наложения ареста на имущество в строгой последовательности и в установленные сроки. К числу особенностей его осуществления относится то, что законодатель довольно кратко говорит, кто вправе участвовать в ходе ареста имущества. Анализ ст. 115 УПК РФ не дает нам ответа на вопрос о том, есть ли такое право у лица, чье имущество подвер-

---

⁴⁹ См., напр.: *Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П*; *Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2010 г. № 5-П*; *Надзорное определение Верховного Суда РФ от 6 сентября 2005 г. по уголовному делу № 74-Д05-11*. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; и др.

⁵⁰ *Николюк В. В.* Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 25–26 ; *Бажанов А. В.* Возмещение имущественного вреда реабилитированному в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 16 ; и др.

гается описи, либо членов его семьи. Нужно признать, что законодатель такую возможность не исключает. Это позволит защитить имущественные права и интересы лица, в отношении которого применяется данная мера принуждения, и его близких. Вместе с тем вовлечение указанных лиц в процесс реализации рассматриваемой меры процессуального принуждения дает возможность оттянуть момент составления описи, возникает опасность сокрытия имущества от ареста. Порядок вовлечения обвиняемого (подозреваемого) либо совершеннолетних членов его семьи в процесс составления описи арестованного имущества, на наш взгляд, должен носить уведомительный характер. Реализация судебного решения о применении данной меры процессуального принуждения не нуждается в дополнительном уяснении воли других участников уголовного процесса.

Достаточно спорным представляется вопрос о том, каков порядок установления законности включения в протокол определенного имущества, учитывая, что само решение о применении рассматриваемой меры принуждения не подвергается сомнению. Этот вопрос возник в результате анализа практики применения ареста имущества. В постановлениях суда и ходатайствах следователя, дознавателя не всегда указывается имущество, подвергаемое аресту. Нередко его наличие устанавливается в момент составления протокола. Встречаются случаи, когда перечни имущества, имеющиеся в постановлении и протоколе, не совпадают. Эти ситуации возникают, как правило, когда заранее неясно, что может быть подвергнуто описи. Более того, в ходе реализации этой меры принуждения возможен спор об имуществе, особенно если оно является частью общей собственности членов семьи обвиняемого (подозреваемого).

В этом контексте представляет интерес порядок установления законности включения в протокол спорного имущества. Его формирование в досудебном производстве полностью зависит от усмотрения следователя (дознавателя). Невозможность решить эти проблемы одновременно при наложении ареста заставляет правоприменителей включать в протокол все обнаруженное в жилище имущество (с учетом требований ст. 446 ГПК РФ). Понятно, что при таком подходе могут серьезно пострадать интересы лиц, проживающих совместно с обвиняемым (подозреваемым) или гражданским ответчиком по уголовному делу. Они не будут иметь возможности распорядиться своим имуществом, а иной раз и пользоваться им⁵¹. При наличии вреда, причиненного такими действиями орга-

---

⁵¹ См. подробнее: *Дежнев А. С.* Охрана интересов семьи и несовершеннолетних при применении меры принуждения в виде наложения ареста на имущество // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 3(38). С. 6–12.

нов предварительного расследования, появляются основания для реализации права, предусмотренного ч. 3 ст. 133 УПК.

При оценке законности наложения ареста на имущество следует учитывать, что ч. 9 ст. 115 УПК РФ предусматривает его отмену, когда в этом отпадает необходимость. Если в случае изменения оснований мера принуждения не отменяется, следует признать, что она применяется незаконно.

Помимо определения законности решения и действий уполномоченных лиц по аресту имущества, важно установить размер вреда, причиненного в результате применения данной меры процессуального принуждения. При возмещении имущественного вреда в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 133 УПК РФ, речь может идти о компенсации понесенных потерь ввиду невозможности эксплуатации имущества, его восстановления, сумм, выплаченных за оказание юридической помощи, иных расходов. Практике известны случаи, когда изъятое у лица арестованное имущество реализуется (скоропортящиеся товары), повреждается, утрачивается. Владельцу имущества должна быть возмещена его рыночная стоимость на день вступления в силу решения о признании наложения ареста на имущество незаконным⁵². Закон (ч. 1 ст. 133 УПК РФ) предусматривает возможность устранения последствий морального вреда. Однако требование о компенсации причиненного морального вреда в денежном выражении заявляется только в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 135 УПК РФ).

Подвергать имущество аресту, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, в соответствии с п. 9 ч. 2 ст. 29 и ст. 115 УПК РФ вправе только суд в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ. Законность принятия этого решения может быть обжалована исходя из требований ст. 127 УПК РФ.

Законность наложения ареста на имущество может устанавливаться и в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Он является исключительным и распространяется только на случаи наложения ареста на имущество, указанное в ч. 1 ст. 104¹ УК РФ. Когда применение указанной принудительной меры не терпит отлагательства, она может быть реализована на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения. В течение 24 часов об этом уведомляются судья и прокурор. Не позднее 24 часов с момента поступления уведомления судья проверяет законность применения рассматриваемой

---

⁵² *Николюк В. В.* Основания возникновения права на возмещение вреда в порядке ч. 3 ст. 133 УПК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 3. С. 44.

меры принуждения и выносит постановление о его законности или незаконности.

Применительно к данному исключительному порядку появляется теоретическая возможность обжалования законности наложения ареста на имущество, указанное в ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, и отмены решения об этом в рамках ст. 124 УПК РФ. Это возможно в случае, если вопрос не согласовывался следователем с руководителем следственного органа, а дознавателем — с прокурором. Прокурор, руководитель следственного органа могут отменить арест имущества в рамках своих полномочий до принятия судебного решения в порядке ст. 165 УПК РФ.

Согласно ч. 3 ст. 133 УПК РФ возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам процессуального принуждения при производстве по уголовному делу, осуществляется по правилам гл. 18 УПК РФ. После признания решения о наложении ареста на имущество незаконным в течение сроков исковой давности лицо вправе обратиться в суд с требованием о возмещении имущественного вреда. Для подтверждения понесенных расходов должны быть представлены соответствующие документы (ст. 134 УПК РФ).

Данное заявление рассматривается судом, постановившим приговор, вынесшим постановление, определение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, либо судом по месту жительства заявителя, либо судом по месту нахождения органа, вынесшего постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования либо об отмене или изменении незаконных или необоснованных решений. Если уголовное дело прекращено или приговор изменен вышестоящим судом, то требование о возмещении вреда направляется в суд, постановивший приговор. Особенностью данного вида ущерба является то, что требование о его возмещении не связывается с итоговым решением по уголовному делу. Оно возникает с момента установления незаконности применения принудительной меры в процессе досудебного или судебного производства.

Не позднее одного месяца со дня поступления требования о возмещении имущественного вреда судья определяет его размер и выносит постановление о производстве выплат в возмещение этого вреда. Указанные выплаты производятся с учетом уровня инфляции. Требование о возмещении имущественного вреда разрешается судьей в порядке, установленном ст. 399 УПК РФ для вопросов, связанных с исполнением приговора.

Оценивая порядок возмещения вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам процессуального принуждения, нельзя не обратить внимания на то, что в литературе высказываются суждения об отказе от уголовно-процессуальной процедуры восстановления прав в пользу гражданского

судопроизводства. Обосновывается это тем, что в ГПК РФ заложен менее сложный порядок возмещения вреда, чем тот, что установлен главой 18 УПК РФ⁵³. Потребность введения института повышенной гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный действиями правоохранительных органов, обосновывают и другие авторы⁵⁴.

Вместе с тем учеными-процессуалистами обосновывается противоположная точка зрения. Исследуя соотношение двух отраслей права, А. В. Бажанов приходит к справедливому, на наш взгляд, выводу, что при возмещении имущественного вреда следует применять УПК РФ, поскольку исследуемые правоотношения включены в предмет его правового регулирования⁵⁵.

В различных вариантах данная позиция отстаивается и аргументируется в работах, посвященных институту реабилитации в уголовном судопроизводстве⁵⁶ и собственно возмещению вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения, в порядке ч. 3 ст. 133 УПК РФ⁵⁷. Аналогично видят проблему и наши коллеги из Республики Казахстан. По их мнению, имущественные интересы участников уголовного судопроизводства, затронутые в ходе расследования или судебного разбирательства по уголовному делу, могут реализовываться в рамках уголовно-процессуальной деятельности⁵⁸.

Верховный Суд Российской Федерации однозначно высказался за уголовно-процессуальный порядок рассмотрения вопросов возме-

---

⁵³ *Прощалыгин Р. А.* Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов предварительного следствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 24–25.

⁵⁴ См., напр.: *Магоматов А. Ш.* Организация правоохранительной деятельности по возмещению вреда, причиненного терроризмом (на примере Чеченской Республики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 10 ; *Куликов В.* В частном порядке // Рос. газета. 2010. 2 дек.

⁵⁵ *Бажанов А. В.* Указ. соч. С. 11.

⁵⁶ См., напр.: *Раменская В. С.* Институт реабилитации в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 8, 13–14 ; *Рогачев С. А.* Реабилитация в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9–10, 18.

⁵⁷ См., напр.: *Сосновик Н. Ф.* Возмещение вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам незаконным применением мер процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 9 ; *Гуляев А. П., Николюк В. В.* Возмещение вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения // Государство и право. 2007. № 6. С. 59–67 ; *Николюк В. В.* Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 3–5 ; и др.

⁵⁸ *Ханов Т. А.* Имущественные вопросы в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2006. С. 11.

щения причиненного ущерба в порядке ч. 3 ст. 133 УПК РФ⁵⁹. Итоговой можно считать позицию Конституционного Суда РФ, который, отмечая публично-правовой характер наложения ареста на имущество, подтверждает возможность рассмотрения вопроса о возмещении вреда, установленного гл. 18 УПК РФ, в уголовно-процессуальном порядке⁶⁰.

Кроме того, Конституционный Суд РФ в постановлении от 2 марта 2010 г. № 5-П признал несогласованность между взаимосвязанными положениями частей 2 и 4 ст. 135 УПК РФ относительно вынесения следователем, дознавателем не требующего подтверждения в судебном порядке постановления о производстве выплат в целях компенсации имущественного вреда лицам, реабилитированным на стадии досудебного производства по уголовному делу, с одной стороны, и положениями ст. ст. 242¹ и 239 Бюджетного кодекса РФ, допускающими взыскание из средств бюджетов Российской Федерации только по судебному акту, с другой.

Конституционный Суд РФ предписал федеральному законодателю установить непротиворечивый, адекватный правовой механизм возмещения имущественного вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, который обеспечивал бы всем реабилитированным лицам эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего общеправовым требованиям справедливости и равенства⁶¹.

В целях ликвидации пробелов и несогласований в действующем законодательстве Российской Федерации законом № 144-ФЗ от 1 июля 2010 г. «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс РФ»⁶² в ч. 2 ст. 135 УПК РФ дополнен и упрощен порядок возмещения вреда по правилам гл. 18 УПК РФ.

Решения высших судебных инстанций и линия развития законодательства однозначно приводят к выводу, что возмещение вреда, причиненного гражданину, подвергнутому мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, охватывается предметом уголовно-процессуального регулирования.

---

⁵⁹ *Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 13 декабря 2006 г. № 48-Г06-4 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5. С. 31–32.*

⁶⁰ *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Леденцова Олега Львовича на нарушение его конституционных прав статьями 108, 109, частью третьей статьи 133 и статьей 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2009 г. № 1628-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

⁶¹ *Рос. газета. 2010. 12 марта ; Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 г. // Рос. газета. 2011. 13 мая.*

⁶² *Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 27, ст. 3428.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет констатировать, что основной движущей силой современного развития нормативной регламентации наложения ареста на имущество выступают решения Конституционного Суда РФ. Законодатель в последнее время совершенствует соответствующие нормы лишь по мотивам принятых органом конституционного контроля решений. Сформировавшийся подход нам представляется малопродуктивным. Законодатель занимает фактически выжидательную позицию, по принципу: будет решение Конституционного Суда РФ — будут законодательные изменения. При этом давно назрела необходимость комплексного подхода к развитию соответствующих уголовно-процессуальных отношений.

Благодаря разной отраслевой принадлежности законодательного регулирования обращения имущества, при наложении на него ареста следователю, дознавателю приходится учитывать большое количество нормативных правовых актов. Применение совмещенных правил данной разновидности принуждения и разрешение вопросов конкуренции общих аспектов и частных особенностей оборота имущества, закрепленных в других законодательных актах, усиливает роль усмотрения следователя, дознавателя и суда. Следователю, дознавателю и суду приходится выводить из достаточно объемной массы нормативных правовых актов адаптированный под уголовный процесс порядок. Нередко встречается коллизия норм различных законодательных установлений.

Кроме того, в контексте исполнения рассматриваемой меры принуждения следователь, дознаватель, суд, ориентированные на установление обстоятельств преступного события, с учетом предмета доказывания, вынуждены одновременно решать еще и другую задачу, связанную с проблемами собственности. С учетом специфики современного характера товарно-денежных отношений, их многоплановости, создается опасность того, что обвинительная роль следователя, дознавателя по некоторым делам экономической направленности может уйти на второй план. Часто на этапе предварительного расследования преступной деятельно-

сти возникают споры между собственниками. Без отдельного судебного решения в рамках гражданского судопроизводства иногда невозможно установить принадлежность того или иного имущества. Это значительно осложняет уголовный процесс.

Имеется комплекс вопросов, связанных с хранением арестованного имущества. Уголовно-процессуальная форма правоприменительной деятельности соответствующих должностных лиц не предполагает выполнения такого рода хозяйственных функций. Тем не менее без ее осуществления иной раз не обойтись. В этой части межотраслевые связи не выстроены. К тому же регулирование такого рода вопросов чаще осуществляется гражданским законодательством, в рамках которого приоритет отдается частноправовым механизмам рассмотрения вопросов. Они решаются параллельно с расследованием и судебным разбирательством уголовных дел, нередко требуя больше временных затрат, чем само расследование преступной деятельности. Необходимо, чтобы следователь, дознаватель, судья дистанцировались от решения такого рода хозяйственных вопросов.

На фоне общего технического прогресса нельзя не учитывать и поступательного развития экономических отношений. Все чаще стало встречаться понятие «цифровая собственность». Такого рода обстоятельства формируют новые вызовы в контексте возможности не только ареста традиционных видов имущества, но и учета нового формата имущественных отношений в уголовном судопроизводстве. Очевидно, что преступления в цифровой сфере будут иметь место, а способы их доказывания требуют серьезных знаний не только юриспруденции, но и ряда технических вопросов.

Таким образом, есть комплекс проблем, которые не решаются законодателем достаточно давно. Появляются новые. Они множатся по мере развития общественных отношений. Даже после принятия органом конституционного контроля ряда корректирующих решений говорить об устранении многих проблем в рамках заявленной темы исследования преждевременно.

Требуется законодательная инициатива, направленная на разработку комплексного подхода, предполагающего учет современных особенностей развития имущественных отношений в области ареста имущества по уголовным делам. Имеется насущная потребность в разработке отдельного либо в рамках самостоятельной главы УПК РФ законодательного акта, регулирующего отношения в части наложения ареста на имущество.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ	
§ 1. Теоретико-правовые предпосылки совершенствования законодательного регулирования наложения ареста на имущество	5
§ 2. Круг лиц, на имущество которых может быть наложен арест при производстве по уголовным делам	27
§ 3. Исчисление сроков наложения ареста на имущество	37
ГЛАВА 2. ОСНОВАНИЯ НАЛОЖЕНИЯ И ОТМЕНЫ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО	
§ 1. Наложение ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска	50
§ 2. Наложение ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части взыскания штрафа	60
§ 3. Наложение ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части возможной конфискации имущества	70
§ 4. Наложение ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части иных имущественных взысканий	80
§ 5. Основания отмены ареста на имущество в досудебном производстве по уголовным делам	87
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО	
§ 1. Особенности наложения ареста на ценные бумаги	98

§ 2. Особенности наложения ареста на совместно нажитое имущество.	106
§ 3. Обеспечение сохранности находящегося под арестом имущества при исполнении приговора	121
§ 4. Основания и порядок возмещения вреда, причиненного незаконным наложением ареста на имущество	128
Заключение.	136

Монография

Булатов Борис Борисович,
Дежнев Александр Сергеевич

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

Редактор О. В. Арефьева

Корректор Л. И. Замулло

Технический редактор М. Ю. Чалкова

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 14.12.2023. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 8,1. Уч.-изд. л. 8,7. Тираж 100 экз. Заказ № 304.

Редакционно-издательский отдел
Отделение полиграфической и оперативной печати
644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7